

исследования по аналитической философии

Джон Пассмор

Современные философы

Перевод с английского Л. Б. Макеевой

Идея-Пресс, Москва, 2002



Recent Philosophers

a supplement to

A Hundred Years of Philosophy

by John Passmore

Emeritus Professor of Philosophy Australian National University

Duckworth 1992

УДК 1/14

ББК 87.3 П19

Данное издание выпущено в рамках программы Центрально-Европейского Университета «Translation Project»

при поддержке Центра по развитию издательской деятельности (OSI — Budapest) и Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) — Россия

Выражаем благодарность Американскому культурному центру за информационную поддержку издания

Пассмор, Джон

П19 Современные философы. Перевод с англ. Л. Б. Макеевой. — М.: Идея-Пресс, 2002. — 192 с.

Книга представляет собой продолжение другой книги Пассмора «Сто лет философии» и вводит читателя в курс современных дискуссий аналитической философии. Различие, по мнению автора, состоит в том, что разделение на разные типы философствования больше не соответствует географическим границам даже в той мере, в какой это имело место раньше.

ББК 87.3

Copyright © 1986 by Passmore John ISBN 5-7333-0035-3 Copyright © 1986 by Gerald Duckworth & Co Ltd.

© Перевод с англ. Л. Б. Макеевой, 2001

© Художественное оформление Идея-Пресс, 2001

© Художник В. П. Коршунов, 2001

© Идея-Пресс, 2002

ПРЕДИСЛОВИЕ	2
Глава 1. ВВЕДЕНИЕ: ПЕРЕМЕНЫ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ	4
Глава 2. СТРУКТУРА И СИНТАКСИС	19
Глава 3. ОТ СИНТАКСИСА К СЕМАНТИКЕ	30
Глава 4. ДЭВИДСОН И ДАММИТ	46
Глава 5. РЕАЛИЗМ И РЕЛЯТИВИЗМ	62
ПРИМЕЧАНИЯ	85
Сокращения.....	85
Глава 1	86
Глава 2	96
Глава 3	103
Глава 4	111
Глава 5	113
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	119
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	130

Содержание

Предисловие.....	7
Глава I	
Введение: перемены и преемственность.....	9
Глава II	
Структура и синтаксис.....	31
Глава III	
От синтаксиса к семантике.....	47
Глава IV	
Дэвидсон и Даммит.....	71
Глава V	
Реализм и релятивизм.....	94
Примечания	127
Именной указатель	176
Предметный указатель	187

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во второе издание «Ста лет философии» (1966) я включил новую главу, охватывающую период, прошедший со времени первого издания книги (1957). Именно так я и продолжал делать в течение долгого времени, все более нарушая композиционное единство книги. Но в итоге я потерпел полную неудачу. Глава все росла и росла, а у меня не исчезало чувство неудовлетворенности ее краткостью. Во введении к этой новой книге я отчасти объяснил, с чем это было связано. К этому следует добавить следующее: современная философия, прежде всего, отличается своей дотошностью; излагать ее кратко - значит вообще не излагать. Кроме того, довольно часто взгляды того или иного философа вырисовываются из ряда взаимосвязанных статей в периодических изданиях, а не формулируются в четком виде в каком-то одном труде. Порой они излагаются чрезвычайно сжато, или их изложение предполагает, что читателю известно то, что принимается без доказательств. Чтобы сделать такую философию более понятной, ее нужно рассмотреть в более широком контексте, а не предложить некоторую выжимку из нее. Я едва ли могу надеяться на то, что даже при нынешнем объеме книги мне удалось сделать нечто большее, чем просто дать некоторое представление о современной философии. Это описательное, неформальное, неизбежно суммарное изложение некоторых

недавних дискуссий, а отнюдь не глубокий анализ или окончательная оценка тех философов, которые «действительно имеют значение». Кто-нибудь когда-нибудь сделает это намного лучше меня.

Что считать «современной философией»? Должен подчеркнуть, ибо не каждый, думаю, знает это, что во втором издании моей книги «Сто лет философии» уже содержалось изложение идей таких активно работающих сейчас философов, как Куайн, Стросон, Фейерабенд. В таком случае «современный» начинается с 1966 г. Но мне довольно часто приходится обращаться к периоду, предшествовавшему этой дате, когда требуется описать предпосылки или исправить упущения. Конечная дата столь же подвижна. Даже в основном тексте встречаются ссылки на книги, опубликованные в 1983 г. Но все же главным образом рассматриваются авторы, которые были известными философами десятилетие назад; из англо-американских имен почти

8 Джон Пассмор. Современные философы

все уже упоминались, хотя бы мимоходом, в издании 1966 г. Если не брать в расчет примечания, то молодому поколению, видимо, придется еще подождать своего историка.

Что касается примечаний, то они в той мере отражают состояние современной философской литературы, в какой мне, из моего австралийского далека, удалось этого добиться. Однако они намного менее полные, нежели примечания в первой книге. В тех примечаниях мало что существенное осталось неучтенным. Сегодня это не только невозможно, да и не нужно. В 1957 г., возможно, в подражание великим классическим философам и даже сверх установленного ими обычая библиографическая строгость была в порядке вещей. Сейчас философы предпочитают видеть в себе квазиученых, совместно занимающихся некой исследовательской программой. Подготовка докторской диссертации (PhD) предполагает многократное увеличение количества ссылок. Поэтому, хотя я редко ссылаюсь на статьи в периодических изданиях, не говоря уже о рецензиях, приведенные в книгах библиографии я указываю, а поскольку во многих из них собраны ссылки на периодические издания, это восполняет мои пробелы.

Некоторое неудобство возникает из-за решения напечатать эти книги по отдельности. Я надеюсь в не очень далеком будущем опубликовать в переработанном и дополненном виде издание «Ста лет философии», вышедшее в «Pelican Books». В настоящей книге я часто делаю перекрестные ссылки на примечания в том издании. На данный момент имеется разрыв между литературой, на которую я здесь ссылаюсь как на упоминаемую в том издании, и литературой, которая действительно там упоминается; если все пойдет хорошо, в скором времени это несоответствие будет устранено.

Эта книга написана профессором в отставке. Той исключительно щедрой помощи, которую мне предоставляли прежде, теперь я был лишен. В значительно большей степени, чем обычно, оказалось востребованной помощь моей жены, я очень благодарен ей за это. В другое время и в другой стране от престарелых ждали бы, что они тихо исчезнут, мне лее исключительно повезло, и Австралийский национальный университет предоставил мне сначала университетскую стипендию, а затем стипендию приглашенного исследователя на факультете истории идей, где я работал под чутким руководством профессора Евгения Каменки. Миссис Хелен Хуки с этого факультета оказала мне огромную помощь, напечатав некоторые части окончательного варианта рукописи. Мои коллеги, и здесь и за рубежом, высказали замечания по некоторым разделам книги. Было бы нехорошо указать их здесь поименно, поскольку они не видели окончательного варианта. Но они помогли мне избежать ряда ошибок. Я был бы рад, если бы и на другие ошибки кто-то обратил мое внимание.

Канберра Февраль 1984 г. Дж.П.

Глава 1. Введение: перемены и преемственность 9

Глава 1. ВВЕДЕНИЕ: ПЕРЕМЕНЫ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

Бурное, не укладывающееся в четкие определения, разнообразное по вдохновляющим идеям и методам — как можно надеяться описать это современное англо-американское философское движение * кратко, но в то же время понятным и всесторонним образом? Ответ один — этого сделать невозможно. Так много пишущих философов, так много поднимаемых проблем — стремление к полноте в этом случае уже не может считаться рациональным. Более скромное название, скажем «Некоторые современные философские дискуссии в очень кратком изложении», было бы более точным, но вряд ли отвечало бы требованиям сегодняшнего стиля. Осознавая необходимость строго избирательного подхода, я начну с общего обзора современной философской арены, прежде чем сосредоточусь на относительно немногих темах и относительно немногих философах и рассмотрю их более подробно. Я попытаюсь рассеять предположение о том, будто философия обитает только в тех жилищах, которые населяем мы сами, попытаюсь хотя бы тем, что на время выйду за рамки, установленные в книге «Сто лет философии», но во всем остальном буду строго соблюдать их и в нынешнем эпилоге.

Название той первой книги также обещало больше, чем получилось в результате. Я не только ограничился рассмотрением главным образом англо-американской философии, но и в надежде построить последовательное повествование не выходил за рамки таких тесно связанных друг с другом областей, как эпистемология, философская логика, метафизика, философия языка и философия естественных наук. Уже в 1957 г. такой подход многое исключал из рассмотрения: всю этику и политическую философию, не говоря уже об эстетике и философии социальных наук.

Впрочем, в первые послевоенные десятилетия подобное решение не только было симптоматичным, но и воспринималось как необходимое. Разумеется, в этих исключенных из рассмотрения областях философствования были исследователи, которые пользовались большим влиянием. В философии морали на ум сразу же приходит имя Р.М.Хеара, в философии права—Г.Л.Хар-та, в философии истории — У.Дрея. Тем не менее поражает то, в какой мере профессиональные философы сосредоточивали свои усилия именно в тех областях философствования, называя их «центральными», рассмотрением которых я ограничился в книге «Сто лет философии».

Более того, когда они обращались к менее популярным темам, то, как правило, с той лишь целью, чтобы заняться неким специализированным разделом «философской логики». Это легче всего проиллюстрировать на примере философии морали. Харт предпринял анализ наиболее общих понятий

10 Джон Пассмор. Современные философы

морали, таких как «долженствование», с тем чтобы описать структуру морального рассуждения, определить логический статус моральных утверждений, т.е. установить, являются ли они подлинными суждениями или же скрытыми предписаниями, приказами, рекомендациями или выражениями чувств. Стало быть, изложение «центральных» вопросов философии было одновременно и подготовкой читателя к ознакомлению с более широкими философскими областями.

Теперь это не так. Философы морали, политики и права больше не ограничиваются исключительно концептуальными изысканиями, анализом «логики» морали, права или политических дебатов. Так, в 1970-е годы одной из наиболее широко обсуждаемых книг стала «Теория справедливости» (1971). В этой книге Джон Ролз, рассуждая строго обоснованно и явно в философском ключе, не только рассмотрел, как следует определять справедливость, но и детально проанализировал, в чем она действительно состоит. Чуть позже, в 1978 г., Сиссела Бок написала свою книгу «Ложь» («Lying»). Казуистику больше не отбрасывали в сторону, как не имеющую отношения к философии. Аристотелевское подчеркнутое внимание к добродетели вообще и к отличительным чертам отдельных добродетелей вновь вошло в моду.

Еще более удивительно — по крайней мере, если смотреть с позиции первых послевоенных десятилетий — то, что философы начали писать на такие острые социальные темы, как феминизм, аборты, загрязнение окружающей среды, ядерные вооружения. Радикальные движения 1960-х годов, хотя и довольно стремительно сошли со сцены, все же оставили после себя важные последствия. Безусловно, прежние философы, начиная с Платона и кончая Миллем, отнюдь не исключали подобные темы из области интересов и, по существу, не считали, что философия имеет какие-либо установленные границы. Более близкий к нашему времени Бертран Рассел писал для широкой аудитории по вопросам образования, брака, мира и войны. Однако характерно, что Рассел при этом отмечал, что, делая это, он выходит за рамки философии и рассуждает скорее как отец, муж, гражданин, а не как философ. В этой мере он вполне подчинялся соглашению, установлению которого сам же, по сути, и способствовал и которое гласит, что философию следует определять таким образом, чтобы даже в таких своих разделах, как философия морали и политики, она была ограждена от необходимости давать советы по практическим вопросам. Вопреки этому соглашению 1970-е годы стали свидетелями появления таких периодических изданий, как журнал «Philosophy and Public Affairs» («Философия и общественные отношения», с 1971 г.), в котором ставилась цель применения философии в вопросах политики. В 1980-е годы на удивление интеллектуальной публики, привыкшей относиться к философии как к изощренной интеллектуальной игре> получили широкое распространение общества и журналы по «прикладной философии» или по таким ее отдельным разделам, как «философия

Глава I. Введение: перемены и преемственность 11

медицины». Со смешанным чувством недоверия, смущения, удовлетворения и опасения философы становились членами консультативных комитетов по современным проблемам политики или принимали приглашения читать лекции в медицинских и инженерных школах. Они больше не склонны были думать, что участие в дискуссиях по фундаментальным социальным проблемам означает выход за рамки философии.

В какой мере подобную деятельность надлежит называть «прикладной философией», а не мирским проповедничеством, — вопрос открытый. Так, Хеар, со своей стороны, с досадой отмечал, что авторы, пишущие по «прикладной философии», слишком часто довольствуются «апелляцией к интуициям и предрассудкам, как своим собственным, так и других людей», хотя от философа ждут строго обоснованных рассуждений. Если же в настоящем изложении этой теме не уделяется внимания, то не потому, что она не имеет отношения к философии, а потому что наиболее тщательно обоснованная «прикладная философия» — за исключением тех ее разделов, где философы занимаются проблемами окружающей среды и поднимают метафизические вопросы о человеке и природе, — фактически является прикладной *этикой*, которая, как таковая, автоматически исключается из настоящего повествования. Но пусть даже это краткое упоминание о ней послужит предупреждением, что те более специальные вопросы, которые рассматриваются в этом эпилоге, никоим образом не составляют единственную пищу для современной философии².

В случае марксизма ситуация более сложная. Великий бум 1960-х годов больше преуспел в том, чего во многом не удалось достичь Великой депрессии 1930-х годов, а именно — он способствовал более широкому распространению марксизма в среде англо-американских философов. Безусловно, марксизм последних сильно отличается от марксизма, господствовавшего в 1930-е годы; в глазах большинства своих приверженцев он больше не был неразрывно связан с отчаянной попыткой защитить Советский Союз. В действительности многие марксисты всячески старались отвести глаза от Восточной Европы. Марксизм, как нам заявляли, «никогда не проходил проверки опытом». (Это прежде всего верно в отношении англо-американского мира; Франция же длительное время оставалась главным прибежищем для сторонников прежней марксистской позиции.) Появившихся разновидностей марксизма было так же много, как и разновидностей христианства; каждый мог выбрать себе «марксизм» по своему темпераменту. Спектр разновидностей был широк: от гуманистического марксизма «Экономико-философских рукописей», написанных в 1844 г., но опубликованных лишь в 1932 г. и впервые переведенных на английский язык в 1959 г., до жесткого дегуманизированного марксизма, созданного во Франции Луи Альтюссером. Гуманистичного Маркса часто соединяли с гуманизированным Фрейдом с тем, чтобы придать интеллектуальный вид нечетко сформулирован-

12 Джон Пассмор. Современные философы

ным идеалам 1960-х годов. Идеи Маркса в интерпретации Альтюссера отстаивали те, чьи идеалы носили более аскетичный характер³.

Хотя в результате марксизм завоевал в 1970-е годы видное положение на англо-американских философских факультетах (что для предшествующих десятилетий было совершенно не характерно), ему также, по ряду причин, не будет уделено внимания в последующем изложении. Марксизм наиболее плодотворно используется и наиболее широко культивируется в применении к политической философии, философии искусства и практической социальной критике, но все эти области лежат за пределами моих нынешних интересов. Когда философствование в стиле Маркса принимает форму эпистемологии или метафизики, оно чаще всего выливается в разнообразные ученые труды, посвященные выяснению того, что же Маркс «действительно имел в виду». Это вовсе не удивительно, учитывая, что сам Маркс *и* писал систематических работ по этим темам. В действительности же, наиболее естественно видеть в нем антифилософа, утверждавшего, что философия — это пережиток прошлого и ей на смену должна теперь прийти наука, которая имеет к ней такое же отношение, какое, согласно известному высказыванию Маркса в «Немецкой идеологии» (1845— 1846, впервые полностью опубликованной в 1932), «имеет онанизм к половой любви».

Тем не менее в течение какого-то времени марксистскую философию создавали, как это было описано и в книге «Сто лет философии», обращаясь к Энгельсу и Ленину. Советские марксисты все еще продолжают так делать. Но многие другие марксисты как в англо-американском мире, так и на европейском континенте (куда следует отправиться за пользующимися наибольшим влиянием переформулировками марксизма) ищут марксистскую философию в ином месте, часто возвращаясь к Фихте, Гегелю или Фейербаху. Их работы, экзегические и апологетические по характеру, имеют к настоящему повествованию не большее отношение, чем, скажем, аналогичные работы о Фреге и Расселе, даже если их темой является эпистемология или метафизика.

Уже становится достаточно очевидным, почему этот эпилог с его завершающими главами даст значительно менее репрезентативную картину происходящего сейчас на философских факультетах по сравнению с той книгой, для которой он служит эпилогом. Но следует еще кое-что добавить по этому поводу. В 1957 г., когда вышло первое издание книги «Сто лет философии», англо-американский философский мир был сравнительно небольшим, уютным, замкнутым, в нем было очень мало философских периодических изданий, да и писали тогда относительно немного. Десятилетие спустя в несколько раз выросло число публикуемых книг и стремительно увеличилось количество статей, достигнув уже того предела, при котором, как я отмечал при выходе второго издания книги в 1966 г., историк не может больше надеяться «охватить всю область» в той мере, в какой это было возможно прежде. То, что когда-то было лишь небольшим ручейком, превратилось к этому време-

Глава 1. Введение: перемены и преемственность 13

ни в широкую реку, а в 1980-е годы — здесь неизбежно напрашивается сравнение, каким бы банальным оно ни было, — эта река разлилась половодьем.

Безусловно, подобно любому другому полноводному течению, поток публикаций несет с собой немало мусора, обломков и даже останков. Все это историк может со спокойной совестью оставить без внимания. Из того, что пишут философы, большая часть, даже если она имеет ценность, достойна уважения и отвечает техническим требованиям, так же, как соответствующая работа в науке, неизбежно второстепенна по своему значению. Улей, где кипит работа, необязательно является пристанищем для гениев. Тем не менее многим философам, которых в прежние времена сочли бы достойными более подробного рассмотрения, мы вынуждены отвести место в примечаниях. Иначе наш эпилог разросся бы до непропорциональных размеров.

Признаю, что метафора полноводного потока довольно банальна. Однако в данном случае она имеет двойную силу. Такой поток отличается не только своей величиной, но и тем, что он

соединяет в одно течение прежде разрозненные ручейки, стирает границы, сокрушает ограждения. Именно это и происходит в философии. Сейчас намного трудней, чем прежде, определить, где проходят границы как философии в целом, так и ее отдельных дисциплин. Благодаря марксистскому или постмарксистскому влиянию считается, к примеру, спорным, можно ли философию науки с пользой для дела отделить от социологии знания. В трудах Франкфуртской школы, и прежде всего Юр-гена Хабермаса, эпистемология и социальная теория перетекают одна в другую, что не может не напомнить об американском прагматизме⁴; для французского «структуралиста» Мишеля Фуко то, что считается знанием, имеет сложное и запутанное отношение к власти имущим; в Великобритании активно работает группа писателей, для которых источником вдохновения служит анархизм Пола Фейерабенда и сформулированный Т.С.Куном исторический подход к философии науки и которые стремятся показать, что для главных проблем философии науки не может быть иного решения, кроме как в социологии.

Во-вторых, никто не мог предположить — даже в то время, когда Остин начал читать лекции по теории речевых актов, — что философия «обыденного языка» является разделом лингвистики, как ее понимали профессиональные лингвисты. Однако позже взаимодействие между философией и лингвистикой стало столь значительным, а границы столь нечеткими, что возникли сомнения, не являемся ли мы действительно свидетелями отпочкования еще одной новой науки от философии, как это предсказывал Остин. Или если не новой науки, то по крайней мере видоизмененной лингвистики, содержащей в себе многое такое, что прежде считалось философией. Где заканчивается такая лингвистика, а где начинается философия — далеко не ясно. Однако именно на этой спорной территории по большей части и размещается

14 Джон Пассмор. Современные философы

сейчас та современная философия, которая пользуется наибольшим влиянием.

Сходная неопределенность имеет место и в случае логики. Как предположение, а не как отражение сложившегося словоупотребления можно выделить приблизительно три уровня логических исследований: математическая логика, философия логики и философская логика. Математическая логика занимается построением формальных систем и исследованием таких их формальных свойств, как полнота и непротиворечивость. Философия логики, изучая эти системы, ставит вопросы об области их применения, о том, являются ли они и в каком смысле являются подлинно альтернативными логиками, в какой мере они применимы к анализу конкретных форм рассуждения. Философская же логика исследует «словарь» логики: что входит в состав высказывания, в чем состоит «логическая форма», импликация, следование, дизъюнкция или модальность и т.п. Разумеется, отдельный логик может перемещаться с одного уровня на другой, если, к примеру, на каком-то уровне он сталкивается с проблемами, которые не могут быть разрешены на этом же уровне⁵.

Не может быть никаких сомнений в том, что и философия логики, и философская логика составляют часть философии — за исключением тех случаев, когда философская логика постепенно растворяется в философии языка, а та в свою очередь, как мы видели, — в лингвистике. В действительности же, многие вслед за Расселом, видимо, все еще продолжают считать, что философская логика — это *просто* философия. Ей будет уделено много места в последующем изложении. Однако математическая логика во все более возрастающей мере оказывается во власти математиков. (Следует, конечно, помнить, что Фреге был математиком, как и многие логики после него.) Несомненно, аналитические философы больше не относятся к формальной логике с пренебрежением и не отбрасывают ее как лишнюю значения, хотя в славные дни философии обыденного языка так поступали многие. По сути, в современной англо-американской философии стало считаться в порядке вещей сравнительно продвинутое знакомство с основными логическими системами; логические символы получают все большее распространение. Так что Карнап и Куайн одержали победу над Райлом. Тем не менее немногие философы читают сегодня «Journal of Symbolic Logic» («Журнал символической логики»), редакцией которого, по сути в их интересах, был учрежден «Journal of Philosophical Logic» («Журнал философской логики»). Хотя аналитические философы используют символы из логических систем, созданных в прошлые десятилетия, однако эти символы часто служат им

декоративными аббревиатурами, а не элементами в построении философских выводов. Аналитические философы ссылаются на математическую логику, но не занимаются ею — так же, как инженер больше не занимается математикой; они выступают скорее потребителями, нежели производителями.

Поэтому, приступая к описанию нынешней философской арены, можно оставить без внимания достижения в развитии математической логики. Раз-

Глава 1. Введение: перемены и преемственность 15

вод или полубовный раздел между математической логикой и философией не обошелся, однако, без выражения сожалений, и порой его отказываются признавать, например, его не приемлет составляющая меньшинство группа диссидентов, которых можно суммарно назвать «девиантными логиками». Их недовольство касается двух моментов: во-первых, развод повлек тривиализацию математической логики, вылившуюся в построение систем, которые представляют собой лишь математические игры и не вправе уже называться «логикой», и, во-вторых, в результате философы оказались вынужденными опираться на системы, которые им в сущности следует отвергать — либо из-за содержащихся в них неразрешимых парадоксов, либо из-за их неспособности дать адекватное объяснение различию между правильным и неправильным рассуждением, по крайней мере, как оно проявляется вне математики и, возможно, даже в ней самой.

В прошлом такие критики математической логики, как Шиллер и Стросон, уже заявляли, что существуют большие классы корректных рассуждений, которые не признаются таковыми в формальных системах, и, как доказывал Стросон, используемые в математической логике логические константы типа «или» и «и» не отражают в полной мере их роль в повседневных рассуждениях. Отсюда эти критики не делали, однако, вывода о том, что следует разработать более совершенную формальную логику; скорее они настаивали на необходимости заменить или дополнить формальную логику неформальной, которая бы заключала в себе возможность выведения всех следствий из особых понятий — что, к примеру, следует из понятия «быть чьим-то братом»? В ответ на это сторонники математической логики указывали, что подобная логика не могла бы быть не чем иным, как мешаниной из разнородных частей, и что критики спутали логику с риторикой. Несомненно, признавали они, мы используем самые разнообразные приемы, стараясь убедить других в своей правоте. Часто они также признавали, что, пытаясь убедить других в том, скажем, что *q* следует из *p*, мы, как правило, не обосновываем ложность *p*. Но это ничего не значит, сказали бы они, если в результате принятия подобных материальных импликаций создается логическая система, которая является ясной, точной, пригодной для выведения теорем из аксиом и свободной от всяких вносящих путаницу рассуждений о «значении».

Однако в 1970-е годы какое-то количество логиков, пусть все еще составляющих меньшинство, стали находить неудовлетворительной подобную защиту. Им было неприятно осознавать, что можно считать адекватной логику, которая в большом числе случаев не дает объяснения различию между приемлемым и неприемлемым рассуждением; они не были убеждены в том, что парадоксы, подобные парадоксу материальной импликации (когда из ложного высказывания следует истинность любого пришедшего нам на ум высказывания), можно либо отбросить в сторону как не имеющие никаких последствий, либо защищать как вовсе не являющиеся парадоксами.

16 Джон Пассмор. Современные философы

Сторонник классической логики, как утверждает Ричард Раутли в книге «Релевантная логика и ее противники» (1982), ведет себя подобно инженеру, который изобрел приспособление для вычерпывания воды из потока. Это приспособление так плохо спроектировано, что расплескивает большую часть поднимаемой воды. Вместо того чтобы улучшить приспособление, инженер посвящает все свои усилия «построению остроумных доводов, доказывающих, что данное приспособление достойно восхищения», например на том основании, что «нет ничего плохого в потере воды» или что приспособление имеет «красивые, ясные и простые очертания» и любые изменения «совершенно не согласуются с его инженерными интуициями». Между тем большая часть воды для общественных нужд добывается «традиционными утомительными и довольно

ограниченными ручными методами» — последнее замечание содержит намек на тот шокирующий многих факт,¹ что, когда философы хотят выявить ошибки в каком-то философском рассуждении, они часто прибегают к традиционной «аристотелевской» логике, не находя ничего в «классической» фрегеовско-русселловской логике, что могло бы им помочь. В отличие от Стросона, сторонники релевантной логики не готовы отказаться от формализации: им нужна формализация, которая «работает», которая действительно позволяет отличать корректные рассуждения от ошибочных.

Разумеется, многие сторонники формальной логики, как, например, Г.Х. фон Вригт, уже предпринимали попытки дополнить классическую логику, разрабатывая модальные, деонтические логики или логики императивов и вопросов и не обращая внимания на протесты со стороны непоколебимого защитника минималистской логики Куайна. В этих своих попытках они исходили из предположения, что имеются классы рассуждений, в которых устанавливается связь между необходимым и возможным, обязательным и дозволенным, между командами и согласием их выполнить, между вопросами и ответами на них и для формализации которых недостаточно классической логики. Яакко Хинтика даже попытался разработать «эпистемическую логику», связывающую знание с мнением. Однако все эти дополнения оставляли неприкосновенными центральные бастионы классической логики за тем исключением, когда они опирались на теорию «строгой импликации» К.И. Льюиса. Последняя, безусловно, оспаривала классическую логику в ее центральном пункте — теории импликации. Но она приносила новые, свои собственные парадоксы, в частности тот парадокс, что предложение, имеющее форму « A и не- A », согласно строгой импликации, влечет за собой какое угодно предложение⁶.

В поисках логики, которая была бы более тесно связана с нашей обычной практикой построения выводов, У.Аккерман уже в 1956 г. предложил краткий набросок логической системы, имевшей своим центральным понятием «строгую импликацию» и отвергавшей все аксиомы классической логики, не удовлетворяющие этому понятию. В последующие годы Э.Р.Андер-

Глава 1. Введение: переменные и преемственность 17

соном и Н.Д.Белнапом в сотрудничестве с другими авторами на основе этой системы была разработана «релевантная логика», суммированным образом представленная в их работе «Выведение следствий» (1975). Как там утверждалось, из одного высказывания следует другое, если и только если (говоря неформальным языком) «они каким-то образом связаны друг с другом». Выражаясь философским языком, должна существовать некая связь между их содержаниями. (Для релевантной логики не считается постыдным быть интенциональной и допускать свободные рассуждения о значениях.) Подобную связь можно более формальным образом определить с помощью «общих переменных». Изначально связанное с Питсбургом, это учение об импликации, а в более широком смысле — об обусловливании, в последующем получило развитие в довольно неортодоксальных направлениях в Австралии и Южной Америке, положив начало «паранепротиворечивым» логикам. Формулируемые в этом учении требования к импликации автоматически исключают парадоксы как строгой, так и материальной импликации. Если взять, к примеру, первую, то в этих логиках не может быть истинным, чтобы/? и не-/? вместе имплицировали любое произвольно выбранное высказывание q , поскольку они не имеют общей сентенциальной переменной. (Тогда как « p и q имплицировуют q »). Мы не будем разбирать все сложные перипетии возникшей в результате дискуссии и касаться вопроса о том, разрушается ли первоначальный проект в результате изменений, которые необходимо внести в классическую логику, особенно если учесть, что во избежание льюисовского довода в пользу парадокса строгой импликации следует признать некорректным разделительный силлогизм вида « p или q , не-/?», следовательно, « q », как не будем касаться и вопроса о том, является ли «релевантность» формальным понятием, отличным от понятий риторики⁷. Сказанное к этому моменту дает некоторое представление о доводах, выдвигаемых философами, которые не согласны с тем, что математическую логику можно спокойно оставить математикам, как колонию, отвоевавшую свою независимость. Однако в деталях эта область в дальнейшем рассматриваться нами не будет.

Существует немало других областей, где становится все труднее проводить границу между философией и иными формами интеллектуальной деятельности. Поначалу испытываешь

изумление, когда знакомишься с историей современной философии, написанной австрийским * философом науки Вольфгангом Штегмюллером. Она содержит (во втором томе) большие разделы, посвященные современной космологии и теоретической биологии, которые составляют почти половину всего тома. Но Штегмюллер надеется таким образом продемонстрировать, как он говорит, «конвергенцию между общими философскими теориями и эмпирическими исследованиями» в развитии современной мысли. Следует подчеркнуть, что он никоим образом не

* Точнее было бы назвать В.Штегмюллера австро-немецким философом, ибо большую часть своей философской карьеры он проработал в немецких университетах. — Прим. перев.

18 Джон Пассмор. Современные философы

является «философом природы» того типа, который преобладал в Германии XIX века и для которого главным занятием было обоснование того, что подлинную науку следует искать в метафизике, — именно такого рода «философы природы» и спровоцировали резкую критику метафизики со стороны логических позитивистов. Штегмюллер далек от этого; он один из тех немногих немецкоязычных философов, которые удержались от лести Хайдеггеру и философствовали в новой карнаповской манере. Немногие англо-американские философы согласились бы с тем, что истории философии следует так углубляться в науку. Тем не менее очень многие тоскуют по свободе умозрительных построений, свойственной досократикам, для которых не существовало различия между философией и умозрительной наукой о космосе и о происхождении жизни. Эта тоска обнаруживается не только у Штегмюллера, но и у таких разных философов, как Хайдеггер, Поппер, Фейерабенд, и ее питает крайне спекулятивный характер современной космологии.

По крайней мере, сейчас философы науки со значительно меньшей готовностью, чем в предшествующие десятилетия (особенно в период с 1925 по 1960 гг.), соглашались с утверждением Витгенштейна о том, что «положения естествознания не имеют никакого отношения к философии», что наука в той лишь мере имеет значение для философии, в какой философы науки могут логически анализировать общую структуру научных теорий. Ку-айн же утверждает, что не существует четкого различия между философией и наукой, а Патнэм — что философия физики есть «продолжение физики». В течение какого-то времени очень немногие философы — за такими известными исключениями, как Рейхенбах и Грюнбаум, — отваживались писать подробно о пространстве-времени или квантовой механике. Считалось, что эти темы следует оставить теоретической физике. В 1970-е же годы, как мы увидим ниже, такое отношение уже далеко не было преобладающим. Та удобная позиция, согласно которой философы могут и должны ограничить свое внимание концептуальными вопросами, оставив в стороне эмпирическое как не имеющее отношения к их целям, была подорвана на разнообразных фронтах, а не только в отношении физики и биологии. Когнитивная психология, теория информации, теория вычислительных машин — особенно в связи с «машинным интеллектом» — все бросали вызов и предоставляли новые возможности философам и прежде всего эпистемологам. Философы никоим образом не оставили без внимания такие книги, как «Искусство и иллюзия» (1960) историка-искусствоведа Е.Х.Гомбровича или «Глаз и мозг» (1966) нейрофизиолога Ричарда Грегори. Границы между философией и социальной наукой еще более неустойчивы. Хотя, как я уже сказал, немногие философы потребовали бы от меня последовать примеру Штегмюллера, тем не менее в современной философии есть немало областей, на глубокое понимание которых могут рассчитывать лишь те, кто имеет хорошие знания по математике, физике или экономике.

Глава 1. Введение: перемены и преемственность 19

Философия, таким образом, одновременно расширяется и сужается; в определенных областях она уступает территорию другим формам исследования, будь то лингвистика или математика, тогда как в иных случаях она продвигается туда, откуда прежде отступала. Географические границы также утратили прежнюю четкость. Безусловно, известное различие «англо-американской» и «континентальной» философии никогда не было точным в географическом плане. Приходилось относить к «англо-американской» большую часть финской философии, большую часть польской философии, а также приходилось помнить, что хотя «англо-американская» философия имеет

корни в британской эмпирической традиции, она многим обязана немцу Фреге и таким австрийским философам, как венские позитивисты, Карл Поппер, а еще раньше — Brentano. Тем не менее это различие в основном работало. На одной стороне располагалась франко-немецко-итальянская философия, которая концентрировалась вокруг Хайдеггера, Сартра, Ясперса, была пророческой по своему стилю и даже при атеистических конечных выводах считала центральными вопросы, которыми занималась теология. Ее союзницей была литература, а не наука. Она провозглашала, что, стремясь к глубине и подлинной новизне идей, философ вынужден быть непонятым, и призывала признать право поэта искажать язык в угоду его, поэта, особым целям. На другой стороне располагалась аналитическая англо-американская философия, для которой главным достоинством была ясность, которая продолжала руководствоваться лингвистическими принципами, сформулированными Королевским обществом * в XVII веке, была близка по духу науке, сосредоточивала свое внимание на эпистемологии, сознании и языке и концентрировалась вокруг Райла, Айера, Остина, Куайна — этих собратьев, с «континентальной» точки зрения, несмотря на все их различия.

Эти два вида философствования продолжают существовать до сих пор. Философия, в отличие от науки, не является единым интеллектуальным сообществом. И дело не просто в том, что философы, как и ученые, имеют разную специализацию. Их намного больше разъединяет то, что они имеют разных философских героев, разные представления о том, в чем состоит хорошее и плохое философствование. В 1983 г. на Всемирной конференции по философии в Монреале значительные группы участников все так же не понимали и не хотели понять, чем занимаются другие группы участников или почему они этим занимаются, даже когда обсуждаемые темы, если судить по одним только заголовкам, представляли общий интерес. Различие состоит в том, что разделение на разные типы философствования больше не соответствует географическим границам даже в той мере, в какой это имело место раньше.

* Ведущий научный центр Великобритании, выполняющий функции национальной академии наук, учрежден в 1660 г.; членство в обществе считается наиболее почетным званием для ученого. — *Прим. перев.*

20 Джон Пассмор. Современные философы

Нельзя не признать, что Франция сохраняет верность своему изоляционизму. Очень редкий французский философ проявляет интерес к философствованию в аналитическом стиле. Одним таким исключением является философ языка Жак Буверес, изложивший свою философскую позицию в статье с красноречивым названием «Почему во мне так мало французского?» Конечно, «изоляционизм» не очень подходящее слово. Такие немецкие философы, как Гуссерль и Хайдеггер, продолжают пользоваться влиянием во Франции, тогда как в Германии их влияние резко пошло на спад. Однако англо-американская философия остается почти полностью неприемлемой, то ли из-за ее стиля, то ли из-за методов или выводов. В Германии же дело обстоит уже иначе.

В течение многих лет Вольфганг Штегмюллер стоял почти особняком среди немецких философов, занимаясь философствованием в карнаповской манере. Но в 1960-е годы немецкоязычный мир открыл наконец для себя своих же соотечественников Фреге, Витгенштейна, Поппера, Brentano, Мей-нонга и венских позитивистов. Более того, он открыл Пирса, Куайна, Остина и, по крайней мере, некоторых более поздних философов, о которых речь пойдет дальше ⁸.

Нельзя не признать, что эти философы часто подвергаются критике с позиции более привычной немецкой традиции. Так, у Эрнста Тугендхата, одного из последних учеников Хайдеггера, лингвистический анализ противопоставляется и вместе с тем увязывается с гуссерлевской феноменологией в ее ранней форме. Обе критикуются в свете друг друга: феноменология — за ее неспособность понять, что отправной точкой философской рефлексии является не обособленная сущность, а предложение; лингвистическая же философия — за отсутствие «исторического измерения и всеобъемлющего понятия понимания» — понимания, неизменно зависящего от принадлежности к «интеллектуальной традиции», которая занимает центральное место в «философской герменевтике», связанной, в частности, с именем Гадамера и имеющей своим источником работы Хайдеггера ⁹. Карл-Отто Апель, хотя и использует в значительной мере англо-

американскую философию языка, решительно отстаивает в квазикантианской манере понятие идеального употребления языка, иллюстрацией которому служит рациональный дискурс и которое подчиняется правилам, проистекающим из самой природы разума¹⁰. Это сильно отличается от англо-американской семантики и по духу очень близко к немецкой традиции.

Однако факт остается фактом: никакая по-настоящему основательная история англо-американской традиции не могла бы обойти вниманием эти направления развития. И было бы трудно не заметить, как под влиянием Ха-бермаса они вылились — мы уже высказали это предположение — в создание социальных теорий. С другой стороны, хотя влияние многих «континентальных» философов значительно глубже ощущается в социальной теории и в литературной критике, находящихся в вечном поиске подкрепляющей

Глава 1. Введение: перемены и преемственность 21

их теории, нежели в самой «англо-американской» философии, есть немало географически «англо-американских» факультетов (в англоязычной Канаде они, возможно, составляют большинство, а в других местах — меньшинство внушительных размеров), где Гегель, Гуссерль и Хайдеггер значат больше, чем Юм, Фреге и Куайн. Больше уже не считается постыдным одобительно писать о Гегеле или даже о Хайдеггере, не говоря уже об их последователях в герменевтике и. Хотя все еще повсеместно соблюдается наставление Рассела сосредоточиваться на «постепенных, детальных, верифицируемых результатах», многие «англо-американские» философы начали писать смелее и с большим размахом¹². Так что границы между «англо-американской» и «континентальной» философией нарушаются и с той и с другой стороны.

Итак, совершенно очевидно, что за последние десятилетия произошли большие изменения на философской арене. Однако, коль скоро последующие главы, будучи эпилогом, не нарушают узких ограничений, установленных той книгой, для которой они служат дополнением, они, возможно, создадут несколько преувеличенное представление о новизне современной философии, так как главное внимание в них будет сосредоточено на «новых направлениях», преимущественно в философии языка. Но философия во многих отношениях остается удивительным подтверждением того известного афоризма, что «чем больше что-то изменяется, тем больше оно остается неизменным». Бесспорно, новшества появляются, и поднимаются вопросы, которые были бы для Платона непонятными. Вместе с тем при всем значительном усовершенствовании метода и использовании технических средств, поставляемых логикой и семантикой, не может не поражать количество усилий, все еще затрачиваемых философами на решение проблем, которые впервые были поставлены Платоном, Декартом или Юмом.

Эти два момента — привычность некоторых поднимаемых современными философами вопросов и новая манера их обсуждения — хорошо иллюстрирует следующий конкретный пример. Один из вопросов, серьезно занимавших Платона, состоял в том, чем знание отличается от мнения. Какое-то время казалось, будто философы с удовлетворением признают, что ответ найден, что знание — это разновидность мнения, имеющего две особенности. Во-первых, оно истинно, и, во-вторых, обладатель такого мнения имеет все основания считать, что оно истинно. В 1963 г. Е.Л.Геттьер опубликовал в журнале «Analysis» статью в две с половиной страницы, где в качестве критики указанного способа различения знания и мнения предложил два контрпримера. Первый из них состоит в следующем: представим, что у нас есть все основания считать, что Джонс будет назначен на определенную должность и что у него в кармане лежат десять монет; стало быть, мы определенно имеем все основания считать, что человек с десятью монетами в кармане будет назначен на данную должность. Может так оказаться, что это действительно произойдет, но при этом указанную должность получит другой человек,

22 Джон Пассмор. Современные философы

также имеющий десять монет в кармане. Тогда это означает, что мы не *знали*, что человек, удовлетворяющий этому описанию, будет назначен на данную должность, хотя у нас были все основания считать, что такой человек будет назначен и он действительно был назначен на эту должность. Крошечная статья Геттьера вызвала сотни откликов — убедительное свидетельство

того, что старые вопросы отнюдь не умерли и что сегодня не так уж мало философов, которые, сидя за своими пишущими машинками, только и ждут нового поворота в старом споре, с тем чтобы иметь повод высказаться¹³.

Вместе с тем есть философы, которые не только всецело занимаются классическими философскими вопросами, но и рассматривают их в классической манере. Декарт не согласился бы с их выводами, но его нисколько не удивило бы то, чему они придают первостепенную важность. Подходящим примером служит австралийский философ Дэвид Армстронг¹⁴. Армстронг в классической манере отстаивает некоторую гипотезу о мире. По его словам, в мире «нет ничего, кроме конкретных сущностей, обладающих свойствами и связанных друг с другом», мир образует единую пространственно-временную систему, и ему можно дать — здесь, правда, Армстронг немного сомневается

— полное описание «с помощью законченной физической теории». Против любой подобной гипотезы о мире можно выдвинуть ряд известных возражений. Мир, который мы действительно постигаем, состоит, как это часто говорят, не из конкретных сущностей, обладающих свойствами, а из обособленных элементов — идей, чувственных данных или восприятий. По мнению же других, мир содержит в себе сознания, не существующие в пространстве и времени, и свойства в виде вторичных качеств, о которых умалчивает наука. Мнения нельзя должным образом анализировать в терминах свойств или отношений, свойствам не отводится никакой роли в точном описании мира

— и на эти известные положения Армстронг также должен дать ответ. Армстронг очень подробно отвечает на все эти возражения; мы же можем лишь в кратком суммарном виде изложить его ответ.

Начнем с восприятия. Армстронг дает первую формулировку своей теории в работе «Восприятие и физический мир» (1961), внося в последующих работах изменения, которые касаются деталей, а не существа дела. Подобно своему учителю Джону Андерсону, он утверждает, что восприятие состоит в приобретении знания или мнения относительно конкретных положений дел. Это естественно происходит в результате воздействия разных стимулов на органы чувств. Тем не менее воспринимаемое не является копией этих стимулов, не является чувственным данным. Воспринимать книгу, лежащую на столе, значит, по Армстронгу, считать, что она там находится. Отсюда он заключает, что воспринимаемый нами мир уже содержит свойства и отношения; он не состоит из простых чувственных элементов.

Что касается сознания, то для Армстронга отправной точкой служит материалистическое учение Плейса и Смарта о состояниях центральной не-

Глава 1. Введение: перемены и преемственность 23

рвной системы. *Locus classicus* * этого учения является статья Смарта «Ощущения и процессы в мозге» (PR, 1959), а дальнейшую разработку в более широком контексте оно получило в книге Смарта «Философия и научный реализм» (1963). В «Материалистической теории сознания» (1968) Армстронг ставит своей целью сформулировать теорию состояний центральной нервной системы не только для ощущений, но и для ментальных состояний в целом, многие из которых Смарт первоначально был согласен (хотя в последующем изменил свою точку зрения) описывать в терминах райловского бихевиоризма. Для Райла ментальные состояния вроде желаний представляют собой просто предрасположенности. Для Армстронга же они есть состояния, обладающие определенной предрасположенностью, состояния, «пригодные быть причиной определенного рода поведения», и именно поэтому их можно считать «интенциональными» — так же, как хрупкий предмет обладает структурой, благодаря которой он особенно подвержен поломкам. Что касается ощущений, то они также являются состояниями, но состояниями «пригодными для того, чтобы быть причинно обусловленными определенного рода стимулом». Таким образом, в противовес материализму в духе Фейе-рабенда, утверждается существование ментальных состояний. Однако наука, отмечает Армстронг, доказала, что эти состояния

одновременно есть состояния мозга и, следовательно, существуют в пространстве и времени, а стало быть, не служат контрпримером против гипотезы Армстронга о мире.

Объяснение вторичных качеств Армстронг дает в аналогичном ключе. Смарт утверждал, что цвет является антропоморфным понятием, которое можно определить на основе способности человека производить определенные виды различений, и, коль скоро задача философов состоит в том, чтобы рассматривать мир *sub specie aeternitatis* **, они «должны всячески избегать понятий цвета и других вторичных качеств». Это, по мнению Армстронга, пережиток прежнего операционализма Смarta; его же собственная позиция является реалистической. Он отождествляет вторичные качества со свойствами физических объектов, которые, впрочем, мы воспринимаем в повседневных ситуациях только как структуры, осознавая, к примеру, что и роза, и герань являются красными, но не воспринимаем их как разрозненное множество световых волн и не осознаем, что же онтологически означает быть красным.

Что можно сказать о мнениях? В своей книге «Мнение, истина и знание» (1973) Армстронг отталкивается от высказанного Рамсеем предположения о том, что наша система мнений и убеждений представляет собой «карту, по которой мы сверяем свой путь», при этом мнение отличается от мысли, которую мы просто продумываем, ибо оно всегда служит «потенциальной причиной или тормозом для наших действий»¹⁵. Согласно Армстронгу, это совершенно очевидно в случае таких мнений, как мнение о том, что опре-

* *Здесь: классическое выражение (лат.). — Прим. пер.*

** *С точки зрения вечности (лат.). — Прим. пер.*

24 Джон Пассмор. Современные философы

деленная книга лежит на столе; оно представляет собой состояние сознания, в котором зашифрована информация, и подобно другим ментальным состояниям оно предрасполагает к совершению действия. Но как быть с научными законами, область применения которых не знает ограничений?

Согласно ответу Армстронга, опять же в духе Рамсея, считать, что научный закон выполняется, значит иметь предрасположенность «расширить карту» или же «ввести общие отношения каузального обеспечения между частями карты в соответствии с общими правилами». Так, если мое мнение о том, что голова *X* отрублена, порождает и каузально поддерживает мнение о том, что *X* мертв, и если аналогичное каузальное отношение выполняется, каким бы человеком мы ни заменили *X*, то это составляет мое общее мнение о том, что обезглавленные мертвы.

В этом анализе, в противовес номинализму любого вида, принимается на веру существование качеств. Но действительно ли мир содержит качества и если содержит, то откуда мы знаем, какие качества он содержит? Эти вопросы Армстронг обсуждает в двухтомном труде под названием «Универсалии и научный реализм» (1978). Он скрупулезно критикует разного рода классические теории: номиналистические (а в некоторых вариантах платонистические), «партикуляристские» в духе Дж.Ф.Стаута и «универсалистские», представленные, например, предположением Рассела о том, что конкретные сущности представляют собой пучки универсалий. Отсюда он делает вывод, в общих чертах следуя Андерсону, что ни без конкретных сущностей, ни без универсалий обойтись нельзя, что мир складывается из состояний дел, при этом конкретные сущности обладают свойствами и находятся в определенных отношениях друг с другом.

Отношения между универсалиями формулируются научными законами. Откуда мы знаем, что универсалии существуют? По мнению Армстронга, мы не можем ответить на этот вопрос, просто рассмотрев, какие предикаты содержит наш язык. Какие существуют универсалии, открывает наука в процессе формулировки общих законов. Армстронг проводит четкое различие между «семантикой предикатов» и «теорией универсалий»; вопросы, касающиеся значения, он в основном откладывает в сторону, когда пытается построить «первую философию». Возможность

какой-либо первой философии помимо теории значения, возможность какой-либо теории универсалий помимо семантики предикатов — именно это многие из его современников отвергли бы наиболее резко. Но Армстронга почти не затронул «лингвистический поворот».

Хотя Армстронг необычен в том, что пишет по столь многим классическим темам, было бы трудно найти классическую философскую проблему, которая была бы оставлена без тщательного анализа в последние десятилетия. Возьмем, к примеру, детальное рассмотрение тождества Дэвидом Виггинсом в его книге «Сходство и тождество» (1980)¹⁶. Эта книга во мно-

Глава 1. Введение: перемены и преемственность 25

гих отношениях являет собой ярчайший пример преобладающего сейчас философского стиля. Тщательно написанный, очень сложный текст подкрепляется множеством примечаний, содержащих пояснения и доводы в защиту выдвигаемых положений, а их дополняют еще тридцать страниц «более длинных комментариев». Формалистический подход, сама манера изложения являются «постфреговскими», и это наиболее общее определение, которое можно было бы дать англо-американской философии в 1970-е годы. Однако своими корнями доводы Виггинса уходят в философию Аристотеля и Лейбница — таким образом, для философов, получивших образование в Оксфорде, Аристотель сохраняет свое центральное значение; интерес же к Лейбницу у них более поздний, хотя и довольно широкий.

Свою первую задачу Виггинс видит в опровержении той точки зрения, что тождество является относительным, что *a* может быть тождественным *b* в каком-то одном конкретном отношении и не быть тождественным ему в другом отношении¹⁷. Возьмем, к примеру, известную лондонскую достопримечательность — Иглу Клеопатры * и представим себе, что камень, из которого она была с самого начала изготовлена, по мере его выветривания постепенно заменяют цементом. В этом случае, с позиции относительного тождества, она тождественна и вместе с тем нетождественна изначально возведенной Игле Клеопатры — в зависимости оттого, рассматриваем ли мы ее как достопримечательность или как каменное сооружение. В противовес любой подобной теории Виггинс утверждает, что для тождества *a* и *b* все их свойства должны быть общими, с тем чтобы не возникало вопроса об их тождественности в одном отношении и нетождественности в другом. Все контрпримеры являются кажущимися, ибо, согласно Виггинсу, они основываются или на смешении понятий «тождественный» и «состоящий из», или на «иллюзии обозначения, создаваемой некоторыми обозначающими выражениями».

Вместе с тем Виггинс отстаивает положение, которое часто принимают за равнозначное тезису об «относительном тождестве», а именно что если *a* и *b* тождественны, то всегда по отношению к некоторому виду или роду, который позволяет установить, какого рода вещь они являются¹⁸. Это звучит очень по-аристотелевски, ибо для того, чтобы установить, «что есть нечто», необходимо указать некоторую общую характеристику, видовое свойство, определяющее «условия тождества, сохранения и существования для объектов, которые входят в его экстенционал». Образцовым примером служит живой организм. Охарактеризовать нечто как лошадь — значит, таким образом, указать некоторые формы активности, жизнедеятельности или функционирования, которые могут использоваться в естественных науках для установления, является ли некий организм лошадью, когда его уже можно считать лошадью и когда он прекращает ею быть, при каких об-

* Один из двух египетских обелисков, воздвигнутых ок. 1500 до н.э. в Гелиополе, ныне установлен на набережной Темзы в Лондоне. — *Прим. пер.*

26 Джон Пассмор. Современные философы

стоятельствах *au b* считаются одной и той же лошадью, хотя я, разумеется, могу узнавать мою любимую лошадь, не зная в точности, каковы все эти формы. Предметы, созданные человеком, признает Виггинс, составляют более сложный случай. В отношении этих предметов мы не располагаем законами развития, которые позволяют нам, скажем, утверждать, что желудь есть тот же самый *quercus* *, что и дубовое дерево, в которое он разовьется. Часы после серьезного

ремонта, несомненно, выполняют ту же самую функцию, что и те же часы до ремонта, но это же можно утверждать и о любых других часах. Виггинс вынужден признать, что в подобных случаях понятие тождества предполагает определенную долю конвенциональноеTM, но не настолько большую, чтобы подорвать его общий тезис.

И как быть с самотождественностью личности? Согласно одному традиционному воззрению, самотождественность личности состоит в способности считать себя одним и тем же человеком в разное время, в разных местах и особенно в непрерывной структуре памяти. Однако рассмотрим, отвлекаясь от других проблем, человека, полностью утратившего память. Является ли он другой личностью с момента потери памяти? Возможно, мы склонны ответить: «Да, он другая личность, хотя, разумеется, он остался тем же самым животным». Однако Виггинс исключил подобный ответ, отвергнув относительное тождество. Вместе с тем его не удовлетворяет, по соображениям в духе Стросона, и альтернативное предположение о том, что личность — это *просто* живое тело. По его мнению, личностью является любое животное, необязательно человек, хотя, подчеркивает Виггинс, человек служит для нас единственным ясным образцом личностного начала, свойственного виду, *типичные* представители которого, *как правило*, способны рассуждать и рефлексировать и, *как правило*, способны считать себя одними и теми же в разное время, в разных местах и... Человек, страдающий амнезией, хотя и не способен помнить свое прошлое, тем не менее принадлежит к виду, представители которого, как правило, обладают такой способностью; он не утратил своей формы человека-животного. Поэтому он все же является личностью — более того, он является той же самой личностью, какой был до потери памяти.

Это ни в коей мере не дает суммарной картины аргументации Виггинса. Он скрупулезно рассматривает многие из вопросов, к которым мы обратимся позже, например вопросы о необходимости, сущностях и реализме. Однако было сказано достаточно в подтверждение того, что сегодня обсуждение традиционных вопросов может проходить и в отличительной современной манере, и в более классическом стиле, как, например, в трудах Армстронга. Кроме того, ради тех, для кого проблемы тождества могут иметь лишь узко специальный интерес, относясь к разряду игр для философов и скрупулезно разбираемых тривиальностей, следует отметить, что Виггинс в итоге приходит к выводам, которые, при всей их схематичности, утверждают объектив-

* Дуб (лат.). — Прим. пер.

Глава 1. Введение: перемены и преемственность 27

ность нравственных норм и ценностей, что, по-видимому, вытекает из его неприятия того альтернативного подхода к личности, когда она рассматривается не как животное, а как некий «социальный конструкт»¹⁹. Если его книга выглядит угрожающе специализированной, хотя формальные символы, используемые Виггинсом, представляют собой не более чем аббревиатуры, отсюда вовсе не следует, что содержащиеся в ней выводы не могут представлять глубокого человеческого интереса.

Теперь мы подошли к развилке на нашем пути. Мы могли бы отвести оставшееся место рассмотрению авторов, которые работают над более известными классическими философскими темами и, что сейчас не редкость, занимаются новым осмыслением кантовских идей, ибо эмпиризм в классическом британском духе сегодня переживает упадок²⁰. Но, думаю, более целесообразно будет сконцентрировать внимание на теории языка и значения. Ибо именно ей придают принципиальное значение даже тогда, когда для решения какой-либо проблемы в «первой философии» разрабатывают, как это делает Виггинс, новые подходы или же, как это бывает в других случаях, пытаются доказать, что классические проблемы философии не заслуживают серьезного внимания.

Возможно, кто-то сочтет, что в этом подчеркнутом внимании к языку нет ничего нового. Разве оксфордские философы «обыденного языка» не старались разрешить вечные философские проблемы, анализируя способы словоупотребления? Однако в семидесятые годы философия

обыденного языка приобретала дурную славу — в такой степени, что это позволило одному из оксфордских философов «нового поколения» язвительно охарактеризовать ее как «выдохшуюся и мошенническую»²¹. Тем не менее кое-чему все же удалось выжить — так, теорию речевых актов Остина ни в коей мере нельзя считать мертвой, особенно если речь идет о ее усовершенствованных вариантах, разработанных Джоном Серлем и Полом Грайсом. Эти усовершенствованные варианты послужат нам удобным переходом к рассмотрению теории языка.

Свою работу «Речевые акты» (1969) Серль начинает с разъяснения того, что он занимается философией языка, а не лингвистической философией. Если лингвистическая философия пыталась разрешить или устранить классические философские проблемы, уделяя повышенное внимание способам употребления определенных слов, то перед философией языка стоит задача «дать проясняющие в философском плане описания определенных общих черт языка, таких как референция, истина, значение и необходимость». Как бы ни были не согласны в большинстве своем современные «философы языка» с предлагаемыми Серлем методами и выводами, такое описание стоящих перед ними задач они приняли бы. Дурную славу приобрела лингвистическая философия, а не философия языка.

Следует добавить, что сам Серль не принимал участия во всеобщих нападках на лингвистическую философию, к которой он все еще готов отно-

28 Джон Пассмор. Современные философы

ситься как к «революции в философии». Тем не менее он критикует ее главных представителей на том основании, что, хотя у них, несомненно, «очень тонкое чутье» к лингвистическим различиям, вместе с тем они очень мало используют или почти не используют «теоретический аппарат» и часто серьезно заблуждаются в своих выводах. Свою собственную задачу он видит в том, чтобы разработать этот «теоретический аппарат». С этой целью Серль обращается к теории речевых актов Остина; в отличие от большинства философов языка, для него отправной точкой служит не слово и не предложение, а производство таких слов и предложений «при совершении речевого акта». Его систематическое изложение и видоизменение этой теории, увязывание ее с современными дискуссиями привели к тому результату, что именно Серля, а не Остина часто выбирают в качестве отправной точки при рассмотрении теории речевых актов²².

Кроме того, Серль стремится к «экуменизму». Хотя теорию речевых актов часто воспринимали как соперницу тем теориям языка, которые обращаются к внутренней структуре предложений, а не к намерениям и действиям говорящего, эти теории следует, по его мнению, считать дополняющими друг друга. Полная теория языка должна учитывать как то, что говорящий *намеревается совершить*, произнося то или иное предложение, так и то, какое *значение* имеет используемое им предложение. Эта позиция особенно четко проявляется в анализе Серлем предикации. Хотя в общем мы можем провести различие между «содержанием» и «функцией» речевого акта, например между тем, что я обещаю, и самим фактом моего обещания, однако предикация не определяет собой какую-либо конкретную функцию. Сила предикативных актов всецело обуславливается характером того конкретного иллокутивного акта, в ходе которого осуществляется предикация. Это позволило его критикам утверждать, что самое главное — это правильно установить, как определяется значение этого общего предикативного содержания. Иллокутивная сила, по их мнению, — это нечто дополнительное.

Однако сам Серль не желает идти этим путем. По сути, в предисловии к своей работе «Выражение и значение» (1979) он разъясняет, что включенные в нее статьи по первоначальному замыслу должны были составить книгу, в которой доказывалось бы, что теория значения образует часть философии сознания, а эта последняя, в частности, должна была бы увязать речевые акты с интенциональностью. В сложившейся ситуации, вопреки той точке зрения Остина, что существует где-то около тысячи различных видов иллокутивных актов, он готов предположить, что существует всего лишь пять общих категорий подобных актов, но он не будет пытаться дедуцировать из философии сознания, что их *возможно быть* только пять, не больше и не меньше, хотя именно это, по его мнению, в конечном счете и требуется от него как философа. (Благодаря

Стросону вошли в моду подобные трансцендентальные аргументы в кантовском духе, с помощью которых доказывалось, со

Глава 1. В ведение: перемены и преемственность 29

ссылкой на категории, что *должно* быть.) Что касается остального, то Серль поднимает, отнюдь не встречая общего одобрения критиков, очень сложный вопрос о том, какое объяснение его теория даст метафоре и вымыслу. Разбирая этот вопрос, он критически анализирует понятие «буквального значения», которое является центральным для большинства теорий в современной философии языка. Кроме того, он разъясняет, почему его не удовлетворяет попытка некоторых современных лингвистов включить его анализ речевых актов и грайсовский анализ «разговорных смысловых значений» в некую тщательно разработанную теорию, которая имеет свои корни в общей лингвистике, а не в философии сознания²³.

Рассматривать Серля прежде Пола Грайса — значит бросать на ветер всякую хронологию. Грайс уже был хорошо известным преподавателем в Оксфорде, когда туда приехал американский студент Серль. Однако Серль по своему характеру систематизатор, создатель книг. Грайс же — автор редких, сложно аргументированных и тщательно защищенных от контраргументов статей. В общих чертах он, подобно Серлю, придерживается остиновской позиции, отводя центральное место тому понятию значения, которое — как он пишет в статье «Значение, подразумеваемое говорящим, значение предложения и значение слова» (1968) — «мы предполагаем, когда говорим о ком-то, что, совершив такое-то действие, он имел в виду то-то и то-то», в отличие от той трактовки значения, когда предложение или слово сами по себе «значат то-то и то-то». Отдельный язык, согласно Грайсу, образует часть того множества коммуникативных приемов, которые имеют в своем распоряжении совершающие осмысленные поступки люди. Эти приемы изучают лингвисты, тогда как философия языка интересуется речевой актом как таковой. В этом акте в намерения того, кто произносит некоторую фразу, входит, чтобы слушающий его человек распознал, в чем состоит его, говорящего, намерение, и благодаря этому распознаванию отреагировал — или, по крайней мере, имел намерение отреагировать — на его, говорящего, намерение. (Так, если кто-то кричит «Пожар», в его намерения входит, чтобы те, кто его слышит, распознав, что он добивается от них своим криком «Пожар», попытались убежать.) Таким образом, в 1960-е годы оксфордская философия языка была в конечном счете связана с поствитгенштейнианскими теориями действия; для них всех намерение было центральным понятием.

В своей работе «Логика и разговор» (1975)²⁴ Грайс, в частности, увязывает свою теорию языка с практикой ведения разговора, обмена мнениями, а не с отдельными высказываемыми фразами или фразами, связанными между собой только формально логическими отношениями. Такие разговоры, утверждает он, подчиняются определенным рациональным принципам; разговор должен быть настолько содержательным, насколько это требуется, и не более того; человек не должен говорить то, во что у него нет серьезных оснований верить; разговор должен быть уместным и т.п. Благодаря этому об-

30 Джон Пассмор. Современные философы

стоятельству собеседник может вывести заключения, выходящие за пределы тех формальных следствий, которые вытекают из сказанного, а в случае ироничных высказываний — даже противоречащие этим следствиям. Так, если я высказываю замечание: «Это сказал или Грайс, или Серль», я «в разговорном плане подразумеваю», что не знаю наверняка, кто из них сказал это, хотя формально я имею право высказать подобное замечание даже тогда, когда я знаю, что сказанное принадлежит Грайсу. Сформулируем это в более общем и слегка упрощенном виде: допустим, что кто-то высказывает утверждение *p* при условии, что, соблюдая принципы рационального разговора, он не стал бы высказывать этого утверждения, не придерживаясь он мнения *q*. Если при этом он осознает, что я выведу это заключение, и хочет, чтобы я это сделал, то он «в разговорном плане подразумевал», что *q*. Итак, существует неформальная логика разговора - в той же мере, в какой, по мнению ученика Грайса Стросона, существует неформальная логика

импликации. Но так ли это — действительно ли это логика или лишь набор британских условностей — этот вопрос вызвал немало споров.

Глава 2. Структура и синтаксис 31

Глава 2. СТРУКТУРА И СИНТАКСИС

Кальвинистская Женева, придающая главное значение Божественному промыслу, а не человеческим намерениям, в интеллектуальном плане очень далека от островного Оксфорда. Именно в Женеве Фридрих де Соссюр прочитал свой «Курс общей лингвистики», посмертно собранный из набросков и лекционных конспектов и опубликованный уже в 1915 г ¹. Подобно Грайсу, Соссюр утверждал, что теория языка есть лишь часть более обширной теории. Однако последней является не теория действий, а общая теория знаков, «семиология», которая сама входит составной частью в социальную психологию. Каким бы популярным ни было это утверждение, у Соссюра оно остается лишь программным заявлением. Его главной темой является *langue* *, та общая лингвистическая структура, определяемая как «совокупность впечатлений, откладывающихся в мозге каждого члена языкового коллектива», которую использует в каждом речевом акте (*parole*) каждый член такого коллектива. При таком угле зрения язык составлен из знаков, а не из предложений. Каждый знак, утверждает Соссюр, имеет два аспекта: как означающий некое понятие и как означаемый неким слуховым образом, звуковой формой, и эти аспекты неотделимы друг от друга, как лицевая и оборотная стороны листа бумаги. Там, где нет означающего слухового образа, нет и знака, а есть лишь шум; там, где нет означаемого, нет и понятия, а есть лишь аморфная расплывчатость мысли.

Связь между слуховым образом и понятием является, по Соссюру, произвольной, точно так же, как произволен тот факт, сделаны ли шахматные фигуры из дерева или из слоновой кости, — Соссюр, подобно Витгенштейну, любит аналогии с шахматами. Что не является произвольным и, следовательно, составляет надлежащий предмет изучения для лингвистической теории, так это отношения между знаками. Эти отношения напоминают то, что Соссюр называет «грамматикой» шахматной игры, которая определяет «значение» шахматной фигуры в соответствии с правилами.

«Значение» любой фигуры изменяется от одного расположения шахматных фигур на доске к другому. Мы можем описать это расположение, совершенно не зная о том, что ему предшествовало. Сходным образом, заявляет Соссюр в противовес тем, кто отождествляет лингвистическую теорию с филологией, лингвист может разрабатывать *синхроническую* теорию языка, анализируя язык, как он есть в данный конкретный момент времени. Он может не обращать внимания на *диахронические* изменения, сформировавшие язык. Несомненно, имеется одно фундаментальное различие между языком

* Язык (франц.). — Прим. пер.

32 Джон Пассмор. Современные философы

и игрой в шахматы. Шахматист намеренно вносит изменения в расположение фигур на доске, тогда как язык, согласно Соссюру, «всегда каким-то образом ускользает от воздействия воли индивида или общества». (В этом язык ритмично отличается от речи, процесса составления предложений, который всегда произволен.)

Как связаны между собой знаки? Главным отношением между знаками для Соссюра является их различие, которое, по сути, и создает их как отдельные знаки. На *означающем* уровне, говорит он, дифференциация звуков происходит в том случае, если они позволяют различать слова, как, например, буква «р» позволяет отличить слово «лак» от слова «рак»; других различий мы не улавливаем на слух. (Японцы не улавливают никакого различия между «л» и «р», поскольку в их языке данное различие не играет никакой роли при дифференциации слов.) Поэтому; заключает Соссюр, слуховой образ — это не просто «данное» наподобие «чувственного данного»; природой нашего языка определяется, что мы считаем «отдельным звуком». *Значение* знака, рассуждает он в

сходной манере, зависит оттого, появляется ли этот знак в тех местах, где могли бы стоять и другие знаки, как, например, в предложении «Он взбежал на холм» вместо «взбежал» могло бы стоять «взошел», «взобрался» или «въехал», и именно благодаря этому обстоятельству данное слово имеет значение. (Сравните с «It is a long way ... go». Здесь пропуск может быть заполнен только частицей «to». Именно по этой причине «to» в этом контексте ничего не означает.) Понятия, в действительности, «чисто дифференциальны и определяются не своим позитивным содержанием, а негативно через их отношение к другим частям системы». Понятие не просто существует *где-то* и ждет, чтобы ему дали имя; если бы это было так, слова в разных языках были бы строго равнозначными, а они не таковы. Языки различаются разными способами дифференциации.

Если теория языка Соссюра привлекла к себе интерес не только в кругу лингвистов, то лишь той причине, что допускала свое обобщение на другие области. Прежде всего, Соссюр утверждает, что, даже если явления носят исторический характер и подвержены изменениям, что совершенно очевидно в случае языков, тем не менее нам, возможно, потребуется в процессе теоретического анализа отрывать их от их исторических корней, рассматривать их, как если бы они были неизменными, — это явно противоречит принятому в XIX в. допущению, что понимать что-то — значит видеть его в историческом развитии. Во-вторых, хотя язык используется индивидами для достижения личных целей, в процессе осуществления намерений сделать то или это, соссюровский *langue* игнорирует все эти цели; язык трактуется как формальная система, определяющая, каким образом индивиды, независимо от их целей, производят членение своего мира. По стилю это ближе к кантианству, нежели к эмпиризму, и в связи с этим встает вопрос о том, существуют ли другие упорядочивающие мир коды. В-третьих, *langue* является замк-

Глава 2. Структура и синтаксис 33

нутым в себе. Если мы привыкли думать, что знаки существуют для того, чтобы указывать на то, что знаком не является, на некий обозначаемый ими объект, то знаки Соссюра указывают только на другие знаки. Таким образом, намечается движение, столь характерное для более позднего философствования, — движение от репрезентации к внутренней когерентности. В-четвертых, каждый знак существует только благодаря тому, что отрицает другие знаки. У некоторых из этих идей были свои приверженцы и до Соссюра, например их высказывал Ч.С.Пирс, но на континенте они получили распространение именно благодаря Соссюру.

Соссюр был лингвистом, а не философом. И именно его коллеги-лингвисты сразу же подхватили и развили его идеи — прежде всего речь идет о московском лингвисте Романе Якобсоне², в последующем эмигрировавшем сначала в Прагу, а затем в Соединенные Штаты. Благодаря ему эти идеи были увязаны с эстетикой, с формалистическими тенденциями в московском авангарде 1920-х годов. Обычно предполагалось, что произведение живописи, подобно предложению в языке, по самой своей природе отражает или мир, окружающий художника, или, согласно некоторым разновидностям романтизма, состояние его души. При формалистическом анализе оказывается, что само произведение живописи — это целый мир или, самое большее, часть мира искусства, отсылающая только к другим картинам. Литература также считалась способом самовыражения писателя, отражающим его личность. Теперь же ее стали трактовать как оперирующую определенным кодом, образцом чему может служить жанр детективного рассказа. Писатель наследует, а не сам изобретает этот код, который содержит ссылки только к другим литературным произведениям. В качестве примеров приводятся Малларме, стремившийся отсечь все связи между языком поэзии и тем, что этот язык описывает, и Стерн, писавший, как утверждают, роман о том, как пишутся романы. Еще одна особенность постсоссюровских лингвистических теорий бросается в глаза: одержимое увлечение «бинарными противоположностями», «контрарностями» традиционной логики. Эти идеи были восприняты интеллектуальным направлением, известным под названием «структурализм».

Попадает ли структурализм в область, охватываемую нашим довольно жестко ограниченным историческим повествованием? Есть серьезные основания для того, чтобы дать отрицательный ответ на этот вопрос, оставив структуралистов в ведении исследователя, занимающегося историей идей. Ни один из структуралистов не написал метафизического произведения, сопоставимого с

«Бытием и ничто» Сартра. (Это сопоставление напрашивается, ибо структурализм в 1960—70-е годы стал парижской интеллектуальной модой, придя на смену экзистенциализму.) Некоторые из структуралистов напрямую отрицали свою принадлежность к философам, настаивая на том, что они историки идей, антропологи, политологи или психоаналитики. Они негодовали, считая неуместной философскую критику в свой адрес; они твердо

34 Джон Пассмор. Современные философы

заявляли, вопреки признакам, свидетельствующим об обратном, что не выдвигают никаких чисто философских тезисов. Более того, подобно экзистенциалистам до них, они оказали очень незначительное влияние на более широко обсуждаемых англо-американских философов, хотя вне философских факультетов их часто относили к тем, кто составляет «современную философию». Те же англо-американские философы, которые испытали на себе их влияние, за очень редким исключением, занимались социально-политической философией и историей идей, а не теми разделами философии, на которых мы решили сконцентрировать наше внимание.

Структуралисты, по сути, часто сознательно высказываются неясно или хранят полное молчание именно по тем эпистемологическим и онтологическим проблемам, которые стремятся прояснить англо-американские философы. Так происходит, когда обсуждаются вопросы об онтологическом статусе языка, о его взаимосвязи с «миром» и о том, в каком отношении он находится с конкретными речевыми актами. В немалой степени философской основой, на которую они опираются или ссылаются или влиянию которой они сопротивляются, служат философские учения, почерпнутые ими у Ницше, Гуссерля, Хайдеггера, а также Декарта. Когда же они говорят об англо-американской философии, что случается довольно редко, то их заявления, даже по самой сдержанной оценке, нельзя назвать небольшим заблуждением. И все же хотя подробное рассмотрение структуралистов было бы здесь неуместным, совершенно игнорировать их было бы ошибкой; они представляют в их крайнем выражении те тенденции, которые прослеживаются и в англо-американской философии.

Что же в таком случае есть структурализм? На этот вопрос ответить непросто, как непросто было определить «экзистенциализм». Порой испытываешь соблазн воспользоваться определением, которое дал Энгельс гегельянству: «Собрание слов и оборотов речи, не имеющее иного конструктивного назначения, как оказаться под рукой в нужное время, когда отсутствует мысль и положительное знание». Довольно легко распознать характерную для структуралистов терминологию — «структура», «знаки», «различия» — и их иносказательный, изысканный стиль с явной анти-картезианской склонностью к неясному и неразличимому. Значительно труднее сформулировать основные принципы структурализма или хотя бы указать, кого же считать структуралистом.

Несомненно, мы могли бы вслед за Пиаже называть «структуралистами» только тех, кто занимается изучением систем законосообразных преобразований, которые «не приводят к результатам, внешним по отношению к системе, и не охватывают элементов, находящихся вне ее»³. Однако в таком случае нам, как и ему, пришлось бы находить свои главные примеры в области науки и математики, которая лежит за пределами того, что обычно проходит под названием «структурализм», и исключить из рассмотрения мно-

Глава 2. Структура и синтаксис 35

гих из тех, кто лучше всего известен миру как «структуралист». Подобная дефиниция могла бы приблизительно подходить к антропологу Клоду Леви-Строссу, но только с большой натяжкой — к «историку идей» Мишелю Фуко, «психоаналитику» Жаку Лакану, «марксисту» Луи Альтюссеру, критику, романисту, «социологу» Ролану Барту, критику-«философу» Жаку Деррида. Нельзя сказать, что их огорчила бы неприменимость к ним этой дефиниции. Подобно «экзистенциалистам» до них, они часто отвергают ярлык «структурализм». Приведем только один пример: в предисловии к английскому переводу своей интеллектуальной истории «Слова и вещи» (1966) — на английский это название переведено как «The Order of Things» (1970)⁴ — Фуко пишет следующее: «Во Франции некоторые слабоумные комментаторы настойчиво приклеивают мне

ярлык структуралиста. Я не способен вбить в их крошечные мозги, что не использую никаких методов, понятий или ключевых терминов, характерных для структурного анализа». Однако тот же самый Фуко в одном из тех интервью средствам массовой информации, которые стали сегодня отличительной особенностью интеллектуальной жизни, характеризуя свою позицию, сказал, что в 1950-е годы «мы» вдруг неожиданно обнаружили свое интеллектуальное и нравственное размежевание с экзистенциалистами. Если для экзистенциалистов страстным увлечением была жизнь и политика, то для «нас», говорит он, такой страстью было «понятие и система». Экзистенциалистское «я», продолжает он, было разрушено и преобразовано в «некто». «Место Бога занял не человек, а анонимное мышление, мышление без субъекта». Под удобным анонимным «мы» Фуко может подразумевать только структуралистов — хотя Фуко и не семиолог.

То, что вызывало у экзистенциалистов наибольшую неприязнь, а именно господство систем над человеком, с точки зрения структуралистов, не только неизбежно, но и желательно. По сути, для них несомненно, что «человек» умер, — так же, как для Ницше несомненно, что «Бог» умер. Это верно независимо от того, трактуется ли «человек» в стиле Гуссерля как субъект, служащий источником значения и ценности, или в стиле Сартра как способность к свободе, или в стиле Мерло-Понти как существо, центр которого составляет «пережитой опыт», или в оксфордском стиле как носитель сознательных интенций. Как старается убедить нас Фуко, «человек» — это понятие, изобретенное в XIX столетии. Согласно Альтюссеру, человек есть продукт идеологии, «субъект», предназначенный подчиняться.

Для структуралиста два вида интеллектуальной деятельности являются образцом для подражания: сосюрровская философия языка и математическая теория групп, развиваемая несколькими французскими математиками, избравшими для себя коллективное имя «Бурбаки». Подобное коллективное самоопределение уже само по себе привлекательно для структуралистов. Но, кроме того, согласно учению Бурбаки, природа отдельных членов группы не имеет никакого значения, ибо группу определяют те законы, согласно ко-

36 Джон Пассмор. Современные философы

торым осуществляются ее преобразования. Музыка также служит излюбленным примером, особенно у Леви-Стросса.

Как это ни странно, почти образцом являются для структуралистов Маркс и Фрейд. В интеллектуальной атмосфере Франции 1960-х и 1970-х годов интеллектуал вряд ли бы решился заявить, что не является марксистом. Фрейд, как и Гегель, с большим опозданием стал известен во Франции, но с 1960-х годов быть фрейдистом стало не менее важным. Однако здесь было не все так просто. Фрейд, на первый взгляд, писал об инстинктах и связанных с ними превратностях. Маркс был убежденным сторонником историцизма и скорее диахронического, нежели синхронического теоретизирования, и, хуже того, в своих ранних произведениях отстаивал «гуманизм», который структуралисты высмеивали. Поэтому необходимо было Фрейда и Маркса как-то по-новому истолковать. В резкой оппозиции к «социалистическим гуманистам» Альтюссер⁵ в работе «Читая «Капитал» (1965, английский перевод 1970) отвергает ранние гуманистические произведения Маркса. По сути, даже «Капитал» не вызывает у него доверия по сравнению с «Критикой Готской программы» (1875) и почти неизвестными «Заметками о Вагнере». Все это по той причине, что, хотя Маркс очень медленно освобождался от гегелевского эволюционизма, тем не менее «подлинного Маркса» интересовали только формальные взаимосвязи между «процессами без субъектов», между способами производства и производственными отношениями, а не их исторические последствия или намерения индивидов.

Что касается Фрейда, то у Жака Лакана в серии статей, опубликованных под названием «Тексты» (1966), он предстает как тот, кто открыл «язык бессознательного»⁶. Так же, как Альтюссер обрушивается на социалистический гуманизм, Лакан направляет огонь своей критики против психоаналитического гуманизма, который особенно распространен в Соединенных Штатах и для которого психоанализ стал прежде всего методом, позволяющим помочь пациенту «приспособиться к действительности». Структура бессознательного, заключает он в итоге, — это структура языка. Сосюрровская лингвистика, а не биология служит поэтому для психоанализа

научным образцом — так же, как для Леви-Стросса *ojm*, а не биология служит образцом для понимания отношений родства ⁷.

«Подобно фонемам, — утверждает Леви-Стросс, — термины родства являются элементами значения; подобно им, они не приобретают своего значения иначе как при условии их участия в системе». Кроме того, подобно фонетическим системам, продолжает он, они являются «переработками сознанием данностей на уровне бессознательного мышления». И в их случае «видимые явления есть продукт взаимодействия общих законов». (Понятно, почему у него вызывает глубокий интерес геология, которая усматривает в видимом ландшафте продукт действия таких вот скрытых законов.) Что касается мифа, то, подобно музыке, он представляет собой язык, который может

Глава 2. Структура и синтаксис 37

«превосходить уровень членораздельной речи». В то же время он «подчиняется тем же законам, что и символическая логика». Заменив имена собственные и элементы мифа на математические знаки, мы можем свести миф к некой формуле. Наряду с лакановским психоанализом, это есть «структурализм» в его чистейшем виде, и, естественно, Фуко отмежевывается от него.

Однако если же структурализм взять в более широком смысле, относя к его представителям не только Фуко и Альтюссера, но и Лакана и Леви-Стросса, то его философское значение заключается в том, что он сводит к минимуму роль человеческих намерений, роль человека как существа, наделенного свободой действий. Достигают структуралисты этого не так, как делали до них, — не благодаря утверждению, что человеческие действия детерминируются физическими законами; по их мнению, человеческие действия детерминируются системой, которая осуществляет дифференциацию и сама подвергается дифференциации.

Безусловно, допускаемый «минимум» свободы действий иногда чуть больше, иногда чуть меньше в произведениях разных структуралистов. В «Археологии знания» (1969, английский перевод 1972) Фуко в итоге готов признать, что рассматриваемые им структуры представляют собой «множество условий, в соответствии с которыми осуществляется практика», а не «множество детерминаций, действующих извне на мышление индивидов». Чтобы понять силу и глубину неприятия структуралистами «человека», необходимо также помнить, что структурализм возник как реакция на возвеличивание субъекта в феноменологии Гуссерля и гуманизме Сартра ⁸.

Жака Деррида иногда называют не структуралистом, а постструктуралистом ⁹. В своей книге «Письмо и различие» (1967, английский перевод 1979), а впрочем, и в других работах, он критикует Фуко, Леви-Стросса, Лакана; он отвергает понятие всеобщей структурной «системы». В какой-то момент, утверждает он, любая система вынуждена выйти за рамки самой себя и в ходе этого отказаться от своей претензии на всеобщность. Однако, с определенной точки зрения, все же можно считать, что он развил структуралистские темы до их крайнего предела, а по мнению некоторых, — до абсурда.

Нет уверенности и в том, можно ли Деррида называть философом, или же он, подобно позднему Хайдеггеру и Ницше до него, является антифилософом, ибо стремится заменить философию литературной критикой. При все том, что континентальная философия—в лице Декарта, Руссо, Гуссерля, Хайдеггера — служит ему отправной точкой, его раздражает, когда его называют «континентальным философом». Пороки, к которым он привлекает внимание, являются, по его мнению, общими для франко-немецкой и англо-американской философии. И та и другая стремятся открыть нечто такое, что *присутствует* в абсолютном смысле, что выступает как «источник» для отсутствующего и одновременно логически предшествует ему — как, например, считается, что простое предшествует сложному. И, конечно же, мы должны

38 Джон Пассмор. Современные философы

поверить Деррида, что поиск непосредственно присутствующей, логически предшествующей отправной точки в такой же мере был свойственен британскому эмпиризму, как и континентальному трансцендентализму.

Попытайся он построить метафизическую систему, утверждает Деррида, он неизбежно попался бы в ту же самую ловушку; это потенциально заложено в самом занятии метафизикой. По сути, он признает, что не может надеяться полностью избежать метафизики, хотя и ограничивается по большей части лишь комментариями — порой тонкими и проницательными — и не занимается системосозиданием¹⁰. Лишь однажды Деррида дал краткое и систематичное изложение своих собственных взглядов (1968, перепечатано в «Полях философии» («Marges de la Philosophie»), 1972). Даже когда его комментарии касаются его самого, это служит для иллюстрации одного из главных его тезисов о том, что единое «я» — это миф; оно не тождественно с автором, которого он комментирует, даже если носит то же самое имя. В трудах Деррида стиль воплощает в себе содержание.

Одна общая цель проходит через все эти труды — «расшатать» наши привычные концептуальные системы и, в частности, освободить наше мышление от довлеющих над ним иерархически упорядоченных бинарных противоположностей, таких как «присутствие-отсутствие», «первичный-производный», «необходимый-возможный», «речь-письмо», «буквальный-метафорический», «серьезный-шутливый». Начиная с рассмотрения обычно считающегося «низшим» по значению члена каждой такой пары, он стремится показать, что его определяющие характеристики в равной мере применимы и к его якобы «высшей» по значению противоположности. Расшатанная таким образом в результате «деконструкции», иерархическая пара замещается всеобъемлющим «понятием» — здесь кавычки указывают на то, что это новое «понятие» вовсе не обладает той устойчивостью и определенностью, которые обычно приписываются понятиям. Однако по своей области применения это новое понятие значительно шире, чем предполагалось вначале. Так, к примеру, пара «присутствие-отсутствие» замещается неологичным и откровенно расплывчатым «*differance*», соединяющим в себе значение двух французских слов, которые переводятся как «различие» и «откладывание».

Рассмотрим, к примеру, знак. Его нельзя считать просто «присутствующим» не только потому, что он существует в качестве знака, как утверждал Соссюр, лишь благодаря своей связи с другими знаками, знаками, которые *не* присутствуют, но и потому, что его «значение» никогда полностью не представлено нам, оно вечно «откладывается». Этим Деррида не утверждает той банальной вещи, что знак имеет более одного значения и что со временем его значение может меняться. Или в этом он старается нас уверить. Намного непонятней то, *что* же именно он утверждает. Для него знак представляет собой «семя» — семя, которое «рассеивается»: здесь Деррида связывает этимологически в духе Хайдеггера слова «семя» (*semen*) и «семантика»

Глава 2. Структура и синтаксис 39

(*semantics*). Это ключевое понятие он разрабатывает в книге «Рассеивания» (1972, английский перевод 1982), правда, очень путано и непонятно. В одном из интервью, вошедших в «Позиции» (1972), Деррида, по сути, утверждает, что рассеивание «в конечном счете не имеет значения и не может быть оформлено в дефиницию». Но в этом оно, казалось бы, не является уникальным. Ибо Деррида, видимо, утверждает здесь, что *каждый* знак находится в подобном положении. Не существует ничего такого, что можно назвать, раз и навсегда или даже на какое-то конкретное время, его «значением».

Пример знаков служит иллюстрацией для более широкого принципа: «тождество-различие» везде замещается на «*differance*» — не только при рассмотрении тождества знака, но и самотождественности личности. Заниматься поиском чьей-либо самотождественности — значит стремиться к недостижимому. Наша «самотождественность» заключается в том, как мы дифференцируемся от других людей в рамках конкретной дифференцирующей системы, и ни в какой момент времени она не является твердо установленной, определенной; наша «природа» всегда «откладывается».

Для англо-американского философа из работ Деррида наиболее «доступными для понимания» являются те, что посвящены критике книги Дж.Л.Остина «Слова-действия» * и последующей дискуссии с приверженцем Остина Джоном Серлем¹¹. Эту дискуссию ни в коей мере не назовешь четкой и определенной. (Деррида заявляет, что ненавидит дискуссии.) Его манера аргументации, как он сам ее характеризует, неизбежно является «стратегией сложной и извилистой, запутанной и полной уловок». По сути, хотя он и не говорит этого, от нее остается ощущение, как от прикосновения электрического угля. Но, по крайней мере, то, против чего он выступает, знакомо.

Деррида одобряет Остина, когда тот признает, что не вся речь состоит из коммуникации идей, и особенно, когда тот отвергает оппозиции «истинный-ложный» и «ценности-факты». Однако он резко критикует Остина по трем причинам: во-первых, потому, что Остин считает «речь» более простой и непосредственной, нежели письмо — Деррида в качестве эпиграфа берет фразу Остина «ради простоты все же ограничимся устными высказываниями»; во-вторых, потому, что над его мышлением довлеют такие иерархически упорядоченные противоположности, как «серьезный-шутливый», «обыденный-паразитический», хотя он и отвергает оппозицию «факт-ценность»; в-третьих, потому, что он считает речевые акты видами коммуникации если не идей, то интенций.

Рассмотрим сначала иерархическое противопоставление «речь-письмо». Философская традиция, начавшаяся с «Федра» Платона, всегда отдавала

* Под таким названием вышел первый русский перевод книги Остина «How to do Things with Words» — см. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. М.: Прогресс, 1982. Новый перевод этой работы, опубликованный под названием «Как производить действия при помощи слов» (в книге Остин Дж. Избранное. М.: ДИК, Идея-Пресс, 1999. С. 11—135), несомненно, в целом является более точным, однако его название представляется нам менее удачным. — *Прим. пер.*

40 Джон Пассмор. Современные философы

предпочтение речи перед письмом и предполагала, что письмо является низшей, производной формой коммуникации; это составляет, согласно Деррида, фундаментальное интеллектуальное заблуждение. (Леви-Стросс решительно занял бы в этом вопросе сторону Платона). «Письмо» приобретает особое значение для Деррида — настолько особое, что он спокойно заявляет о том, что письмо предшествует речи. Как он отмечает в работе «О грамматологии» (1967, английский перевод 1973), «письмо» есть все то, что *рождает* надпись (курсив мой — Дж.77.), где «надпись» также необходимо истолковать очень широко. Иногда он предпочитает неологизм «протописьмо» для выражения этого нового «понятия», которое замещает собой не только оппозицию «речь-письмо», но даже оппозицию «мир-письмо». (Здесь со всей силой проявляется мечта французского интеллектуала, наиболее откровенно выраженная Малларме, мечта о мире, который существует только в той мере, в какой вмещается в книгу).

Обычно предполагается — по крайней мере, так утверждает Деррида, — что, в отличие от письма, в речи говорящему «представлено» его высказывание, что, слушая себя, он понимает свои собственные намерения и что его собеседник, слушая его, также понимает это значение, постигает его намерение. (Следует напомнить, что французское «entendre» означает «иметь в виду, намереваться, понимать, знать все о».) Однако этот анализ предполагает, что говорящий имеет определенное намерение, полностью осознает его и может использовать язык таким образом, что его собеседник, слыша говорящего, обязан понять его намерение. Придерживаться подобного грайсовского взгляда — значит упускать из виду (Деррида сказал бы «подавлять») тот факт, что язык никогда не «сохраняется столь прочным», чтобы *с необходимостью* нести определенное значение. Способность «меток» повторно появляться в разных контекстах «не оставляет нам иного выбора, как подразумевать (говорить) нечто (уже, всегда, также) отличающееся от того, что мы подразумеваем (говорим)», понимать иначе, чем ... и т.д.». Из-за самого факта использования мной языка становится невозможным для меня просто сказать то, что я имею в виду; сложность человеческой природы делает для меня невозможным просто иметь в виду то, что я говорю.

Заслуживает внимания еще одна последняя деталь, характерная для ответа Деррида Серлю. Он уделяет огромное внимание тому факту — «заигрывая» с ним, как кошка с мышкой, — что статья

Серля сопровождается пометкой «О Джон Р.Серль, 1977». Кто-то мог бы предположить, что это «заигрывание» есть простое упражнение в полемической язвительности. Но это не так. Ибо, согласно основному учению структурализма, ни идеи, ни язык никому не принадлежат. А, по сути, более того — само понятие «владения» связано с несостоятельной теорией личности. «Структурализм», как отмечает Деррида вслед за Якобсоном, — «это конец частной собственности». Однако замечание Деррида имеет более широкий смысл: структу-

Глава 2. Структура и синтаксис 41

рализм, как он мог бы также сказать, — это конец индивидуальной *личности*.

На первый взгляд, Ноам Хомский не является структуралистом¹². Далекий от заявлений о том, что «человек умер», он резко критикует бихевиористскую психологию, индустриальный капитализм и государственный социализм именно за их негуманность. Будучи политическим активистом, он выражает солидарность с анархическим крылом социалистического гуманизма, который структуралисты предают анафеме¹³. Кроме того, исходной точкой для его теории языка служит не язык как коллективный феномен, а *креативность* всех без исключения носителей языка, их способность высказывать и понимать предложения, с которыми они никогда прежде не имели дела. Вопреки структуралистам, он считает язык прежде всего средством выражения мыслей, а не системой социальной коммуникации, осуществляемой благодаря использованию знаков. Если они умаляют, то он подчеркивает различия между естественными языками и другими знаковыми системами.

Если оставить в стороне полузаигрывания Деррида с Остином, почему же тогда об одном только Хомском из современных англо-американских мыслителей структуралисты упоминают хоть сколько-нибудь уважительно? В первую очередь, это связано с тем, что он воспитывался в традиции структурной лингвистики; по сути, его учителем был Зиллих Харрис, написавший книгу (1951) под одноименным названием. Трансформационная лингвистика Хомского во многих отношениях стоит в самой резкой оппозиции к американской структурной лингвистике, ибо он отвергает ту точку зрения, что лингвистическая теория призвана описывать сложные лингвистические сущности при помощи лингвистических сущностей более низкого порядка, например предложения при помощи слов, слова — при помощи фонем. Тем не менее он многим обязан Харрису и таким постсоссюровским лингвистам, как Якобсон¹⁴.

Во-вторых, хотя «креативность» тех, кто говорит на обыденном языке, составляет ведущий мотив в исследованиях Хомского, в своих «Размышлениях о языке» (1976) он не касается творческого использования языка, считая это при существующем положении дел «тайной», а не «проблемой» для научного исследования. (Эта наводящая на мысль о Габриэле Марселе терминология несколько обескураживает.) Его лингвистические теории, как они представлены в первой опубликованной им работе «Синтаксические структуры» (1957) и развиты далее в книге «Аспекты теории синтаксиса» (1965), являются достаточно формализованными, математизированными, основанными на понятии правила и не учитывающими индивидуальные иде-осинкразии и интенции, чтобы удовлетворить самых взыскательных из французских структуралистов.

Французских структуралистов привлекло также предложенное Хомс-ким различие между «глубинными» и «поверхностными структурами». По их мнению, этим он сделал в отношении языка то, что Фрейд сделал в от-

42 Джон Пассмор. Современные философы

ношении сознания, а Маркс — в отношении общества. «Глубинная структура», как определил ее Хомский в статье «Нынешнее положение дел в лингвистике» (1966), «это абстрактная, основополагающая форма, определяющая значение предложения»¹⁵. В отличие от нее, поверхностная структура является репрезентацией «физического сигнала», который мы подаем или слышим, как, например, когда я слышу, как кто-то говорит: «Входите!». «Поверхностная структура» порождается «глубинной структурой» благодаря таким трансформациям, как комбинирование и удаление, а также благодаря фонологическим входным данным, определяющим

то, как она произносится. («Порождается» не означает «причинно порождается»: грамматика не объясняет нам, почему человек говорит «Enter», а не «Come in». * Это порождение математического характера; так, например, алгебраическое уравнение «порождает» разнообразные численные решения.) Поэтому глубинная структура фразы «Come in!» содержала бы такие элементы, как «you» и глагол «to be», которые отсутствуют в поверхностной структуре.

Несмотря на то, что это различие тесно связано с его именем, Хомский ко времени написания «Размышлений о языке» все же отказался от использования терминов «глубинная структура» и «поверхностная структура», отчасти по техническим соображениям, но также и по той причине, — которая более важна для наших целей — что его неправильно поняли как французские структуралисты, так и те, кто решил, что «глубинные структуры» являются «глубинными» в метафизическом смысле, а свойства поверхностных структур, в отличие от них, «несерьезны, неважны, меняются от языка к языку и т.п.» Он так не считает; фонология, занимающаяся исключительно поверхностными структурами, по его мнению, может быть столь же универсальной, «проясняющей» и обобщаемой, как и синтаксическая теория. В действительности, как он прямо признает, фонология является наиболее полно разработанной отраслью «грамматики». (Хомский употребляет слово «грамматика» в очень широком смысле, включая в нее наряду с синтаксисом семантику и фонологию.)

Совершенно ясно, что французский структуралист немного пользы может извлечь из «глубинных структур» Хомского. Однако другой аспект теории Хомского, возможно, все же будет привлекательным для него. Американский структурализм, как он представлен в пользовавшейся очень большой известностью книге Леонарда Блумфильда «Язык» (1933), отверг фундаментальное для Соссюра представление о знаке как об означающем некоторое понятие. (В своих более ранних работах Блумфильд отстаивал сходную точку зрения, но формулировал ее в терминах психологии Вундта, поэтому она пережила что-то вроде возрождения.) Под влиянием бихевиористского позитивизма Блумфильд определял употребление языка как замещение знаком невербальной реакции на стимул; по его мнению, знак «означа-^{*}». На русский язык и та и другая фразы переводятся как «Входите!». — *Прим. пер.*

Глава 2. Структура и синтаксис 43

ет» то, что он замещает. В хорошо известном примере Джилл просит Джека залезть на дерево и достать для нее яблоко; стимулом для высказываемой ею просьбы служит голод; вместо того чтобы самой залезть на дерево, она высказывает просьбу, которая и является замещением для этого ее действия или для действия Джека, будь он сам голоден. Если для структуралистов было совершенно неприемлемо отличительно французское подчеркивание центральной роли индивидуального сознания, то для Хомского врагом был бихевиоризм в стиле Блумфильда, что со всей очевидностью явствует из его рецензии (1959) на архибихевиористскую книгу Б.Ф.Скиннера «Вербальное поведение»¹⁶. Однако и структуралисты, и Хомский выдвигали в противовес своему противнику понятие основополагающих способов постижения, которые влияют на принимаемые индивидом решения, не будучи им осознаваемы, и влияют таким образом, что это не полностью выводится из его собственного опыта, из «стимулов», действовавших на него.

Кроме того, Хомский выступает против характерной для классического американского эмпиризма трактовки задачи, стоящей перед лингвистикой. По понятным причинам эта трактовка процветала в особых условиях американского континента, и, согласно ей, задача лингвистики состоит в том, чтобы как можно точнее вести запись языков, на которых говорят вымирающие североамериканские индейские племена, и затем, используя «методы открытия», на основе этих записей сделать обобщения относительно грамматики этих языков — «грамматики» в широком смысле, как ее понимает Хомский. Хомский отвергает ту точку зрения, что существуют подобные «методы открытия». Грамматика в его представлении — это *теория* языка, которая призвана объяснить, почему в данном языке только некоторые предложения, некоторые трансформации, некоторые последовательности звуков, некоторые сочетания слов считаются грамматически допустимыми.

Вместо «процедуры открытия» он предлагает процедуру «оценки». Данные, которыми располагает лингвист, как и данные, находящиеся в распоряжении ученого, всегда допускают

более одного объяснения. С помощью «процедуры оценки» осуществляется отбор среди различных возможных грамматик на основе таких критериев, как «простота в отношении применяемой теории». (Он отрицает «простоту» в абсолютном смысле.)

Просто вести запись языка, утверждает Хомский, значит включать в нее предложения, которые являются «допустимыми», но грамматически неправильными, и исключать предложения, которые, возможно, никогда не будут произнесены, но тем не менее являются совершенно правильными в грамматическом отношении. В определенном контексте предложение может быть «допустимым» в том смысле, что ни у кого не вызывает сомнения значение, подразумеваемое говорящим, даже если это предложение содержит «обмолвку» или грамматическую ошибку. С другой стороны, предложение может быть грамматически правильным, но столь сложным, что слушатель был бы

44 Джон Пассмор. Современные философы

не в состоянии «принять» его; он считал бы его невразумительным. Лингвиста-теоретика интересуют только грамматически правильные предложения в целом и каждое в отдельности. Стало быть, грамматика — это не теория «исполнения» того, что Соссюр называет «parole» (речью). Ее предметом служит то, что, по словам Хомского, является «умением»¹⁷.

Райл предложил различие между «знанием как» и «знанием что» и связал умение со «знанием как». Действительно, мы обычно полагаем, что «умение» характеризует способность человека что-либо совершать. Однако, как полагает Хомский, в случае языкового умения «знание как» — например: «Он знает, как говорить по-английски» — неизбежно опирается на особый вид «знания что», особый, потому что он является неявным. Исследователь грамматики пытается раскрыть это «неявное знание» носителя языка и тем самым объяснить, почему он способен различать грамматически правильные и грамматически неправильные конструкции.

Почему следует предположить, что носитель языка обладает таким неявным знанием? Человек может быстро «научиться» музыке, может не только петь, но и сочинять песни, не будучи способным объяснить, что такое тональность, полутон или нота. Мы, как правило, считаем, что ребенок овладевает своим первым языком сходным образом. Разумеется, он не способен сказать нам, каковы правила этого языка. Если, как утверждает Аристотель, признаком знающего человека является его способность научить тому, что он знает, то ребенок не знает правил. (Здесь едва ли поможет, если мы заменим «знать» словом «познать», как это в одном месте предлагает Хомский.)

Не отрицая таких довольно очевидных фактов, Хомский вместе с тем совершенно отвергает общепринятое «эмпирическое» объяснение усвоения языка. В своей «Картезианской лингвистике» (1966) он причисляет себя, хотя и не безоговорочно, к приверженцам более старой рационалистической теории человеческого мышления, согласно которой опыт стимулирует мышление использовать знание, которое уже составляет часть его собственной структуры, будучи «врожденным». Если мы не предположим, утверждает он в «Размышлениях о языке», что люди «специально приспособлены» для усвоения языка, мы, вероятно, не сможем понять, как «при относительно незначительном опыте и без обучения» ребенок научается «использовать сложный набор специальных правил и руководящих принципов для сообщения другим своих мыслей и чувств». Механизмов, на которые ссылается эмпирист (к ним относятся обобщение, аналогия, обусловливание), по мнению Хомского, просто *недостаточно*, чтобы объяснить, как человек научается своему первому языку. (Научается, а не обучают его, поскольку обучение в этом случае имеет минимальное значение). Именно поэтому мы должны предположить, что ребенок уже имеет в некотором смысле *знание* языка.

Таким образом, «умение» человека не просто состоит в его способности что-то совершать со знанием дела; оно включает в себя и то обстоятель-

Глава 2. Структура и синтаксис 45

ство, что он имеет в своем распоряжении определенные принципы. «Врожденная способность» мышления «репрезентируется» — ибо Хомский не дуалист — «неким пока еще неизвестным способом в мозге», создавая абстрактную когнитивную структуру, которая затем включается в «систему способностей к действию и интерпретации». Изучать «умение» — значит изучать весь этот набор ментальных структур и ментальных процессов. Подобно Леви-Строссу, Хомский признает то, что Леви-Стросс называет «переработками сознанием данностей на уровне бессознательного мышления». Лингвистическая теория призвана раскрыть эти переработки. Язык, как полагал Лейбниц, — это «зеркало ума»; лингвистическая теория, будучи теорией человеческого мышления, составляет раздел *когнитивной*, а не *социальной* психологии, как полагал Соссюр¹⁸.

Должны ли мы отсюда предположить, что английский ребенок специально «приспособлен» для обучения английскому языку, а французский ребенок — французскому? Очевидно, что нет; английский ребенок, воспитывавшийся во Франции, будет прекрасно говорить по-французски, а не по-английски. «Умение» ребенка, по Хомскому, универсально; он рождается способным научиться говорить по-английски, по-французски или по-китайски, если будет воспитан в соответствующем обществе. Однако, если мы предполагаем, что при рождении он обладает «универсальной грамматикой», такая грамматика, чтобы вообще быть грамматикой, должна иметь ограничения, исключающие определенные грамматики как невозможные для человека¹⁹. «Ребенок не может знать при рождении, — пишет поэтому Хомский в работе «Язык и мышление», — какому языку ему придется научиться, но он должен знать, что грамматика этого языка должна иметь определенную форму, исключающую многие мыслимые языки». Наделенный таким «неявным знанием», он отбирает «допустимую» гипотезу о грамматике используемого им языка. Корректируя свою гипотезу в свете получаемого опыта, он в конце концов овладевает «знанием своего языка» в том смысле, что способен отвергать некоторый свой лингвистический опыт как «несовершенный и девиантный», т.е. как грамматически неправильное исполнение. Этот анализ, признает Хомский, получает наибольшее подтверждение в случае фонологии. Хотя физически возможны другие звуки, во всех языках, казалось бы, используется некое подмножество ограниченного множества звуков. Разве не мог бы существовать язык, содержащий другие звуки? Согласно Хомскому, если бы он существовал, мы не смогли бы научиться ему с той легкостью, с какой мы сейчас овладеваем своим собственным языком. Точно так же, считает он, мы приспособлены научиться любому правилу из множества синтаксических и семантических правил, но только если оно является элементом указанного множества.

Лингвистические теории Хомского претерпели немало изменений со времени их создания, прежде чем составили «революцию в лингвистике». Сей-

46 Джон Пассмор. Современные философы

час они, как иногда утверждают, «в полном беспорядке». Это нисколько не обескураживает Хомского; «незрелая наука», по его мнению, непременно переживает подобные стремительные изменения, затрагивающие даже ее самые общие принципы. Но он продолжает сохранять верность фундаментальным принципам своей лингвистики, а именно что грамматика — это не просто описательная, а объяснительная наука, что заниматься ею — значит изучать «умение», а не «исполнение», что психология в эмпиристском духе не способна объяснить, как ребенок научается своему первому языку, что лингвистическая теория дает главный ключ к пониманию мышления. Именно благодаря своей резкой критике эмпиризма и использованию кантианских по духу понятий врожденных ментальных структур, накладывающих ограничения на возможную форму наших действий, на их мысленное оформление, Хомский смог оказать свое влияние на философию. Так что его и структуралистов уместно рассматривать вместе.

Глава 3. От синтаксиса к семантике 47

Глава 3. ОТ СИНТАКСИСА К СЕМАНТИКЕ

О Хомском отзывались как о «синтаксическом чуде»; эту характеристику и содержащееся в ней обвинение в том, что он полностью пренебрегает семантикой, Хомский отвергает. Однако он признал бы, что главное значение придавал синтаксису и в меньшей степени фонологии. При всем человеческом интересе к семантике, обусловленном тем, что центральное место в ней занимают понятия «истина» и «значение», Хомский считал себя вправе сосредоточить внимание на тех областях, где легко мог быть достигнут теоретический прогресс. По его мнению, он мог внести непосредственный вклад в открытие универсальной грамматики и универсальной фонетики; перспективы же универсальной семантики оставались неопределенными. Кроме того, синтаксис, утверждал он, можно исследовать совершенно независимо от семантики ¹.

Некоторые из учеников Хомского попытались распространить его метод на семантику ². В работе «Структура семантической теории» (1963) Дж. Дж. Кац и Дж. А. Фодор приступают к описанию «абстрактной формы» семантической теории естественных языков. Семантическая теория, в их понимании, призвана объяснить определенные виды умения говорящего: как он распознает аномальность некоторых предложений, несмотря на их грамматическую правильность, как он может установить, что одно предложение является парафразой другого при их явном синтаксическом различии как он может, обратившись к словарю за некоторым словом, определить какое из приведенных там значений подходит для данного предложения. Так, говорящий по-английски человек сочтет фразу «Colourless ideas sleep furiously» (Бесцветные идеи спят неистово) аномальной, хотя она безупречна с точки зрения синтаксиса и фонологии, а предложение «The boy hit the ball» (Мальчик ударил по мячу) признает означающим то же самое, что и предложение «The ball was hit by the boy» (Удар по мячу нанесен мальчиком), зная при этом, что «ball» употребляется здесь не в значении «собрание людей для совместных танцев».*

Для объяснения подобных явлений Фодор и Кац выстраивают «дерево», состоящие из «семантических маркеров» и «отличителей». Семантические маркеры представляют собой общие понятия, соединенные в упорядоченные последовательности, где порядок определяется переходом от более широкого к более узкому понятию. Взаимно исключающие понятия, по их мнению, возглавляют разные последовательности. «Отличители» отражают «то, что составляет своеобразие в значении [лексической] единицы»

* Английское «ball» означает не только «мяч» или «шар», но и «бал». — Прим. пер.

48 Джон Пассмор. Современные философы

Допустим, мы рассматриваем слово «bachelor». При описании одного из его разнообразных значений* будут использоваться такие семантические маркеры — или их еще иногда называют «компонентами», — как «человек», «мужчина», наряду с отличителем «никогда не был женат». Формулируется это следующим образом: холостяк —> существительное —> (Человек) —> (Мужчина) — [кто никогда не был женат]. Семантические маркеры «человек» и «мужчина», по мнению Фодора и Каца, имеют такое же фундаментальное значение для понимания языка, как и синтаксический маркер «существительное»; мы не сможем постичь конкретное значение в некотором языке, пока не овладеем ими. В отличие от них с каким-то отдельным отличителем человек может никогда не познакомиться. Поэтому семантическая теория, в их понимании, касается взаимоотношений между семантическими маркерами; именно эти взаимоотношения определяют, является ли предложение аномальным в семантическом плане. («Семантические аномалии» оказываются очень похожими на «категориальные ошибки» Райла.)

Этот анализ, естественно, вызывает один вопрос. На первый взгляд, «мужчина», «человек» и т.п. представляют собой слова русского языка**. Невозможно, чтобы мы обладали неявным знанием этих слов до того, как начнем учить русский язык. Однако в теории Фодора и Каца «человек» рассматривается не как слово какого-либо естественного языка — чтобы подчеркнуть это, его иногда записывают как ЧЕЛОВЕК — а как тот конструкт семантической теории, который представлен словом «человек». Будучи «семантическим маркером», этот конструкт входит в «язык

мысли» -Дэвид Льюис назвал его «маркерес», — который предшествует *выражению* мыслей на любом естественном языке. (Животное, по их мнению, способно мыслить на таком языке, хотя оно никогда не научается выражать свои мысли на естественном языке.)

С момента ее появления эта теория вызывала широкую критику и подвергалась значительным изменениям. Иногда дискуссии касались вопросов, представляющих лингвистический, а не философский интерес; например, входит ли слово «убивать» в универсальную семантику или же подобная семантика будет содержать лишь слова «причина» и «умирать», на которые можно разложить «убивать»,. Иногда спор вращался вокруг вопроса о том, на каком уровне осуществляется семантический анализ — осуществляется ли он, как первоначально полагали Кац и Фодор, на уровне «глубинной структуры», так что вначале обнаруживается глубинная структура, а затем семантически анализируются ее составные элементы, или же, как

* В английском языке слово «bachelor» (холостяк), кроме того, имеет значения «бакалавр» и «рыцарь». — *Прим. пер.*

** В оригинале речь идет, естественно, об английском языке. Во избежание недоразумений все рассуждения об английских словах переведены как рассуждения о русских словах, однако, следует помнить, что теория Каца и Фодора была сформулирована применительно к английскому языку. — *Прим. пер.*

Глава 3. От синтаксиса к семантике

склонен был считать сам Хомский, при семантическом анализе необходимо учитывать и некоторые особенности поверхностной структуры, например *у* рение. В последовавших за этим дискуссиях глубинный уровень иногда с новился еще глубже, часто поверхностный уровень становился глубже *и* же глубинный становился более поверхностным. Это еще одна причина, которой Хомский в конце концов отказался от этих подобных Протею * *т* минов. В другие периоды критика носила более явный философский хар тер, будучи направленной против концепции «языка мысли», неясное знш которого предшествует изучению любого естественного языка. Утверждало что семантика такого рода просто переносит проблему значения из обыд ных языков в язык мысли ³. В последующем мы еще вернемся к этой крити

Более основательно Каца и Фодора критиковали за то, что, занима языковым умением, они не уделяют внимания центральным вопросам мантики. Это нисколько не удивительно; всегда существовали заметные р ногласия относительно природы и задач семантической теории. Начиная 1960-х годов, вопреки усилиям как сторонников Остина, так и предста] телей школы Хомского, опять возродился интерес к семантике условий тинности, начало которой положил Фреге, затем, то ли сознательно, то по недоразумению, разрабатывал Витгенштейн в своем «Трактате», а п« ле него в разнообразных вариантах развивали Тарский, Карнап и Ало* Черч. Можно сказать, что Карнап посмертно одержал победу над теми (] лософами обыденного языка, которые отбрасывали в сторону его семая: ку как, говоря словами Райла, «поразительное смешение технической изоренности и философской наивности» ⁴. (Не знаю, почему Райл находит^г кое смешение «поразительным».)

Давайте начнем с наименее доступного для понимания из всех современ« ных исследователей семантики — Ричарда Монтегю ⁵. Это может показат! неразумным выбором. Работы Монтегю исключительно трудно излагат! суммированном виде. Он умер (его убили), так и не собрав свои идеи в ода книге. Его статьи более философского характера — кроме того, он много г сал для математических журналов и журналов по символической логике посмертно были опубликованы вместе под названием «Формальная филос фия» (1974). Это название вполне уместно: идеи Монтегю предполагают 3т ние таких разделов математики, как теория множеств; его статьи в такой ; исключительной степени лишены разъяснений и примеров, в какой изобш ют формальными символизмами, иногда только что им изобретенными, и с кращенными формальными доказательствами. Его мнение менялось от сї тьи к статье, часто по таким фундаментальным вопросам, как вопрос о то можно ли построить удовлетворительную семантику, не обращаясь к прои денному Фреге различию между смыслом и денотацией. Проживи Монтег

* Протей — древнегреческое морское божество, в переносном смысле означает нечто неш тоянное и изменчивое. —Прим. пер.

50 Джон Пассмор. Современные философы

дольше и напиши он более длинные и не столь концентрированные работы, которые он обещал своим читателям (хотя это большой вопрос, были бы ли они когда-нибудь написаны), сомнительно, чтобы в них он больше считался с интересами читателей. Однажды он посвятил пять семинаров—так, по крайней мере, гласит предание — для разъяснения всего лишь двух страниц из одной своей статьи. «Именно таким образом, — сказал он впоследствии, — меня следует читать». Даже если это так, писать о нем в таком же масштабе — значит сильно преувеличивать его важность для современной философии. Его влияние, отнюдь не ничтожно малое, по самой своей природе распространялось на чрезвычайно узкий круг исследователей. Некоторые из его учеников, будь то лингвисты или логики, продолжили его работу. Но для большинства философов он был, почти в буквальном смысле, закрытой книгой.

Самое большое, на что можно разумно рассчитывать в кратком обзоре его идей, это описание его целей и средств, с помощью которых он старался их осуществить. Его значение для нашего повествования, оправдывающее использование его как своего рода отправной точки, заключается не в деталях его семантики, а в том факте, что он в необычной и удивительной манере служит воплощением связи, существующей ныне между лингвистами, логиками и философами языка. Именно эту связь такие его коллеги, как Барбара Парти, стремились представить более прочной, чем она есть на самом деле, полагая, что результаты Монтегю можно с пользой для дела соединить с трансформационными грамматиками, хотя сам Монтегю обычно почти с досадой пишет о Хомском и его последователях как о лишенных «компетентности, математической точности и ясности». (Последующие попытки продемонстрировать формальные соответствия между теориями Монтегю и теориями лингвистов принесли облегчение многим из тех, кого страшила перспектива оказаться вынужденным читать Монтегю.)

«Формальная философия» была, как я уже сказал, подходящим названием для собрания работ Монтегю; возможно, еще больше подошла бы «формализованная философия». В баталиях между философией обыденного языка и философией искусственного языка, которой отмечены послевоенные десятилетия, Монтегю не сомневался, какую позицию занять, — конечно, рядом с Тарским, с которым он когда-то совместно работал, и Кар-напом, которого он цитировал с неизменным восхищением. В этом вопросе он никогда не менял своей позиции.

По его мнению, нельзя ни заниматься философией, ни дать удовлетворительного описания семантики обыденного языка без использования формализованного искусственного языка. Как он заявляет в статье «О природе определенных философских сущностей» (1970), в которой его лингвистический анализ наиболее тесно увязан с традиционными философскими вопросами, например, вопросом о чувственных данных, он намерен отстаивать две позиции, которые часто считаются несовместимыми, а именно что «по-

Глава 3. От синтаксиса к семантике 51

пытки анализа обыденного английского языка представляют философский интерес» и что «обыденный английский язык не является адекватным средством выражения для философии».

Только по первому из этих двух пунктов он действительно отошел от своих постфреговских предшественников. Большинство более ранних последователей Фреге повседневный язык приводил в отчаяние содержащимися в нем непреодолимыми препятствиями для формализации. Поэтому Тар-ский заявлял, что всякий, кто попытается описать «семантику разговорного языка» с помощью «точных методов», вначале должен будет решить «неблагодарную задачу по преобразованию этого языка», и что этот преобразованный язык утратит поэтому свою «естественность», трансформируясь в процессе преобразования в искусственный язык.

Нетрудно понять эту позицию. Выражения искусственного языка можно строго распределить по категориям. Если «V₀» служит именем какой-либо переменной искусственного языка, то, согласно грамматике, оно может занимать только определенные положения в предложениях данного языка — так же, как в элементарной алгебре мы можем записать «6х», но не «х6». В отличие от них, слово «yellow» * иногда является существительным, иногда — прилагательным, а иногда — глаголом. Как в таком случае можно формальным образом охарактеризовать его синтаксическую роль? Кроме того, многие повседневные слова являются нечеткими или многозначными, или теми и другими одновременно. Какого роста должен быть человек, чтобы быть «высоким»? И почему мы не можем спрашивать о «росте» «высокой поэзии»? Если же принять допущение, что семантика имеет отношение к условиям истинности и выводимым следствиям, то еще более важным является тот факт, что форма разговорного языка часто наводит на мысль о том, что два выражения по своим следствиям строго совпадают друг с другом, тогда как на самом деле это не так. Приведем известный пример: предложение «Джонс является опытным философом» влечет — или, по крайней мере, мы обычно считаем, что влечет — предложение «Джонс является философом», но «Джонс является мнимым философом», естественно, нет.

В свете подобных фактов поначалу недоумеваешь, как мог Монтегю в своей статье «Английский как формальный язык» (1970) столь бескомпромиссно отрицать, полностью противореча своей прежней карнаповской позиции, что «существует какое-либо важное теоретическое различие между формальными и естественными языками». За двадцать лет до этого Алонзо Черч в своей работе «Необходимость абстрактных сущностей при семантическом анализе» (1951) после краткого обзора синтаксиса и семантики формализованных языков без всяких колебаний заявил, что не существует *принципиального* различия между такими языками и естественными языками; Черч даже составил несколько правил в этом духе для английского языка ⁶.

* Английское слово «yellow» имеет значения: желтизна, желтый, желтеть. — *Прим. пер.*

52 Джон Пассмор. Современные философы

Но, как он откровенно признал, он смог это сделать, только отбросив в сторону логически неправильные конструкции и двусмысленные слова. Формулировка правил для естественного языка, добавил он в манере Тарского, «есть в такой же степени вопрос законодательства, как и вопрос описания». Монтегю же, напротив, надеялся — хотя в его статьях, по его признанию, дана формализация только «фрагмента английского языка» — распространить те же самые принципы на английский язык в целом и сделать это как составитель описания, а не как законодатель.

Хомский и его последователи также намеревались разработать формальную теорию естественных языков. Однако Монтегю не согласен с ними в том, что синтаксическая теория является, в конечном счете, разделом психологии; на его взгляд, она есть раздел метаматематики, формальная теория формальной системы. Более того, он обвиняет их в неспособности признать, что «основной целью серьезной семантики и синтаксиса является построение теории истины» — или, в более узком смысле, «истины при произвольной интерпретации». (Ибо, согласно Монтегю, истинностное значение применимо к предложениям, только если последние интерпретированы определенным образом). Подчеркивание значения истины объединяет всех разработчиков постфрегевской семантики. Лингвистические дистинкции интересуют их не сами по себе, а только в той мере, в какой они имеют отношение к способности предложений утверждать истину и влечь за собой другие истинные предложения. Конкретные классы предложений — иногда таких неправдоподобных, как, например, «Джон желает найти единорога, с тем чтобы съесть его» — привлекают их внимание только потому, что поднимают вопросы о том, что следует из подобного предложения, может ли оно быть истинным в том случае, если единорогов не существует.

Отвергая психологию, Монтегю надеется, таким образом, построить для английского языка семантику, которая будет метаматематической по своему характеру. Если попытаться осуществить данный замысел в карнаповском духе, это повлечет за собой два следствия: английский язык необходимо представить в математизированном виде и для описания его нужно построить подходящий формальный язык. Монтегю пытается выполнить обе эти задачи. От Аристотеля до Куайна логики занимались «категориальным переструктурированием» (regimentation)

предложений обыденного языка для установления выводимых из них следствий. Для этой цели рассуждения, содержащие в качестве посылок повседневные предложения, получали «выражение в логической форме», для выявления которой использовалось очень небольшое число логических констант — «каждый», «по крайней мере один», «или», «и», «если...то...». Считалось, что следствия из этих предложений выводятся благодаря этим константам независимо от природы других содержащихся в этих предложениях выражений; остальные выводимые следствия, как мы видели, отбрасывались в сторону как чисто риторические.

Глава 3. От синтаксиса к семантике 53

В период после Рассела, как мы также видели, логики расширили ограниченный словарь расселовской формальной логики, применяя, в частности, дополнительные логические операторы — модальные, императивные, деонтические, временные и эпистемические⁷. Куайн, как главный сторонник категориального переструктурирования, выражал несогласие с этим, утверждая, к примеру, что модальная логика не допускает использования таких элементарных и важных логических операций, как квантификация и подстановка. (Как он указывал, из утверждения «9 необходимо больше 7» не будет правильным заключить, что «число планет необходимо больше 7», хотя число планет равняется 9.)⁸ Однако большинство логиков склонялись к выводу, что подобные возражения можно обойти, особенно когда Сол Крипке (наряду с другими) разработал семантику для модальной логики в лейбницеvском стиле, которая позволяла преодолеть — или, по крайней мере, так предполагалось — традиционные проблемы, связанные с интерпретацией модальных предложений типа «*x* необходимо есть *y*»⁹. («*x* необходимо есть *y*» трактуется как «*x* есть *y* в каждом возможном мире».)

Монтегю вначале был согласен с Куайном; ему нужна была чисто экстенциональная логика, не содержащая ссылок ни на что, кроме индивидов и множеств индивидов. Но, как многие логики его времени, он стал осознавать, что подобной логики будет недостаточно, если он возьмется за поиски способа транспонирования предложений естественного языка в форму, благодаря которой становились очевидными вытекающие из этих предложений следствия. (Хотя, как мы увидим, в определенном смысле теория множеств оставалась для него исходной.)

Эта процедура состояла из двух стадий. Прежде всего, выражения обыденного языка должны были быть распределены по категориям; это была синтаксическая задача. Здесь Монтегю опирается на модифицированную им категориальную логику Казимира Айдукевича («Синтаксическая связь», 1935), которая сама строилась на применении к синтаксису семантического анализа Лесьневского¹⁰. Этот синтаксический анализ как таковой представлял для Монтегю небольшой интерес. «Для меня синтаксис не составляет какого-либо большого интереса,—пишет он в «Универсальной грамматике» (1970),—только лишь как предварительное условие для семантики». Синтаксические признаки языка могут быть разнесены по категориям самыми разными способами; здесь важно лишь так описать их, чтобы это обеспечивало подходящую основу для семантики. Сходным образом, полагает он, способ задания синтаксических правил, которые определяют, как языковые выражения разных категорий могут быть грамматически правильным образом соединены друг с другом, сначала в выражения более общих категорий, а в конце концов — в грамматически правильные предложения, должен быть аналогичен формулировке семантических правил. Еще одно возражение Монтегю против Хомского состояло в том, что тот не учитывает необходимости такой постоян-

54 Джон Пассмор. Современные философы

ной сверки синтаксического анализа с потребностями семантики.

Следствием этого семантически ориентированного подхода явилось то, что категоризации Монтегю для «фрагмента английского языка» действительно покажутся очень странными любому, кто воспитывался на обычных категориях грамматики. Но в то же самое время они никоим образом не совпадают с ограниченными категориями «классической логики», включающими переменные, константы, скобки и кванторы. Возьмем, к примеру, список категорий для фрагмента английского языка, предлагаемый Монтегю в его работе «Квантификация в обыденном

английском языке» (1973). В нем мы найдем таких известных грамматических знакомцев, как обороты с общими существительными и обороты с переходными глаголами, но вместе с тем в него входят и такие необычные для грамматики категории, как «глагольные обороты, требующие после себя предложение», к которым относятся, к примеру, «считать, что» и «утверждать, что», и «модифицирующие предложение наречия», к которым относится, к примеру, выражение «необходимо». Более ранний список, предложенный в работе «Английский как формальный язык», был несколько иным; там оборот «считать, что» принадлежал к той же самой категории или, если говорить точнее, «имел тот же самый индекс», что и «необходимо» (каждой категории в системе Монтегю присваивается индекс).

Это изменение относится скорее к деталям, однако оно служит иллюстрацией предложенных Монтегю процедур. Все новые и новые «сложные случаи» привлекали его внимание; чтобы справиться с ними, ему приходилось проводить различия по-другому. Если бы кто-нибудь спросил Монтегю, какое обоснование он может дать своим категоризациям, он ответил бы отнюдь не как грамматик. Он сказал бы, что благодаря им возможен синтаксический анализ предложения, позволяющий дать этому предложению такую семантическую интерпретацию, которая исключала бы выведение из него неприемлемых следствий. Он всегда имел в уме какие-то конкретные затруднения, будь то поставленные Фреге классические проблемы о тождестве Утренней звезды и Вечерней звезды (как оно может быть одновременно строгим и установленным эмпирически?) или проблема, поднятая Парти в отношении того, почему из предложения «температура поднимается» и «температура равна девяноста градусам» не следует «девяносто градусов поднимаются». По сути, в последнее время семантика в основном занималась устранением подобных «монстров».

Как следует осуществлять переход от синтаксиса к семантике? Путем «отображения», отвечает Монтегю, категорий, выявленных при синтаксическом анализе английского языка, на типы выражений, имеющих в интенциональной логике, т.е. логике, которая допускает ссылки на понятия, высказывания и модальности. При таком отображении английские выражения определенной категории точно переводятся в выражения определенного типа в интенс-

Глава 3. От синтаксиса к семантике 55

опальной логике. (Хотя это не одно-однозначное отношение; английские выражения иногда являются семантически неоднозначными, так что нам, возможно, придется указывать, что их переводом является либо ... либо ...) Конечно, классическое категориальное переструктурирование, скажем, высказывания «Все люди смертны» в высказывание вида «Для каждого x , если x есть человек, то x смертен», также переводило английские выражения в логическую форму. Но, как утверждает Монтегю, во-первых, такой перевод был неформальным, он не проводился согласно строгим правилам, а, во-вторых, логическая форма, в которую переводились английские выражения в ходе категориального переструктурирования в классической логике, была слишком скудной, чтобы служить целям надлежащего различения семантически разных выражений — чтобы, возвращаясь к более раннему примеру, позволить различить выражения «мнимый философ» и «опытный философ».

На Монтегю большое впечатление произвела не только семантика «возможных миров» Крипке и Дэвида Льюиса, которую мы более подробно рассмотрим ниже, но и временная логика Артура Прайора и особый вариант прагматической логики, разработанный И.Бар-Хиллелем. Классическая логика не только стремилась перевести все предложения в предложения об индивидах и множествах индивидов, но и не использовала никакого времени, кроме вневременного настоящего, как, например в предложении «Сократ смертен», где не содержится никакого специального указания на настоящий момент. Прайора, напротив, интересовали выводы, зависящие от временных различий, как, например, «Идет дождь, поэтому нам будет нужен зонт», где для выведения заключения существенен тот факт, что дождь идет *сейчас*. Важная особенность таких предложений, как «Идет дождь» (если не преобразовывать их в стиле Куайна, переводя в предложения вроде «Дождь идет в 11.20 дня 13 декабря 1984 г.»), состоит в том, что они могут быть истинными при одних обстоятельствах и неистинными при других. Очевидно, что то же самое можно сказать и о таких выражениях, как «Он некомпетентен». Это может быть истинным, когда говорится о Джонсе, и неистинным, когда говорится о Смите.

Когда Чарльз Моррис ввел различие между «синтактикой», «семантикой» и «прагматикой», последняя должна была иметь дело с конкретным употреблением знаков отдельными людьми. Позже такие философы, как Карнап, отнесли ее, как и многое другое, в ведение психологии. Монтегю же воспользовался предложением Бар-Хиллела, согласно которому прагматику можно разрабатывать формальным и систематическим образом, если ограничиться рассмотрением того, что Пирс называл «индексальными выражениями», а Рассел — «эгоцентрическими конкретными сущностями», то есть если ограничиться рассмотрением таких слов, как «он», «и», «это»¹. В работе «Прагматика и интенциональная логика» (1970) Монтегю представил расширенную прагматику, которая «в каком-то смысле» является разделом интенциональной логики. Разумеется, только «в каком-то смысле». В интенциональной логике,

56 Джон Пассмор. Современные философы

включающей в себя такие модальные операторы, как «необходимо», истинность трактуется как истинность в некотором возможном мире (при этом действительный мир считается одним из возможных) или в нескольких таких мирах; в прагматической же логике истинность — это истинность при конкретных условиях употребления. (Однако в обоих случаях истинность зависит от определенной интерпретации рассматриваемого предложения.) Общим для той и другой логики является то, что истинность должна быть «индексирована»: это истинность при определенной интерпретации, в конкретном мире — иначе говоря, это истинность в конкретное время и в конкретном месте.

Итак, теперь Монтегю подходит к формулировке языка, в который можно перевести предложения повседневного языка, как только синтаксическим анализом установлена их грамматическая правильность, причем перевести таким образом, чтобы стали очевидными их условия истинности и были разрешены допустимые выводы и запрещены недопустимые. (Хотя его трактовка их допустимости не всегда совпадает с нашими интуициями.) На вопрос, что служит источником этой интенциональной логики, Монтегю отвечает в статье «О природе определенных философских сущностей» (в которой он впервые заявляет о своем переходе, после «пятнадцати лет догматизма», к интенциональной логике), что в теории множеств можно «обосновать» язык или теорию, «выходящую за рамки» теории множеств, и «затем заняться разработкой нового раздела философии в рамках этой теории». В «Универсальной грамматике» (1970), впервые представленной в 1969 г., т.е. два года спустя после выхода «Философских сущностей», Монтегю дает «обоснование» как интенциональной логике, так и фрагменту английского языка в этом более широком контексте. Именно в этом отношении теория множеств является «исходной».

По мере продвижения работы Монтегю втягивался во все большие и большие новшества — новшества, так сказать, с точки зрения классической логики, хотя в истории мысли у него часто бывали предшественники. Так, и в традиционной, и в классической логике проводится четкое различие между такими кванторами, как «все» или «некоторые», и обычными прилагательными, тогда как Монтегю утверждает, что и те, и другие, наряду с определенным артиклем ('the'), следует считать составными частями именных словосочетаний. Это означает, что он стоит ближе не к привычному в логике анализу, а к традиционному грамматическому подходу, согласно которому «все люди» является именным словосочетанием, служащим подлежащим для таких сказуемых, как «смертны». На более глубоком эпистемологическом уровне обычные, как мы считаем, единичные имена, а наряду с ними и квантифицируемые общие имена, оказываются, при соответствующем переводе, выражениями, обозначающими множества свойств единичных понятий. По мнению Монтегю, эти новшества

Глава 3. От синтаксиса к семантике 57

существенны, если нам приходится напрямую, без околичностей и парафраз, описывать запутанные случаи, которые искусно формулируют такие лингвисты, как Парти, не говоря уже о более известных семантических затруднениях. Кто-то сочтет, что за это заплачена слишком высокая цена, но никто не может сомневаться в сократовской готовности Монтегю «последовать за доказательством туда, куда оно поведет».

Хотя в своем семантическом анализе Монтегю усиленно использует «возможные миры», далеко не ясно — даже его ученики не знают наверняка, — считает ли он их просто техническим приемом или же принимает в связи с ними некоторые онтологические обязательства. С их помощью он объясняет, к примеру, следующее: мы утверждаем, что Скотт и автор «Веверлея» тождественны, и вместе с тем мы знаем, что это может быть кому-то неизвестно. Если рассматриваемое тождество является строгим, это незнание трудно понять. Ибо из строгого тождества следовало бы, что все свойства Скотта и автора «Веверлея» являются общими. Поскольку нет ничего, что отличало бы Скотта от автора «Веверлея», то вполне естественно спросить, как кто-то мог бы не знать или даже отрицать, что Скотт — это автор «Веверлея»? И все же кто-то не знает этого. Ответ Монтегю таков: хотя в нашем *действительном* мире Скотт и автор «Веверлея» *действительно* тождественны, можно без труда придумать возможный мир, в котором они не тождественны и в котором, скажем, Мария Эджворт, написала «Веверлея», а Скотт лишь разыгрывал из себя автора. Напротив, строгое тождество — это тождество во всех возможных мирах; если взять самый бесспорный пример, то не существует возможного мира, в котором Скотт не был бы Скоттом. Стало быть, кто-то может сомневаться в том, является ли (в некотором мире) Скотт автором «Веверлея», хотя он не может сомневаться в том, является ли Скотт Скоттом. Налагал ли на Монтегю предлагаемый им анализ обязательство считать, что в каком-то смысле возможные миры «действительно существуют», даже если его самого такой вывод не устраивал, или же он все-таки был волен видеть в них «лишь оборот речи», подобный фразе «Да поможет нам Бог» в устах атеиста, — этот вопрос, как выяснилось, очень спорный.

Дэвид Льюис с восхищением относился к Монтегю и посвятил его памяти свою вызвавшую наибольшие разногласия книгу «Контрфактические высказывания» (1973). Восхищение было взаимным. Льюис оказал немалое влияние на Монтегю наряду, как мы уже видели, с Солом Крипке. Взаимодействие между философами — в данном случае значительно более старший Монтегю был выведен из своего догматического сна более молодыми людьми — составляет отличительную черту современной философии. Однако, что касается Льюиса, то его метафизическая позиция совершенно очевидна. Он является наиболее стойким защитником той точки зрения, что рассуждения о «возможных мирах» нельзя свести к простому обороту речи, применяемому для того, чтобы было легче использовать технический семантический прием

58 Джон Пассмор. Современные философы

Однако было бы неправильно видеть в Льюисе просто приверженца метафизических чудищ, как считают его критики. Он писал по широкому кругу философских тем. В частности, он внес свой вклад в продолжающуюся дискуссию о правильном подходе к семантике. В процессе участия в этой дискуссии он разработал теорию «конвенций», которая привлекла к себе широкое внимание как внутри, так и за пределами философии.

Лучше всего начать знакомство с его идеями со статьи, которую он написал для сборника, посвященного Хомскому, и которая озаглавлена «Языки, язык и грамматика» (1974). Конечно, многие из развиваемых им там идей уже изложены в более полном виде в работах «Конвенция» (1969) и «Общая семантика» (*Synthese*, 1970). Однако в этой более поздней статье они не только несколько изменены, но и состыкованы таким образом, что это поможет нам подытожить наше обсуждение семантики. Ибо эта статья во многих отношениях представляет собой «высший синтез» — по сути, он и излагает ее в такой форме.

Существует, как отмечал Соссюр, два подхода к языку. Согласно первому подходу, как он представлен в «Общей семантике» Льюиса, язык присваивает значения последовательностям значков и звуков, и здесь встает вопрос о том, в чем состоит такое присваивание. Оно должно быть таковым, чтобы при наличии данных о действительном или возможном мире мы могли бы судить об истинности или ложности предложения. (Так, при имеющейся информации о действительном мире мы можем счесть истинным предложение «Уткиносы кладут яйца», а при имеющейся информации о некотором возможном мире мы можем счесть ложным предложение «Прими он свои пилюли, он чувствовал бы себя лучше».) Поэтому осмысленное предложение имеет значение благодаря тому, что оно содержит утверждения о некотором мире, которые — разнообразными приемами Льюис уподобляет вопросы и императивы утверждениям — позволяют

нам судить о его истинности или ложности в соответствующем языке, т.е. является ли оно истинным или ложным в некотором конкретном мире, или истинным во всех возможных мирах (аналитически истинным), или ложным во всех возможных мирах.

Но мы можем также, открыто признает Льюис, трактовать язык в грай-совской манере, рассматривая, как его используют члены некоторого конкретного сообщества в целях изменения убеждений, мнений и привычек своих коллег по данному сообществу. Именно в этом контексте Льюис отстаивает ту точку зрения, что использовать какой-то конкретный язык значит подчиняться конвенциям. Куайн возражал на это, что для установления любой такой конвенции уже необходимо иметь язык. Язык, по его мнению, состоит из регул яркостей. И точка.

Разумеется, Льюис вовсе не отрицает, что говорить на каком-то языке — значит регулярно вести себя определенным образом, регулярно использовать определенную грамматику, определенный словарный запас и т.п. Не

Глава 3. От синтаксиса к семантике 59

утверждает он и того, что решение о таких действиях принимается на некотором собрании, где при отсутствии языка все приходят к выводу, что неплохо было бы иметь язык с такой-то грамматикой и таким-то словарным запасом. Группа энтузиастов, выступающих за создание международного языка, могла бы поступить именно так, но только потому, что у них уже есть языки, на которых они могут общаться друг с другом. Конвенции, как правило, не устанавливаются на собраниях.

Если конвенция представляет собой регулярность, то, утверждает Льюис, регулярность особого рода. «Конвенции, — пишет он, — это регулярности в поведении или в поведении и мнении, которые являются произвольными, но закрепляются вследствие того, что служат некоторому общему интересу». Если они являются конвенцией, а не сознательным рациональным приемом, то только благодаря тому, что развиваются из прежде существовавших регулярностей, и по этой причине с ними соотнобразуются; будь регулярность иной, было бы столь же разумно соотнобразовываться и с ней.

Подобно многим другим современным исследователям семантики, Льюис для защиты своей позиции прибегает к «теории игр». Употребление языка он уподобляет одной из тех игр, в которых игроки, чтобы одержать победу, должны согласовывать свои усилия. (Романистка «Ouida» как-то, описывая гребные гонки между восьмерками, заметила, что «все гребли быстро, но не одним взмахом». Она не понимала, что одержать победу в таких гонках можно только в результате, как говорил Витгенштейн, «молчаливых согласований».) О некотором сообществе можно сказать, что оно приняло конвенцию держаться при движении левой стороны, если — здесь мы существенно упрощаем Льюиса — почти все держатся левой стороны, зная, что это конвенция, и ожидая, что все остальные тоже это знают и следуют установленному порядку, но все предпочли бы держаться правой стороны, если бы обнаружили, что почти все остальные так и делают, — именно поэтому правило держаться при движении левой стороны является «просто конвенцией». (В отличие, скажем, от посещения церкви, которую некоторые люди предпочли бы посещать, даже если другие этого не делают.)

Мы знаем, почему люди подчиняются правилам дорожного движения, которые, безусловно, могли бы проистекать из конкретного соглашения, но все же являются конвенцией, а не просто регулярностью, даже если они сложились в результате «привившейся» привычки. Делается это ради того, чтобы избежать столкновений. Точно так же мы принимаем конвенции относительно языка, поскольку альтернативой этому будет мир, в котором мы не могли бы больше «сохранять нашу способность в известной мере контролировать с помощью значков и звуков мнения и поступки других людей и пользоваться ее преимуществами». Однако способность использовать таким образом какой-то конкретный язык, утверждает Льюис, зависит также от принятия носителями этого языка конвенции о «правдивости и доверии». Мы ожидаем от своих коллег по языковому сообществу,

60 Джон Пассмор. Современные философы

что они говорят по большей части правду и верят в то, что и мы так делаем. Только благодаря этой конвенции наш язык позволяет нам согласовывать наши усилия. Если бы люди регулярно лгали — конечно, не столь регулярно, чтобы всегда было истинным нечто противоположное тому, что они говорят, — и от нас ожидали того же, язык не имел бы смысла¹².

Для Льюиса, таким образом, полная теория языка должна дать ответы как на вопросы, поставленные Монтегю, так и на вопросы, поставленные Грайсом, или, по крайней мере, на эти вопросы при их правильной формулировке. И как быть с вопросами, поставленными Хомским? Льюис не разделяет многих проблем и интересов Хомского. Однако он предлагает набросок «универсальной грамматики», которая будет содержать в качестве частных случаев как правила, устанавливаемые логиками в отношении изучаемых ими искусственных языков, так и трансформационные грамматики Хомского и Каца в том виде, как они были сформулированы в 1965-1966 гг. Характерно, однако, что его не удовлетворяет, когда речь заходит об интерпретациях, то, что он, как мы уже отмечали, называет «маркересом» Каца. Это ведет к созданию теории, возражает Льюис, которая «оставляет без внимания такие центральные семантические понятия, как истина и референция». Для преодоления этого недостатка он призывает Монтегю — хотя правильно указывает в качестве источника данного подхода такого пользующегося все более возрастающим влиянием мыслителя, как Карнап, — разработать теорию интерпретации, которая не только в традиционной постфрегевской манере «определяет истинностные значения для предложения», но и делает это «во всех возможных мирах, а не только в том мире, которому случилось быть действительным». (В случае модальных операторов определение должно содержать ссылку на «множества множеств возможных миров».) Как явствует из других его трудов, эти «возможные миры» следует понимать буквально.

Я уже отмечал, как велико сейчас взаимовлияние между философами в ходе их полемики друг с другом. Поэтому, рассматривая семантику возможных миров и особенно ту область, где она наиболее применима (имеются в виду условные высказывания), я попытаюсь описать спор по этим вопросам между наиболее заметными его участниками, а именно Льюисом, Нельсоном Гудменом и Робертом Столнейкером. Все трое, подобно многим другим философам, рассматриваемым в этой главе, являются американцами. Завершу описание этого спора я рассмотрением тех метафизических следствий, которые выводит из семантики «возможных миров» еще один американец—Сол Крип-ке, внесший столь большой вклад в ее возрождение. В результате последовательное изложение взглядов Льюиса окажется надолго прерванным. Однако я надеюсь, что сейчас—да и в последующем, когда я буду прибегать к подобной тактике, — пункты разногласий окажутся более четко обозначенными.

Вначале следует спросить: к чему весь этот разговор о возможных мирах? Почему бы не разработать теорию, содержащую ссылки только на наш

Глава 3. От синтаксиса к семантике 61

действительный повседневный мир? Как заявляют приверженцы «возможных миров», дело в том, что мы постоянно, осознаем мы это или нет, ссылаемся в своих повседневных занятиях на возможные миры. В своих высказываниях мы не ограничиваемся предложениями вроде «Книга лежит на столе». Мы высказываем сожаления, строим предположения, оцениваем шансы, используя такие утверждения, как «Послушай я его совета, мне было бы сейчас лучше», «Если бы мне пришлось последовать этому совету, я бы скучал», «Последуй я этому совету, скорей всего я бы потерпел неудачу». Ученые также стремятся открывать законы, которые обосновывают выводы о том, что *произошло бы*, если *бы* то-то и то-то *было* сделано; они используют «диспозициональные предикаты», которые расшифровываются как «было бы ... если бы ...», где после «если бы» следует то, что может никогда не произойти. (Золото растворимо в *aqua regia* *, но очень небольшое количество золота постигает такая судьба.) Они говорят о вероятностях, которые сейчас философы часто определяют или в терминах «склонностей», или в терминах оценок того, на что кто-то *был бы* готов заключить пари. Стало быть, имеется в изобилии

осмысленных утверждений, которые, на первый взгляд, говорят о возможностях, а не о действительном положении дел, и которые мы, тем не менее, считаем истинными.

Вместе с тем нет недостатка и в тех, кто готов утверждать, что предложения о возможностях можно переформулировать как утверждения о действительном положении дел. Нельсон Гудмен считает «неприемлемыми без объяснения» все «способности или предрасположенности, контрфактические высказывания, возможные, а не действительные сущности или чувственные переживания». А требуемое им «объяснение» предполагает ссылку на действительное: «Все возможные миры заключены в действительном мире»¹³. Его усилия обосновать эту позицию в работе «Факт, вымысел и предсказание» (1954) были непростыми, и он честно пишет об этом. В итоге, после критического разбора множества альтернатив, он полагается на понятие «экстраполяция». Его идею можно сформулировать так: назовем не-диспозициональное свойство, скажем «согнутый», «явным свойством», а предикат «гибкий» будем считать «экстраполяцией» этого свойства на случаи, когда нечто не является в действительности «согнутым», но становится таковым при соответствующих обстоятельствах; далее, эта экстраполяция оправдана в том случае, когда свойство «согнутый» связано законами с другими «явными свойствами», которыми также обладают предметы, описываемые нами как «гибкие», например, их связывает закон, устанавливающий, что вещи гнутся только тогда, когда имеют структуру типа *x*. Сходным образом контрфактическое условное высказывание является «экстраполяцией» нашего знания законоподобных связей. Стало быть (воспользуемся здесь наиболее убедительным примером), высказывание «Если бы я

* Царская водка (лат.). — Прим. пер.

62 Джон Пассмор. Современные философы

положил это золотое кольцо в *aqua regia*, то оно бы растворилось» представляет собой «экстраполяцию» моего знания того, что когда золото помещают в *aqua regia*, оно *действительно* растворяется.

Этот анализ — а Гудмен признает, что есть контрфактические высказывания, к которым он, видимо, неприменим, — поднимает очень известную проблему. Ясно, что не всякое обобщение служит подтверждением какого-либо контрфактического высказывания. Обобщение «После каждой войны цивилизация в конце концов восстанавливается» не подтверждает контрфактическое высказывание «Если бы случилась ядерная война, то цивилизация в конечном счете восстановилась бы». В чем же состоит различие? Гудмен не может воспользоваться ответом, который дал Нил, а именно что законоподобное высказывание отличается от других обобщений тем, что оправдывает контрфактические высказывания. — Его-то как раз и интересует, почему одни высказывания подтверждают контрфактические высказывания, а другие нет. Поэтому он неизбежно оказывается перед пресловутой «проблемой индукции».

Столкнувшись с этой проблемой, Гудмен предлагает пример, который породил даже больше дискуссий, чем пример Геттьера. Допустим, что все изумруды, наблюдаемые до момента времени *i*, являются зелеными. Это обычно считается подтверждением той гипотезы, что *все* изумруды являются зелеными, — здесь имеет место экстраполяция на ненаблюдаемые случаи. Однако рассмотрим более сложный предикат «зелубой». Он применяется ко всем зеленым вещам, если мы видели их до времени *i*, а в противном случае — ко всем голубым вещам. Поэтому в момент времени *t* мы наряду с каждым высказыванием, утверждающим, что какой-то изумруд является зеленым, располагаем параллельным ему высказыванием о том, что этот изумруд является зелубым, и каждое из этих высказываний подтверждает ту гипотезу, что все изумруды являются зелубыми. Однако после времени *t* какой-то изумруд мог бы быть зелубым, если бы он был голубым, но это не так. Почему же на основе одинаковых подтверждающих данных мы можем осуществлять экстраполяцию зеленого, но не зелубого?

Гудмен считал, что он может ответить на этот вопрос. Говоря обобщенно, слово «зеленый» лучше «укоренилось», нежели слово «зелубой», в том смысле, что в прошлом его «экстраполяции» часто

бывали успешными. Но мы не будем углубляться в то, как Гудмен старательно защищает эту свою позицию от наиболее очевидных возражений, например от того возражения, что она чрезмерно консервативна. Ибо в итоге своей способностью заострять внимание на проблеме Гудмен добился лишь того, что отбил у других охоту следовать его путем.

Конечно, предлагались и иные способы обоснования той точки зрения, что контрфактические высказывания, диспозиционные термины и тому подобное не обязывают нас принять «возможные миры». Австралийский

Глава 3. От синтаксиса к семантике 63

философ Джон Мэкки, например, утверждал, что условные высказывания не являются, строго говоря, истинными или ложными. Они утверждают кон-секвент только «в области действия» определенной «суппозиции», и это было развитием его прежней идеи о том, что условное высказывание — это сокращенное рассуждение, а не утверждение¹⁴. Льюиса совершенно не убедили все эти попытки истолковать любое условное высказывание как говорящее о действительном. Ему представлялось очевидным, что гипотетические высказывания определенного класса, а именно те, где предложение, начинающееся с «если» (например «если бы я был миллионером», когда оно произносится Джоном Пассмором), не соответствует действительности, могут относиться только к событиям в возможных мирах. (Для Льюиса мир, обычно именуемый нами действительным, — это лишь мир, в котором мы сами живем и который, следовательно, говоря словами Юма, мы «считаем нужным величать реальностью».) Чтобы понять подход Льюиса, мы вновь на время отвлечемся от него и обратимся к «Теории условных высказываний» (1968) Роберта Столнейкера.

Столнейкер начинает с рассмотрения предложенных Рамсеем обстоятельств, при которых мы имеем основания принимать гипотетическое высказывание. Однако от вопросов о мнениях он сразу же переходит — что очень характерно для современной англо-американской философии — к рассмотрению условий истинности для гипотетических утверждений. Если, согласно предложенному Рамсеем подходу, чтобы установить, принимать нам условное высказывание или нет, мы должны добавить его антецедент к уже имеющейся у нас совокупности мнений и посмотреть, является ли при этом истинным консеквент, то Столнейкер превращает «уже имеющуюся совокупность мнений» Рамсея в «действительный мир», а «уже имеющуюся совокупность мнений» *вместе с антецедентом* — в «возможный мир», т.е. в мир, в котором антецедент истинен «и который в других отношениях минимально отличается от действительного мира». (Опять же характерно, что он проделывает эту процедуру по той причине, что это позволяет ему приспособить под свои цели семантику Крипке для модальных высказываний.) Поэтому «Если бы я последовал его совету, моя жизнь была бы более счастливой» истинно, если и только если моя жизнь была бы счастливее в мире, в котором я действительно последовал его совету, но который в других отношениях минимально отличается от действительного мира.

Очевидно, неправильно утверждать, что это высказывание следует считать истинным даже тогда, когда, последовав указанному совету, я был бы счастлив, но только в том случае, если бы реализовались другие обстоятельства во всем их разнообразии. (При условии, например, что не разразилась бы война, что я не потерял бы работы, не встретил бы Уильяма и т.д.) Однако, с другой стороны, нельзя утверждать, что это высказывание истинно только в мире, который ни в чем не отличается от существующего мира за исклю-

64 Джон Пассмор. Современные философы

чением того, что я последовал указанному совету и был счастлив. Ибо, чтобы отличаться в этом, указанный мир должен был бы отличаться и в других отношениях. Мое счастье не может не иметь последствий; последовать чьему-либо совету — значит не сделать того, что я в действительности сделал, и т.д. Поэтому мы вынуждены признать — как бы это ни увеличило наши трудности, — что данный возможный мир «минимально» отличается от действительного мира. Пытаясь решить сходную проблему, Рамсей признавал, что человеку, возможно, потребовалось бы

«откорректировать» уже имеющуюся у него совокупность мнений, чтобы включить в нее добавляемый им антецедент. Ибо иначе в них может закрасться противоречие.

В отличие от Столнейкера, Льюис не предлагает общую теорию условных высказываний. Он озаглавливает свою книгу «Контрфактические высказывания» и начинает с утверждения о том, что хотя контрфактические высказывания выглядят как строгие условные высказывания, их нельзя уподоблять им. Тем не менее в своих общих чертах его теория очень напоминает теорию Столнейкера, хотя он излагает ее в геометрических терминах, представляя возможные миры в виде вложенных друг в друга сфер. Однако Столнейкер вызывает у него возражение в двух моментах. Во-первых, Столнейкер допускает, что какой-то мир можно охарактеризовать как *самый* близкий, как находящийся на кратчайшем возможном расстоянии от альтернативного ему мира, скажем от действительного мира. Льюис это отрицает. Для мира, содержащего отрезок длиной в дюйм, не существует никакого ближайшего мира. Во-вторых, согласно Льюису, Столнейкер не дает удовлетворительного объяснения тому большому классу контрфактических условных высказываний, в которых консеквент содержит слово «мог бы», а не «был бы», например: «Я мог бы быть счастливее, если бы».

Мы не будем рассматривать последующее обсуждение, вызванное попыткой Столнейкера ответить на эти возражения¹⁵. Возвратимся вновь к льюисовской «реалистической» интерпретации «возможных миров». Как правило, предполагалось, что переход Столнейкера от рассуждений о рам-сеевских совокупностях мнений к рассуждению о возможных мирах не означал изменения в метафизике; в конечном счете и тот и другой говорили о множествах высказываний. Поэтому стало сенсацией, когда Льюис написал: «Я подчеркиваю, что никоим образом не отождествляю возможные миры с почтенными лингвистическими сущностями: я считаю их самостоятельными почтенными сущностями. Когда я заявляю о реализме в отношении возможных миров, я хочу, чтобы меня понимали буквально».

Естественно, кто-то возразит. Допустим, я утверждаю, что, если бы Джонс был богат, он пил бы на завтрак шампанское. На первый взгляд, это предложение говорит о Джонсе, существующем здесь, в нашем действительном мире. Как может Джонс находиться также и в возможном мире? Здесь возникает проблема «трансмирового отождествления», которой особо важное значе-

Глава 3. От синтаксиса к семантике 65

ние придавал Куайн. Ответ Льюиса состоит в том, что, хотя Джонс может существовать только в одном мире, он имеет «двойников» в возможных мирах, которые минимально отличаются от мира Джонса, и, если рассматриваемое условное высказывание истинно, то ни об одном из этих двойников нельзя сказать, что он является богатым и не пьет шампанского на завтрак. Эти двойники имеют «достаточно близкое» сходство с Джонсом в «важных аспектах — по своим внутренним качествам и внешним отношениям», и их сходство с ним является «не менее близким, чем сходство между другими вещами, существующими там». Именно этот прием Льюис уже использовал при анализе модальностей *de re*, когда проводил различие между свойствами, которыми предмет *должен* обладать, чтобы быть тем, что он есть, и свойствами, которыми он обладает случайно. По мнению Льюиса, свойства, которыми Джонс должен обладать, будут иметь и все его двойники — в отличие от свойств, которые будут иметь только один или несколько двойников. (Так, Джонс мог бы быть богатым, но не мог бы быть красивым, не перестав при этом быть Джонсом.)¹⁶

Сол Крипке ничего этого не принимает¹⁷. Бесспорно, он первым стал использовать «возможные миры» в семантике, что и принесло ему известность. Тем не менее в предисловии к книге «Именование и необходимость» (1980), которая вначале была опубликована как большая статья, он полностью отвергает льюисовскую «реалистическую» интерпретацию «возможных миров». Но это еще не все — он отбрасывает в сторону, как псевдопроблему, поставленный Куайном вопрос о трансмировом тождестве, который и побудил Льюиса предложить свое «решение». (Крипке допускает, как мы увидим далее, «трансмировое тождество» в ином смысле.) Не удовлетворяет его и отношение к «возможным мирам» как к простому техническому приему.

Рассмотрим, говорит он, две обычные игральные кости. Представим, что в какой-то момент мы бросаем их и одна из них падает шестеркой вверх, а другая — пятеркой. Мы можем охарактеризовать этот действительный результат как один из «возможных» при бросании костей. Каждый такой возможный расклад при игре в кости, по мнению Крипке, можно представить как миниатюрный «возможный мир». Однако, окажется результат иным, в нем все равно участвовали бы те же самые кости, а не их «двойники»; стало быть, никакой проблемы «трансмирового тождества» в случае игровых костей не существует.

Это, признает Крипке, необычайно простой пример. Как правило, высказывая контрфактические суждения, мы теоретически учитываем не только две игральные кости, но и то, каким бы мог быть весь мир в целом, хотя на деле мы ставим себе более узкие рамки, принимая во внимание лишь значимые, по нашему мнению, факторы. Однако сложность этих случаев никогда не должна закрывать от нас тот факт — столь очевидный в случае игровых костей, — что «возможные миры» представляют собой абстракт-

66 Джон Пассмор. Современные философы

тные состояния действительного мира. По сути, повседневно используемые выражения (например «возможно, что») часто яснее показывают, что имеют в виду, когда говорят о «возможных мирах». (Куайн иронично заметил: возможные миры были введены для объяснения модальности; когда же теперь мы задаемся вопросом, что же они такое, мы обращаемся в поисках объяснения к модальным высказываниям.)

Крипке намерен решить четыре тесно связанные между собой задачи: во-первых, провести различие между априорным и необходимым; во-вторых, разработать теорию имен собственных; в-третьих, выдвинуть доводы в пользу необходимости *de re*, т.е. показать — вопреки точке зрения Карна-па, считавшего необходимость относящейся только к утверждениям, — что *вещи* с необходимостью обладают некоторыми из своих свойств; и, в-четвертых, опровергнуть понятие случайного тождества. При имеющихся у Крипке способностях к формальному анализу мы вправе ожидать, что эти вопросы будут рассмотрены им во всеоружии логических средств. Но это не так: книга «Именованное и необходимость» представляет собой несколько лекций, прочитанных в неформальной манере. (Попытайся он разработать законченную теорию, говорит он нам в своей книге, он наверняка поступил бы неправильно, как и все его предшественники.) Трудности в понимании его часто возникают из-за этой его неформальной манеры, из-за того, что он не хочет связывать себя строгими формулировками.

Почему же такое неформальное изложение? В конце своей более поздней, очень специальной, статьи Крипке предлагает что-то вроде мирской проповеди, направленной против тех философов, которые, при всей их технической изобретательности, не способны «удерживать в уме основные концептуальные различия»; они формулируют технические критерии, чтобы только не использовать неприятные им философские подходы, видимо, полагая порой, что «любой технический критерий, каким бы неопределенным ни было его обоснование, лучше простого (!) философского аргумента». Он убеждает философов «сохранять должный скептицизм в отношении тех, кто пытается легко расправиться с лингвистическими и иными эмпирическими вопросами с помощью поспешных априорных формальных соображений», а также призывает их усвоить «лучшее представление как о возможностях, так и о границах формальных и математических методов». Очевидно, он считает, что иногда правильным подходом является изложение неспециальным языком, хотя наиболее точные формальные рассуждения необходимы тогда, когда рассматриваемый вопрос является строго логической проблемой¹⁸.

Обратимся теперь к перечисленным четырем вопросам. Человек, говорит Крипке, знает что-то априорно, когда он получает это знание независимым от опыта способом. Напротив, «необходимость» — это логическое понятие: утверждать, что высказывание является необходимо истинным, значит отрицательно ответить на вопрос: «Могло бы это высказывание быть

Глава 3. От синтаксиса к семантике 67

ложным?» Предложение «Это число — простое» является необходимой истиной независимо оттого, определили ли мы его истинность априорно или считаем так, потому что кто-то сказал нам это, или же мы установили это с помощью компьютера. Тот лишь факт, что мы узнали о чем-то из опыта, сам по себе не доказывает, заключает Крипке, что это наше знание не является необходимо истинным. Различие между эпистемологически априорным и логически необходимым, по мнению Крипке, имеет основополагающее значение.

Теперь рассмотрим второй вопрос, касающийся имен собственных ¹⁹. Крипке различает три «исторически сложившиеся» точки зрения в этом вопросе, хотя то, кому он их приписывает, часто оспаривается. Сам он отстаивает «миллевскую» точку зрения, согласно которой имя собственное что-то обозначает, но не несет с собой никакого описания обозначаемого им объекта. (С этой точки зрения, мы можем знать, что кого-то зовут Джонс, не зная о нем ничего другого.) Согласно второй, «фрегеовско-русселловской», точки зрения, имя собственное представляет собой сокращенную дескрипцию — скажем, Аристотель является сокращением для «учитель Александра». Здесь возникает та очевидная трудность, что, если бы когда-нибудь ученые открыли, что учителем Александра был Ксенократ, а не Аристотель, мы не сделали бы отсюда вывода, что Аристотель не существовал, что это имя не имеет референта. Сторонники третьей, «виггенштейновско-серлевской», позиции пытаются обойти эту трудность; для них «референт имени определяется не одной-единственной дескрипцией, а некоторым их пучком или семьей». Наше мнение в том, что Вильгельм Телль не существовал, основывается на том, что недостаточное количество этих дескрипций имеет силу, а стало быть, их недостаточно и для того, чтобы установить наличие у этого имени референта.

Возражение Крипке против двух последних позиций, по существу, строится по одной и той же форме. Допустим, мы говорим: «Аристотель очень любил собак». Понимать это высказывание, утверждает Крипке, значит представлять себе как условия, при которых оно действительно истинно, так и условия, при которых содержащееся в нем описание «контрфактического хода истории, в каких-то аспектах совпадающего с действительным ходом истории, а в каких-то — нет», является правильным, хотя бы отчасти. (Условия, при которых Аристотель, хотя и не был бы философом, но все же любил бы собак.) Но предположим, что «Аристотель» — это сокращение для дескрипции «последний великий философ античности» (или сокращение для этой и других дескрипций, таких как «учитель Александра»). Тогда в некоем контрфактическом мире, где кто-то другой, скажем некий «Лизий», был последним великим философом античности (и учителем Александра, и ...), вопрос о том, любил ли *этот* человек Лизий собак, имел бы отношение к правильности утверждения «Аристотель любил собак». А Крипке считает, что это со всей очевидностью неверно. Заимствуя технический термин из своей логики, Крипке определяет имена собственные как «жесткие десигнаторы»: последние обо-

68 Джон Пассмор. Современные философы

значают одно и то же в каждом возможном мире. (Тот факт, что в нашем языке разные люди могут иметь одно и то же имя, усложняет дело, но не является, с точки зрения Крипке, фатальным обстоятельством. Существуют разные толкования предложения «Аристотель любил собак» в зависимости оттого, о каком Аристотеле идет речь. Но если «Аристотель» используется как имя собственное, при каждом таком толковании оно используется как жесткий десигнатор.)

Референция имени, признает он, вначале может быть установлена с помощью дескрипции. Кто-то мог бы сказать, что под «альфа Центавра» имеет в виду звезду с такими-то координатами. Но это, согласно Крипке, не типичный случай употребления имени. Хотя употребление имени начинается с «крещения», будь то непосредственное указание на объект или его описание, но после этого имя передается по цепочке от одного человека к другому; человек тогда употребляет его правильно, когда намеренно применяет его «с той же самой референцией, как и человек, от которого он его услышал». В любом случае, утверждает Крипке, одно дело говорить, что дескрипция используется для установления референции имени — для разъяснения, на что оно указывает, — и совсем другое дело говорить, что дескрипция является *значением* наряду с референцией.

Тема необходимости возникает здесь постольку, поскольку имя «Аристотель» имеет одну и ту же референцию во всех возможных мирах. Аристотель поэтому с необходимостью является человеком, названным Аристотелем. (Крипке немало места отводит своим возражениям против той точки зрения, что это простая тавтология.) Однако необходимость выходит далеко за эти пределы. Крипке выдвигает предположение, что мы *с необходимостью* имеем тех родителей, которых действительно имеем, поскольку иначе мы не могли бы быть теми, кем являемся. Аналогичным образом и конкретный стол *необходимо* сделан из определенного куска древесины — иначе он не мог бы быть именно *этим* столом. (Очень похожий на него, чувственно неотличимый стол, имеющий такое же назначение, конечно же, был бы сделан из другого куска древесины.) Затем Крипке утверждает, что «естественные виды» — в эту категорию он включает не только «имена видов» вроде «тигра», «коровы», но и массовые термины, например «золото», «вода», не предполагающие отчетливой формы, — в важнейших логических отношениях имеют сходство с именами собственными²⁰. (Тем самым, по его словам, оказывается оправданным старый грамматический термин «нарицательное существительное». Монтегю также очень широко использовал этот термин.) Стало быть, кусок золота продолжал бы оставаться золотом, а тигр продолжал бы оставаться тигром, даже если бы оказалось, что «золото» и «тигры» имели систематически неправильное описание.

Каков же в этом случае статус таких научных высказываний, как «Золото имеет атомный номер 79»? Согласно предположению Крипке, если это

Глава 3. От синтаксиса к семантике 69

высказывание истинно, то оно необходимо истинно. Ибо в нем говорится о веществе, из которого состоит золото и благодаря которому оно является золотом. Подобное учение, признает Крипке, скорее всего, озадачивает нас. «Необходимый» — это отрицание того, что «мог бы быть другим». Вместе с тем Крипке утверждает, что золото «могло бы оказаться вовсе и не химическим элементом», не говоря уже о том, что оно могло бы быть элементом с другим атомным номером. Как в таком случае может быть необходимой истиной то, что золото является химическим элементом с атомным номером 79?

В этом месте Крипке прибегает к учению о двойниках. До этого при рассмотрении сходных проблем он уже ввел заново понятие «трансмирового тождества» как обозначающее устанавливаемое через миры тождество некоторого стола и конкретной совокупности молекул, некоторой нации и конкретной совокупности индивидов. Теперь же он заявляет нам, что «неопределенное и неточное» утверждение о том, что золото могло бы оказаться химическим соединением, «следует заменить (говоря приблизительно) утверждением о логической возможности существования химического соединения, обладающего всеми свойствами, которые ранее считались принадлежащими золоту». Подобное химическое соединение не *было* бы золотом, ибо золото необходимо является химическим элементом, однако, как и в случае стола, это соединение было бы двойником золота, чувственно неотличимым от него. Если мы тщательно формулируем свою мысль — хотя, по признанию Крипке, сам он делает это не всегда, — а также не упускаем из виду, что признать истину необходимой не значит утверждать, что она могла бы быть установлена только априорно, то все видимые противоречия, считает Крипке, исчезнут.

С этим инструментарием Крипке обращается к своей заключительной теме — несостоятельности теорий тождества сознания и мозга. Любое тождество, полагает он, является необходимым тождеством. (Такой же точки зрения придерживается и Виггинс; между этими двумя мыслителями имеет место симбиотическая связь.) Стало быть, тождественные объекты являются необходимо тождественными, а истинные утверждения тождества между жесткими десигнаторами являются необходимо истинными. Правда, «в утверждениях случайного тождества могут использоваться» *описания*, например, изобретатель бифокальных очков был первым главным почтмейстером Соединенных Штатов. (Франклин мог бы изобрести бифокальные очки, не будучи при этом главным почтмейстером.) Но такой возможности нет, когда тождество устанавливается между именованными объектами — напомним классический пример с «Геспером» и «Фосфором». А Крипке, как мы видели, расширил свою теорию имен собственных, включив в нее нарицательные существительные.

После того как Крипке все это установил, его аргумент против теории тождества можно представить в следующей общей форме: отождествляемые сущности, т.е. состояние мозга и состояние сознания, можно опреде-

70 Джон Пассмор. Современные философы

лить как жесткие десигнаторы; следовательно, они могли бы быть связаны только необходимым тождеством; однако логически возможно, чтобы определенное состояние мозга существовало, а* соответствующее ему состояние сознания — нет; отсюда вытекает, что они не могут быть тождественными. Конечно, против второй посылки сторонник «случайного тождества» мог бы возразить, указав на такие, с его точки зрения, случайные тождества, как тождество теплоты и молекулярного движения. Однако и «теплота», и «молекулярное движение», утверждает Крипке, представляют собой жесткие десигнаторы; стало быть, их тождество является не случайным, а необходимым. То же самое было бы верно и в отношении предполагаемого тождества боли и возбуждения С-волокон. Поэтому и в этом случае, если имеется тождество, то оно должно быть необходимым.

Мог бы теоретик тождества принять этот вывод, утверждая при этом, что связь действительно является необходимой и только кажется случайной? (Это означало бы отказ от третьей посылки Крипке.) Как утверждалось бы в этом случае, боль связана с возбуждением С-волокон так же, как теплота связана с молекулярным движением; в обоих случаях наука устанавливает необходимость тождества, которое «тем не менее могло бы не существовать» в том смысле, что боль и теплота могли бы иметь какой-то иной источник. В ответ Крипке указывает, что эта аналогия не проходит. В случае теплоты утверждение «Теплота могла бы не быть молекулярным движением» означает, что кто-то «мог бы воспринимать некое явление так, как мы воспринимаем теплоту», т.е. в виде конкретного ощущения, хотя само это явление не было бы молекулярным движением. Эта возможность отсутствует в случае боли. Ибо, согласно Крипке, боль, в отличие от теплоты, существует только как ощущение. Поэтому состояния мозга и сознания не могут быть тождественными *случайно*, поскольку они не удовлетворяют требованиям, предъявляемым к случайному тождеству, но они не могут быть также и необходимо тождественными ^{2*}.

Глава 4. Дэвидсон и Даммит 11

Глава 4. ДЭВИДСОН И ДАММИТ

Среди многочисленных современных философов, изучавших взаимосвязь между истиной, языком и реальностью, два особенно заслуживают внимания благодаря своей оригинальности и влиятельности — это американец Дональд Дэвидсон и англичанин Майкл Даммит. Не будь это так, каждый из них имел бы, хотя и по разным причинам, повод для оправдания. В течение более двадцати лет Дэвидсон не писал ничего, кроме статей, крайне разбросанных по разным местам публикации и по большей части очень кратких — до такой степени кратких, когда компактность из достоинства превращается в недостаток. Эти статьи связаны друг с другом и вплетаются в ткань философских споров. Может сложиться впечатление, что они содержат повторения, и, безусловно, есть несколько моментов, которые Дэвидсон постоянно старается втолковать читателю. Но то, что выглядит повторением, часто оказывается тонкой переформулировкой, за которой иногда стоит довольно важный пересмотр позиции. В общую теорию Дэвидсона входит положение о том, что для понимания отдельного убеждения или мнения мы должны рассмотреть всю систему идей и установок, в которую это убеждение включено. Это, безусловно, верно и в случае самого Дэвидсона. Хотя он не является темным автором в обычном смысле этого слова — правильней было бы назвать его «трудным для понимания», однако неудивительно, что очень часто изложение и критика его взглядов предваряются словами «если я правильно понял».

В отношении Даммита трудность в чем-то сходная, а в чем-то отличная. В течение какого-то времени он писал мало; его оксфордские друзья стали уже опасаться, что он так никогда и не напишет тех значительных трудов, которых они от него ждали. Когда же он написал их, то ими оказалась объемистая книга о Фреге с последовавшей за ней еще более объемистой книгой об

интерпретации Фреге, которые вместе насчитывали более тысячи страниц и в которых переплетались собственные учения Даммита, критика современников и ответы на критику с их стороны. В целом результат был в высшей степени ошеломляющим. Затем был опубликован большой сборник статей, которые нельзя не учитывать, книга о математическом интуиционизме, а в последующем еще несколько очень длинных статей.

Однако ни того, ни другого философа нельзя обойти вниманием. Их творчество, в особенности Дэвидсона, среди всего прочего, является отправной точкой для исследований плодотворно работающей группы молодых оксфордских философов, которые в историко-географическом плане являются преемниками философии «обыденного языка», но которые, как уже отмечалось, резко протестуют против этой философии, что находит от-

72 Джон Пассмор. Современные философы

ражение и в их интересах, и в стиле их работ. (Они пишут в манере, которая часто бывает ужасно техничной и всегда крайне абстрактной, лишенной каких-либо ссылок на конкретные примеры.) Но эту новую «оксфордскую группу» никоим образом не следует относить к некритичным дэвидсонианцам. Член этой группы Дж.А.Фостер уже в 1976 г. был готов написать, что «проект Дэвидсона лежит в руинах». Но Дэвидсон был тем, кто их вдохновил *.

Мышление Дэвидсона напоминает бесшовное сплетение. Тем не менее мы можем провести приблизительную и легко распознаваемую границу между совокупностью статей, в которых главный интерес Дэвидсона связан с психологией ² и которые собраны вместе в книге «Очерки о действиях и событиях» (1980), и его статьями по семантической теории, опубликованными в виде «Исследований по истине и интерпретации» (1984). Давайте начнем с немного более простых для изложения психологических статей.

После неудавшихся исследований в области экспериментальной психологии принятия решений, которые оказали важное негативное влияние на его мышление, Дэвидсон проявил интерес к поствитгенштейновской философской психологии и в особенности к книге Энском «Интенция». Мы рассмотрим два направления развития мысли Дэвидсона, представленные в его психологических трудах и связанные с его семантикой, которые привели к созданию онтологии. Первое из этих направлений вырастает из его отказа рассматривать интенциональное действие как «возвышающееся над» каузальным уровнем. «Обычное понятие причины, — подытоживает он в своих предварительных замечаниях, — имеет существенное значение для понимания того, что значит действовать мотивированно, иметь определенное намерение при совершении действия, действовать вопреки своему собственному разумению или действовать свободно» — хотя именно в данных случаях это понятие часто отбрасывали как бесполезное.

Здесь перед Дэвидсоном встает проблема, наиболее четко сформулированная им в работе «Ментальные события» (1970): как согласовать два, казалось бы, несовместимых факта: во-первых, тот факт, что человеческие действия, со всей очевидностью, входят составной частью в устройство природы, «оказывая каузальное воздействие на внешние по отношению к ним события и подвергаясь аналогичному воздействию с их стороны», и, во-вторых, тот факт, что имеются, как он полагает, «убедительные доводы против той точки зрения, что мышление, желание и сознательное действие можно, подобно физическим явлениям, подвести под детерминистические законы».

Важно само название этого очерка: «Ментальные события», а не «ментальные состояния» или «ментальные процессы». С этим связана вторая тема, проходящая через все творчество Дэвидсона и состоящая в том, что для обсуждения в надлежащем ключе каузальности, интенционального действия или психофизической проблемы следует прибегнуть к некоторой онтологии событий. На Дэвидсона оказало особенно сильное влияние учение Энском о

Глава 4. Дэвидсон и Даммит 73

том, что одно и то же действие может быть в одном случае описано как интенциональное, а в другом случае — как неинтенциональное; например, я мог бы намеренно написать польское имя и ненамеренно написать его неправильно, не совершая при этом два отдельных действия. Что же на онтологическом уровне влечет за собой эти разные описания? Ответ Дэвидсона: событие. Правда, когда мы говорим о ком-то, что он совершил такое-то действие, мы, как правило, не упоминаем событие. Например, мы говорим: «Брут нанес Цезарю удар ножом», как если бы ничего кроме Брута, Цезаря и акта нанесения удара ножом здесь не предполагалось. Однако подобный анализ, как утверждает Дэвидсон в работе «Логическая форма предложений о действиях» (1967), является ошибочным. Логическая форма такого предложения выглядит примерно так: «Существует событие, которое есть событие нанесения-Брутом-удара-ножом-Цезарю». (В символическом виде это формулируется более аккуратно.)

Чем вызвано такое решение? Здесь Дэвидсон считает нужным обратиться к своей семантике. Если мы формулируем утверждения о действиях как утверждения о «событиях», нам становится понятно, говорит он, почему имеют место определенные следствия, которые невыводимы при более традиционных формулировках, например, почему «Брут нанес Цезарю удар ножом в спину» влечет за собой «Брут нанес Цезарю удар ножом». При традиционной формулировке мы имеем два отдельных предиката, приписываемых Бруту: «быть тем, кто ударил Цезаря ножом в спину» и «быть тем, кто ударил Цезаря ножом» — и при этом у нас нет стандартного способа перейти от первого ко второму. Но если мы предложим в качестве логической формы предложения «Брут ударил Цезаря ножом в спину» что-то вроде «Существует событие, которое есть событие нанесения Брутом удара ножом Цезарю и которое есть событие нанесения удара в спину Цезаря», то эта формулировка со всей очевидностью влечет за собой свою первую часть. (Для подобных формулировок он использует неизменный критерий: позволяют ли они вывести все возможные следствия.)

Однако здесь возникает трудность. На Дэвидсона огромное влияние оказал Куайн. Он цитирует известное изречение Куайна: «Нет сущности без тождества». Если же Дэвидсон собирается включить события в свою онтологию, он должен, при таком подходе, предложить некоторый критерий для установления тождественности события, описанного одним способом, событию, описанному другим способом. В качестве важного критерия он предлагает следующий: если события имеют одни и те же причины и одни и те же следствия, они должны быть одним и тем же событием.

На это можно возразить, что события не относятся к тому роду вещей, которые *могут быть* причинами и следствиями. Ибо некоторые философы, например Мэкки, считали, что причины при их надлежащем описании связывают факты, выражимые только в предложениях. Такая позиция, отвеча-

74 Джон Пассмор. Современные философы

ет Дэвидсон в работе «Каузальные отношения» (1967), сразу же приводит к трудностям, как только мы пытаемся охарактеризовать логическую связь, которая имеет место между рассматриваемыми предложениями, ибо оказывается, что эта связь не может быть и одновременно должна быть материальной импликацией. Согласно Дэвидсону, *в действительности* каузальные отношения как раз и устанавливаются между событиями. Поэтому ничто не мешает утверждать, что мы можем отождествлять два события как одно и то же событие на том основании, что они имеют одни и те же причины и одни и те же следствия.

Дэвидсон не намерен отрицать то допущение, которое лежит в основе позиции Мэкки, а именно утверждать, что одно событие выступает причиной другого, значит утверждать, что между этими двумя событиями существует законоподобная связь. Однако он добавляет два замечания: во-первых, мы можем знать, что *A* является причиной *B*, не зная при этом, какой закон их связывает, и, во-вторых, те описания, которые мы используем, когда говорим о каузальной связи, могут не содержать и, как правило, не содержат в себе связывающий закон. Например, мы можем знать, что Джек сломал ногу, когда упал с лестницы, и согласимся с тем, что имеется законоподобная связь между событием, которое мы описываем как «Джек упал с лестницы», и событием, которое мы

описываем как «Джек сломал ногу». И тем не менее не существует строгого закона, гласящего, что если кто-то падает с лестницы, он ломает ногу. Если же мы попытались бы сформулировать такой закон, добавляя все больше и больше подробностей («человек такого-то возраста, упавший с такой-то высоты, под таким-то углом на такой-то пол») мы имели бы в своем распоряжении «закон», который представлял бы собой лишь подробное описание того, что произошло в рассматриваемом случае. Указанное событие необходимо сначала описать в терминах физики, заключает Дэвидсон, прежде чем появится надежда открыть строгий закон, из которого с учетом имеющихся обстоятельств можно дедуцировать перелом ноги.

Обо всем этом надо помнить, чтобы понять крайне необычную защиту Дэвидсоном материализма тождества и его способ согласования тех фактов, что ментальное составляет часть природы, подверженную обычным каузальным воздействиям, и что связи между ментальными событиями не являются законоподобными. Как он утверждал в своих ранних статьях, когда мы даем стандартное психологическое объяснение, мы обычно говорим, что кто-то совершил такое-то конкретное действие, потому что у него были определенные желания и он придерживался определенных убеждений или мнений. Вместе с тем, с точки зрения Дэвидсона, это является и каузальным объяснением. Однако, добавляет он, не существует строгих законов вида: «Всякий раз, когда кто-то имеет такие-то убеждения, мнения и желания и когда выполняются такие-то дополнительные условия, он будет действовать таким-то образом». Какое действие совершит человек, будет зависеть не оттого, какого конкрет-

Глава 4. Дэвидсон и Даммит 75

ного мнения он придерживается или какое конкретное желание он имеет, а от структуры его убеждений, мнений, желаний, опасений, надежд, ожиданий и т.п. Мы можем выбрать какое-то одно из них, когда, например, в качестве объяснения поступка Тома говорим, что он женился на Мэри, «потому что она богатая». Однако это, полагает Дэвидсон, упрощенный прием.

Психологи давно уже это осознали. Именно поэтому они искали альтернативные методы объяснения человеческих действий, используя то идею обусловливания, то, как предлагает Рамсей, готовность человека сделать ставку на определенные альтернативы. Однако, утверждает Дэвидсон, эти альтернативные формы объяснения будут бесполезны, если мы не рассмотрим их в «контексте согласованных установок» — именно того, что, как предполагается, эти альтернативные методы делают излишним.

Можно было бы ожидать, что такого рода доводы в итоге выльются в некоторую разновидность дуализма, но отнюдь не в то, что Дэвидсон называет «аномальным монизмом». Но именно аномальный монизм приводит Дэвидсона к выводу, что не существует строгих законов, связывающих ментальное с физическим. (Под «ментальным» он имеет в виду, в отличие от некоторых сторонников теории тождества, не ощущения и тому подобное, а любое событие, которое, как это было и у Brentano, по существу, содержит в себе пропозициональную установку — «считать, надеяться, ожидать, опасаться... что...») Ибо если бы существовал закон, утверждающий, что всякий раз, когда в моем мозгу происходит физическое событие/?, в моем сознании должно появиться мнение *w*, то мнение было бы чем-то таким, что мы могли бы приписывать человеку в том же самом смысле, в каком мы можем приписывать ему некоторое физическое свойство. С точки зрения Дэвидсона, мнения не таковы: чтобы приписать какое-либо мнение человеку, мы должны принять во внимание соображения когерентности, рациональности и тому подобного, причем в том смысле, в каком это неприменимо к физическим свойствам.

Тем не менее ментальные события составляют часть природы и как таковые одновременно выступают причинами и сами имеют причины, а их связь, в принципе, подчиняется строгим законам. С учетом сказанного ранее, это возможно только в том случае, если они также являются физическими событиями; законы, связывающие их с другими событиями, будут тогда строгими физическими, а отнюдь не психофизическими законами. Однако, если мы ограничиваемся использованием «психологического языка», мы можем связывать психологические события друг с другом при помощи нестрогих психологических обобщений, не обращая внимания на тот факт,

что связываемые нами события являются одновременно физическими событиями и в этом своем качестве подчиняются строгим физическим законам ³.

Предложенный Дэвидсоном анализ утверждений о действиях и утверждений о каузальных связях можно считать и вкладом в развитие философии-

76 Джон Пассмор. Современные философы

кой психологии, и конкретным приложением его семантического анализа, основанного на семантической теории, которую, как сообщает нам Дэвидсон, он разрабатывает с 1953г. Однако в своем первоначальном виде эта теория появляется лишь в статье «Истина и значение» (1967) или же в немного более систематичной, хотя и столь же программной работе «Семантика для естественных языков» (1970). В статьях «Радикальная интерпретация» (1973) и «В защиту Конвенции Т» (1973) в разработке этой теории намечается некоторый поворот, хотя ни о каком коренном изменении говорить не приходится ⁴.

Дэвидсон начинает с вопроса о том, какие задачи стоят перед семантической теорией. «Ее цель, — отвечает он, — предоставить нам значение каждого имеющего значение выражения». Это звучит странно; обычно мы исходим из того, что «имеющими значение выражениями» являются слова, поэтому трудно понять, как семантическая теория могла бы выполнять то, для чего предназначены словари. Однако чуть позже «имеющие значение выражения» переопределяются как «выражения, имеющие независимое значение», а эти, в свою очередь, быстро отождествляются с предложениями. По сути, слова учитываются здесь только потому, что их содержат предложения; значение слов подобно значению таких выражений, как «быть отцом», заключается в том систематическом вкладе, который они вносят в предложения, частью которых являются. (Различие с Соссюром здесь явное.)

Поэтому семантика, как ее понимает Дэвидсон, не сообщает нам, к примеру, что означает слово «хороший». (Такого же взгляда придерживался и Монтегю.) Однако проводимый в ней анализ таких предложений, как «Она хорошая актриса», позволяет отличить их от предложений вида: «Она англоязычная актриса», причем отличить таким образом, что при выявлении их логической формы становится очевидным, почему второе предложение влечет за собой: «Она говорит по-английски», тогда как первое предложение не влечет за собой: «Она хорошая». Если обобщить сказанное Дэвидсоном по поводу предложений о действиях, то в его намерения входит «описать логическую или грамматическую роль частей или слов в предложениях конкретных типов, которая согласовывалась бы кате с «отношениями следования между такого рода предложениями», так и с тем, что известно о роли этих же самых слов или частей в предложениях других типов. Для него это означает «то же самое, что показать, как значения» таких предложений «зависят от их структуры». Следовательно, задача «выявления логической формы», говорит он, является «центральной задачей семантики». Его интерес привлекает тот фрагмент языка — он связывает его с «глубинными структурами» Хомс-кого, — который предоставляет нам способ интерпретации целых классов предложений ⁵; его не особенно волнует, если предложения, раскрывающие логическую форму, едва ли хорошо звучат по-английски. Поскольку каждый язык имеет конечное число букв, слов и типов словосочетаний, Дэвид-

Глава 4. Дэвидсон и Даммит 77

сон надеется, используя разные способы сцепления этих повторяющихся элементов, определяемые аксиомами и теоремами, «задать значение» бесконечного множества предложений, содержащихся в языке.

Когда в повседневной жизни мы сталкиваемся с каким-то непонятным нам предложением в языке, которым мы не владем в совершенстве, мы обычно обращаемся за помощью к словарю, а возможно, прибегаем и к учебнику грамматики. Фодор и Кац, по существу, убеждают нас в том, что именно это нам и следует делать, хотя их теория содержит в себе довольно нестандартные представления о характере хорошего словаря и хорошего учебника грамматики. Подобная процедура не способна рассеять семантические сомнения Дэвидсона. Он разделяет общее для XX

в. допущение о том, что существует связь между истиной и значением, и поэтому мы не можем претендовать на полное понимание предложения, если нам неизвестно, при каких условиях оно истинно. Но ни учебник грамматики, ни словарь не сообщают нам и не позволяют дедуцировать условия истинности для предложений о каузальных связях или для предложений о действиях. Фактически, словари и учебники могут ввести нас в заблуждение, как вводит в заблуждение, по мнению Дэвидсона, предлагаемый на их основе анализ предложения «Брут убил Цезаря». Поэтому в поисках своей семантики Дэвидсон обращается к другому.

В работе «С логической точки зрения» (1953) Куайн провел различие между «теорией референции», оперирующей такими экстенциональными понятиями, как «обозначает», «выполняет», «истинно», и «теорией значения», включающей в себя такие интенциональные понятия, как «синонимичный», «аналитический», «означает». Теория референции, утверждал Куайн, значительно лучше оснащена в интеллектуальном отношении, нежели теория значения. Дэвидсон вначале намеревался разработать теорию, которая выполняла бы все то, что мы требуем от теории значения, т.е. позволяла бы нам интерпретировать предложения, но которая «прекрасно помещалась бы в рамках теории референции». (Позже в работе «Реальность без референции» (1970) он будет отрицать возможность того, что было бы правильно назвать *теорией* референции; понятие референции, скажет он, нужно нам лишь в качестве «постулата» семантической теории, но проверяемая теория начинается на уровне описания истинных предложений и функционирования слов в предложениях, так же как, утверждает он, проверки теорий в физике микромира осуществляются на уровне физических объектов. Тем не менее теория значения использует понятие «референция», но не так, как она использует понятие «значение».)⁶

Пропозициональная логика, полагал он, продемонстрировала нам, как истинностное значение «*p* или *q*» определяется истинностными значениями *p* и *q*; Тарский показал, как истинностное значение «открытых» предложений, содержащих свободные переменные, такие как *x*, определяется тем, что эти переменные выполняются упорядоченными последовательностями; например,

78 Джон Пассмор. Современные философы

если взять простейший случай, «открытые» предложения вида «ос есть отец *y*» выполняются такой упорядоченной последовательностью, как «Герцог Эдинбургский, принц Чарльз», и таким образом Тарскому удалось определить истинность квалифицированных предложений. Сам же Дэвидсон показал, как истинность утверждений о действиях определяется истинностью утверждений о событиях. Это было началом, но, по его мнению, хорошим началом, сколько бы проблем ни оставалось еще решить.

Семантика Дэвидсона намечалась как аскетичная в онтологическом отношении теория. «Думаю, теории значения достигнут успеха, — пишет он в ответе Фостеру, — когда мы перестанем некритически использовать в них понятия конвенции, лингвистической роли, лингвистической практики или языковых игр». И Монтегю, и Льюис, и Крипке предлагают нам, с точки зрения Дэвидсона, слишком обильную диету; они же в ответ оспаривают способность Дэвидсона справиться с признаваемыми им проблемами, например с проблемой контрфактических высказываний, используя диету, которая, по их мнению, не обеспечивает удовлетворительного питания.

Тарский разделял пристрастие Дэвидсона к экстенциональному. Аксиомы его «определения истины» — или, в терминологии Дэвидсона, «теории истины», — содержат только такие выражения, как «класс», «последовательность», «предложение», «структурное описание»⁷. Для разработки столь же аскетичной теории *значения* нам нужно, считает Дэвидсон, сначала найти некоторое свойство *T*, характерное для тех предложений, которые «означают, что *p*» (в конкретном языке *L*), а затем выявить некоторое неинтенциональное отношение между предложениями, обладающими таким свойством, и самим/. Мы сможем это сделать, говорит он, заменив «означает» на «если и только если», а *T* — на «истинно». В результате мы получим предложения истинности (Г-предложения) Тарского: «Снег бел» истинно (в русском языке), если и только если снег бел. Теперь мы можем опереться на формальные ресурсы теории Тарского, на

его методы доказательства Г-предложений. Если дана такая теория и если признать ее тем, что она есть, т.е. теорией истины, то, как пишет Дэвидсон в своем «Ответе Форстеру», «мы могли бы осуществить перевод каждого предложения нашего языка и при этом знать, что это перевод». Но не только это — «нам следует "знать в деталях, как истинностное значение предложений языка зависит от их структуры, почему одни предложения влекут за собой другие и каким образом слова выполняют свою функцию благодаря их отношению к объектам в мире». Поистине неисчерпаемое богатство заключено в формальной теории!

Однако в силу разных причин Тарский полагал, что его определение истины неприменимо к естественным языкам не только потому, что это приводит к семантическим парадоксам, но и потому, что естественные языки содержат нередуцируемые индексальные выражения, которые не содержат и намек на то, что могло бы выполнять их. В теории Тарского нашлось место

Глава 4. Дэвидсон и Даммит 79

для таких предложений, как: «Какая-то книга украдена» или «Все книги украдены», но не для предложения «*Та* книга была украдена». На первый взгляд, мы в состоянии судить о том, истинно это предложение или ложно, если только нам случилось присутствовать при его произнесении и, следовательно, мы знаем, о какой книге идет речь и на какой момент времени указывает глагол «была». В ответ Тарскому Дэвидсон формулирует свое Г-предложение следующим образом: «*Та* книга была украдена» истинно в русском языке как (потенциально) произносимое человеком/7 в момент времени /, если и только если книга, демонстрируемая человеком *p* в момент времени /, украдена до времени *t*».

Это предложение составляет характерную особенность анализа Дэвидсона. В левой его части, как и у Тарского, стоит предложение нашего языка, которое подвергается семантическому анализу, а в правой его части стоит предложение, сформулированное на языке теории. (В данном случае оба языка являются фрагментами русского, но это необязательно.) Язык теории не содержит кавычек и ссылок на «значения» или какие-либо другие сходные интенциональные выражения. Но он выявляет «логическую форму» исходного предложения и тем самым вносит вклад в наше понимание его значения.

Метод заимствован у Тарского, но есть и отступления от Тарского, поскольку исходное предложение в теории Дэвидсона понимается как речевой акт, а язык теории все еще содержит индексальные выражения, например «книга, демонстрируемая человеком/?» (по этому поводу см. «В защиту конвенции *T*», 1973). Становится очевидным, что классическое Г-предложение — «Снег бел» истинно, если и только если снег бел — в действительности не удовлетворило бы Дэвидсона. Ибо за ним скрывается семантическая проблема. «Снег» — это массовый термин; Дэвидсону потребовался бы анализ, который выявил бы различие между этим предложением и предложением «Пунктуальность желательна» или «Тигр есть животное». Возможно, как предварительный вариант подойдет такой анализ: «Каждая частица снега, которая больше определенного размера, является белой».

Конечно, подобные предложения мы можем понимать, только если мы понимаем значение их составных частей. Но части предложений, утверждал Дэвидсон, имеют значение лишь благодаря тому, что «вносят систематический вклад в значение предложения, в котором они встречаются». Это выглядит как порочный круг: чтобы понять предложение, мы должны знать значение его частей, а чтобы понять части, мы должны понимать все предложение. Это обстоятельство заставляет Дэвидсона отстаивать некий вариант холизма: «Мы можем установить значение любого предложения (или слова), только установив значение каждого предложения (и слова) данного языка». Но тогда получается, что никакое отдельное Г-предложение не задает нам значение предложения, относительно которого оно формулируется. Скорее, наряду с доказательством, осуществляемым посредством логической катего-

80 Джон Пассмор. Современные философы

ризации составных частей исходного предложения, оно сообщает нам нечто такое, что мы должны знать, чтобы понимать роль, которую такого рода предложения играют в нашем языке.

Все это учение едва ли можно считать бесспорным. (Как нельзя считать бесспорной, должен добавить, и мою интерпретацию Дэвидсона.) Три вопроса вызвали беспокойство у критиков. Во-первых, почему у обыкновенного носителя языка, по всей видимости, неплохо обстоят дела с пониманием речи других людей, хотя он далек от того, чтобы владеть полной теорией языка (этого не требовал и сам Дэвидсон) или даже теорией некоторого фрагмента языка, хотя именно это *требование* и выдвигал Дэвидсон? Второй вопрос касается того, как мы можем установить истинность отдельного Г-предложения как такового. И третий — это вопрос о том, откуда мы знаем (даже если нам известно, что Г-предложение истинно), что оно задает или частично задает *значение* того выражения, относительно которого формулируется. От хорошей семантической теории, как говорит нам Дэвидсон, требуется ее эмпирическая проверяемость. Но как могут быть проверены два последних утверждения?

Статьи Дэвидсона «Радикальная интерпретация» и «В защиту конвенции *T*» призваны дать ответы на эти вопросы. По первому вопросу Дэвидсон разъясняет, что выдвигаемая им теория — это не теория о том, как мы обычно учим или интерпретируем наш собственный язык или язык других людей. В его теории полностью отсутствуют, в отличие от теории Хомского, какие-либо отсылки к психологии или даже эпистемологии. Скорее, он ставит вопрос о том, какую теорию мы *могли бы* знать, чтобы иметь возможность установить, что, когда Курт «при соответствующих условиях» произносит слова «Es regnet», он говорит, что идет дождь, а также откуда мы *могли бы* знать эту теорию. (Здесь он не добавляет — хотя я считал это его точкой зрения, — что, поскольку мы знаем это, мы могли бы интерпретировать утверждение Курта в том смысле, в каком сам Курт его интерпретировать не может, и это позволило бы нам выявить особенности значения этого предложение, которые Курт не осознает. Или, во всяком случае, это было бы так, если бы Курт сказал: «Ich glaube dass es regnet» («Я думаю, что идет дождь»), со всеми вытекающими отсюда известными семантическими проблемами, связанными с предложениями мнения.)

Поводом для второго вопроса — откуда мы знаем, что $\wedge$ -предложение истинно? — служит то обстоятельство, что, когда теория истины используется в качестве теории значения, мы не можем просто оговорить в качестве *условия*, как это делал Тарский, что предложение, формулируемое в нашей теории языка, следует считать «адекватным переводом» исходного предложения. Ибо в этом случае мы истолковываем выражение «является адекватным переводом» как эквивалентное выражению «имеет то же самое значение», но ведь именно тождество значения мы и пытаемся объяснить с помощью теории истины.

Глава 4. Дэвидсон и Даммит 81

Все это станет немного понятней, если мы представим себе, что пытаемся сформулировать по-русски теорию истины для французского языка. Предположим, что исходным является предложение «La neige est blanche», а предложение, которое мы формулируем в нашей теории языка, звучит так: «Снег бел». В результате мы получаем: «La neige est blanche» истинно по-французски, если и только если снег бел. Какие у нас есть основания считать, что это так? Если взять более ранние работы Дэвидсона, то там он придерживался той точки зрения, что теория значения строится для языка, который человек уже знает, а не для иностранного языка. Стало быть, Дэвидсона не особенно беспокоило, откуда в случае предложений иностранного языка мы можем знать, что предложения истинности, которые служат критерием для нашей теории, сами являются истинными: их истинность известна нам.

Это становится одной из проблем, которые Дэвидсон пытается решить в «Радикальной интерпретации», используя подход, свидетельствующий о большом влиянии Куайна, но не опираясь при этом на эпистемологию Куайна⁸. В своей приблизительной формулировке этот метод означает следующее: мы спрашиваем себя, при каких обстоятельствах Курт произносит фразу: «Es regnet». Если мы обнаружим, что он произносит ее, когда идет дождь, то мы располагаем такого рода свидетельством: «Курт принадлежит к немецкоязычному сообществу, и в субботу днем Курт считает истинным, что «Es regnet», и этим днем вблизи Курта идет дождь». Это

является свидетельством в пользу Г-предложения: «Es regnet» истинно по-немецки, будучи сказанным человеком x в момент времени t , если и только если идет дождь вблизи x в момент времени t . Дэвидсон применяет, таким образом, традиционный «дескриптивный» подход к языку, против которого возражал Хомский, хотя и использует его лишь для сбора свидетельств в пользу «глубинной» теории истины. Но даже если нам недостаточно этих доводов, чтобы отказаться от данного подхода, то мы можем предложить и другие возражения: ведь не только Курт, но и любой другой член сообщества, в высказываниях которого мы ищем подтверждающее свидетельство вида «Гретхен является членом... и она говорит ...», может ошибаться или лгать. Здесь Дэвидсон обращается к принципу, который в разнообразных формулировках и под разными названиями занимает важное место в современных семантических дискуссиях по вопросу о свидетельствах. Согласно этому принципу, если мы не можем интерпретировать высказывания и поведение некоего живого существа «как выявляющие совокупность убеждений и мнений, которые в большинстве своем согласуются с нашими собственными стандартами и являются истинными с точки зрения этих стандартов, то у нас нет оснований считать это существо рациональным, имеющим убеждения и мнения и способным что-либо сказать», т.е. обладающим языком, а не просто способным производить звуки.

Теперь остается третий вопрос. Является ли Г-предложение автоматически предложением о значении? С самого начала Дэвидсон признавал, что

82 Джон Пассмор. Современные философы

если бы мы учитывали только истинностные значения, то Г-предложение для «Снег бел» могло бы звучать так: это предложение истинно, если и только если трава зеленая или $2+2=4$, а не только так: это предложение истинно, если и только если снег бел. Ибо согласно экстенциональной логике, в которой работает Дэвидсон, любое истинное предложение может быть подставлено вместо любого другого истинного предложения, и это не повлияет на истинностное значение предложений, в которые это первое предложение входит составной частью. Это не было проблемой для Тарского, поскольку он постулировал, что $\wedge$ -предложение должно представлять собой перевод. Случай Дэвидсона другой; как мы видели, он не может просто постулировать это. Мы можем надеяться, говорит он, что удовлетворительная теория истины не будет порождать такие аномальные предложения. Но эта «надежда» не позволяет нам *определять* Г-предложения как предложения, которые «задают значение». Не можем мы и релятивизировать Г-предложения относительно теории, которая доказывает их, как это, возможно, предполагалось в некоторых более ранних формулировках Дэвидсона. «Если теория выполняет все, что она предназначена выполнять, то Г-предложения одни должны предоставлять все необходимое для интерпретации». Но именно в этом пункте должно подключиться исследование привычек носителей языка. Мы не установим в качестве неизменно повторяющегося факта, что Курт говорит: «Es regnet», если и только если $2+2=4$. Некоторая степень неопределенности будет иметь место, но ее недостаточно, полагает Дэвидсон, чтобы разрушить нашу способность различать хорошие и плохие теории истины для конкретных предложений, с тем чтобы только первые использовать в теориях значения.

Поэтому в конечном счете Дэвидсон не теряет надежды. А его конкретные исследования, наряду с исследованиями таких его взыскательных коллег, как Гилберт Харман и Джон Уоллес, часто представляют интерес независимо от его общей теории. Возьмем, к примеру, его анализ пропозициональных установок. Он исходит из предположения, которое основывается на некоторых филологических соображениях и согласно которому слово «that» («что») в предложении «Galileo said that the earth moves» («Галилей сказал, что Земля движется») является указательным местоимением *, а предложение в целом эквивалентно следующему: The earth moves. Galileo said that' («Земля движется. Галилей сказал это») — таким образом, мы имеем здесь два экстенциональных предложения. Это само по себе достойно обсуждения как определенное решение проблемы анализа исходного предложения в истинностно-функциональных терминах, даже если при таком решении исходное предложение определенно не сохраняет свою истинность

* Дэвидсон использует здесь тот факт, что в английском языке слово «that» используется и как союзное слово («Galileo said that the earth moves»), и как указательное местоимение, переводимое на русский язык

как «то», тот» («That book is red» — «Та книга красная»), В русском языке в этих случаях используются разные слова, и поэтому для русского языка анализ Дэвидсона не столь нагляден.

Глава 4. Дэвидсон и Даммит 83

при замене «Земля движется» на любое другое истинное высказывание⁹. (Дэвидсон уже дал, как мы видели, объяснение указательным местоимениям.) Однако в итоге он в известной степени принимает критику Фостера: «Ничто в строгом смысле не составляет теорию значения». «Теория истины, — продолжает он, — как бы хорошо ни была она отобрана, не является теорией значения», ибо сохраняются «нередуцируемые индексальные элементы». Однако он все еще продолжает считать возможным обращаться к подобной теории за ответом на вопрос: «Что же именно знает тот, кто интерпретирует предложение?» Отсюда следует, что эта теория может «дать удовлетворительный ответ на одну из центральных проблем в философии языка». Делает ли это его уязвимым перед колким замечанием Патнэма о том, что семантика Дэвидсона — это лишь «куайновский скептицизм под маской позитивного вклада в теорию значения», остается вопросом. Как правило, Дэвидсона часто порицают в Соединенных Штатах за то, что он много обещает в своих программах, но никогда не выполняет своих обещаний; наиболее преданных поклонников он нашел в Англии, которая, видимо, в этом отношении менее требовательна. Но даже там, как мы видели, высказывались сомнения.

А теперь обратимся к Даммиту¹⁰. Большой частью его творческая биография была посвящена интерпретации и с существенными оговорками защите Фреге. Два объемистых труда, появившихся в ходе осуществления этого замысла: «Фреге» (1973) и «Интерпретация философии Фреге» (1981), — несомненно, в значительной своей части содержат обсуждение не только этих тем, но и большинства главных проблем философии языка. Причем содержат таким образом, что если мы хотим рассмотреть, скажем, теорию имен собственных Даммита, мы должны принять во внимание, что говорит по этому поводу Фреге, что говорит Даммит о Фреге, что говорит Крипке о Фреге и Даммите, что на это отвечает Даммит и как он сам критикует Крипке. А это совершенно неосуществимо в разумных пределах.

Кроме того, возникает и другая трудность. Хотя Даммит бескомпромиссно отстаивает свою интерпретацию Фреге и безапелляционно обрушивается на своих оппонентов, однако изложение им собственных взглядов носит предварительный, пробный характер. Как только читатель начинает склоняться к тому, чтобы приписать Даммиту определенное учение, тут неожиданно возникает поворот в его аргументации, появляются непредвиденные трудности, заявляют о себе новые альтернативы. Как критикам, так и сторонникам приходится *придавать* взглядам Даммита некоторую *фиксированную* форму, с тем чтобы начать их обсуждение. Мы сосредоточим наше внимание на двух тесно связанных аспектах его мысли: его воззрениях относительно центрального места философии языка и его антиреализме.

Философия языка, как мы уже видели, привлекла к себе в последнее десятилетие поразительное количество наиболее талантливых философов. В действительности, «язык» стал ключевым понятием в послевоенной куль-

84 Джон Пассмор. Современные философы

туре в целом, подобно тому как «атом» был таким понятием в XVIII в. и «развитие» в XIX в. Даже главные научные открытия в молекулярной биологии этого периода не обходились без таких понятий, как «код» и «транскрипция»; выходили книги о «языке архитектуры». Эта волна увлечения языком была столь мощной, что большинство философов даже не утруждали себя обоснованием своей веры в то, что язык служит надлежащей отправной точкой для философского исследования, точно так же, как их предшественники-эмпиристы спокойно предполагали, что начинать нужно с восприятия.

Даммит, в отличие от других, открыто защищает «лингвистический поворот». «Пока мы не поймем, что представляет собой наш язык, — пишет он в работе «Оправдание дедукции» (1973), — с помощью которого мы постигаем мир и без которого поэтому для нас не существует мира, до

тех пор наше понимание всего остального будет неполным». Его предшественники написали бы «восприятие» или «мышление» там, где он пишет «язык». Почему произошло такое изменение?

По двум причинам, разъясняет он в работе «Может ли аналитическая философия быть систематичной и должна ли она быть такой?» (1975). Во-первых, на Даммита, как и на многих философов до него, угнетающе действует отсутствие в философии прогресса, понимаемого в том смысле, в каком он имеет место в естественных науках; его подавляет неспособность философии организовать себя как систематическое исследование, осуществляемое «в соответствии с общепринятыми методами исследования», достигающее результатов, «которые всеми принимаются или отвергаются в соответствии с общепринятыми критериями», и завершающееся ясно сформулированной теорией. Эпистемологический подход не дал ощутимых результатов в достижении этой цели. Фреге, полагает Даммит, указал нам путь, когда заложил основы философии как теории значения.

Отнюдь не каждый примет эту интерпретацию Фреге, а наиболее скептически настроенные могут спросить: неужели Монтегю, Хомский, Льюис, Дэвидсон, Крипке и Даммит отличаются друг от друга в меньшей степени, чем Брэдли, Рассел и Дьюи? Конечно, представление о том, что философия в конечном счете — это совместное предприятие, участие в котором предполагает строгую специальную подготовку и в которое любой человек может надеяться внести свой вклад таким же образом, каким ученый вносит вклад в то, что Кун называет «нормальной» наукой, — это представление снискало себе поддержку многих англо-американских философов, хотя, как с досадой признает Даммит, подобные надежды ни в коей мере не новы и до сих пор никогда не оправдывались.

Даммит не имеет в виду, что интересы философов должны ограничиваться только теорией значения. Тем не менее он считает, что в конечном счете все их спекуляции должны будут пройти проверку перед судом теории значения. И, конечно же, он убежден, что «только через анализ языка мы можем

Глава 4. Дэвидсон и Даммит 85

анализировать мышление». Попытка анализировать мышление напрямую, как это делали эмпиристы, «лишая мысль ее лингвистического облачения и проникая в ее обнаженную суть», всегда заканчивается тем, что «саму мысль спутывают с субъективными внутренними переживаниями, которые ей сопутствуют», такими, например, как образы. Хотя эти последние замечания сделаны в духе Витгенштейна, Даммит вместе с тем отвергает два центральных витгенштейновских тезиса: во-первых, тезис о том, что философия не может быть систематическим исследованием, аналогичным тому, которое имеет место в естественных науках; и, во-вторых, тезис о том, что философия языка — это не общая теория значения, а исследование того, как язык используется в конкретных языковых играх.

Что касается последнего тезиса, то Даммит основывает свою критику Витгенштейна на фрегевском различии «силы» и «смысла». Несомненно, признает он прямо, в разных языковых играх одно и то же лингвистическое выражение может иметь разную силу, как, например, в команде, в отличие, скажем, от утверждения. Вместе с тем, выражение «Закрой окно», используемое как приказание, имеет тот же самый *смысл*, какой оно имеет в составе предложения «Я забыл закрыть окно» независимо от того, используется ли это предложение как извинение, оправдание, напоминание или как что-то еще. Иначе, утверждает Даммит, мы никогда бы не смогли научиться языку. Витгенштейн, по мнению Даммита, правильно подчеркивает, в противовес Фреге, что язык является социальным явлением, имеющим отношение к коммуникации, а не просто служит способом выражения мысли. Стало быть, Витгенштейн правильно связывает значение с употреблением; его ошибка заключается в предположении о том, что любое различие в конкретном словоупотреблении влечет за собой полное изменение значения.

Какую форму необходимо придать систематической теории значения? В первой из двух последовательных статей, озаглавленных «Что есть теория значения?» (1975, 1976), Даммит

формулирует общие условия, которым должна удовлетворять подобная теория, отнюдь не выдвигая безапелляционных требований относительно деталей. Эта теория должна содержать принципы, которые в явном виде выражают имеющееся у нас неявное знание об используемом нами языке, и это знание проявляется нами на практике таким образом, что это свидетельствует об адекватном отражении нашей практики в указанных принципах. (Например, эти принципы не должны приписывать нам знание, которое мы не в состоянии были бы иметь.) Подобно Хомскому и многим другим, Даммит исходит из того, что, когда мы проявляем какое-то умение, это умение должно основываться на неявном знании принципов, которые обнаруживаются благодаря исследованию; например, нам присуще неявное знание физических принципов, которое проявляется в нашей способности ездить на велосипеде. Он отрицает, однако, что при этом обнаруживается нечто психологическое. Если бы робот мог говорить на языке, он,

86 Джон Пассмор. Современные философы

по мнению Даммита, проявлял бы неявное знание лингвистических принципов, не имея при этом наших психологических состояний.

Таким образом, хорошая теория значения будет говорить о том, что значит понимать и что известно человеку, когда он знает язык, так что, например, тезис «Значение есть употребление» мог бы входить в эту теорию только в том случае, если *знать* значение — это *знать* (явным или неявным образом) употребление. В качестве «ядра» она будет иметь теорию референции, а ее «оболочкой» будет теория смысла. Дополнять их будет теория силы. В итоге это будет полная, атомарная (или, по крайней мере, молекулярная), богатая теория. Во многих отношениях это положение направлено против Дэвидсона, Крипке и, в меньшей степени, Куайна. В противоположность «полной», «умеренная» теория начинается с допущения о том, что мы уже понимаем определенные исходные понятия, на которых основывается значение других понятий. По утверждению Даммита, она вызывает возражение, выдвигаемое, как известно, против теорий перевода, согласно которым значение предложения состоит в его переводимости в некоторое другое предложение. Как гласит это возражение, мы можем знать, что одно предложение является переводом другого, не зная значения обоих этих предложений. (Допустим, мы спрашиваем у какого-то ученого о значении некоторого предложения. Он отвечает, и по тому, как другие ученые согласно кивают головой, мы догадываемся, что это правильный перевод. Тем не менее мы можем все еще не понимать.) Аналогичным образом знание о том, что значение предложения есть функция от значения определенных исходных лингвистических выражений, только в том случае сообщает нам значение этого предложения, если мы уже понимаем эти исходные выражения. Чтобы быть «полной», теория языка должна давать объяснение тому, что значит понимать *любое* выражение, как исходное, так и производное.

Что касается холизма, то, по утверждению Даммита, вначале возникает недоумение, почему теория Дэвидсона должна быть холистской, поскольку, на первый взгляд, в ней значение каждого отдельного предложения дедуцируется из множества аксиом, связанных со словами и конструкциями, из которых составлено это предложение. Но на деле Дэвидсон не указывает нам, в чем состоит значение аксиом или значение выражения «истинно» в предложениях истинности. Поэтому «не может быть никакого ответа на вопрос, в чем состоит понимание говорящим любого отдельного слова или предложения». Мы понимаем, вынужден заключить Дэвидсон, только язык в целом. Если же допустить, что мы можем разорвать угрожающий нам в этом случае порочный круг, приняв во внимание, что члены языкового сообщества «считают истинным», то, как указывает Даммит, при таком подходе нельзя надлежащим образом объяснить различие между совершением ошибки и неправильным пониманием значения предложения. Любая систематическая теория значения должна позволять провести такое различие.

Глава 4, Дэвидсон и Даммит 87

Даммит вполне готов признать, что наше понимание любого отдельного предложения «обычно зависит не только от понимания входящих в это предложение слов и других предложений, которые могут быть составлены из этих слов, но и от понимания определенного раздела языка, порой очень значительного». Вместе с тем, он отвергает ту точку зрения, что мы должны

понимать *весь* язык в целом, чтобы в полной мере понять какое-либо отдельное предложение. По его мнению, систематическая теория языка должна быть не холистской, а в известных пределах либо атомарной (тогда она связана с пониманием отдельных слов), либо молекулярной, связанной с пониманием предложений, в чем и состоит ее цель. (Характерно, что он так и не пришел к окончательному решению, какой же она должна быть.)

Что касается «богатства» теории, то богатая теория будет приписывать любому говорящему, знакомому со значением какого-то имени собственного, некоторое знание условий, которым должен удовлетворять любой объект, носящий это имя, или, по крайней мере, будет приписывать ему способность признать носителя имени в случае встречи с ним. Так, чтобы понимать слово «Лондон», мы должны уметь или описать этот город, или признать, что это он, когда мы в нем находимся. Это сильно отличается от простой (аскетичной) теории (как, например, у Крипке), требующей лишь, чтобы наше употребление имени не расходилось с его прежними употреблениями.

Установив все это к своему удовлетворению, Даммит во второй из своих статей обращается к подробному рассмотрению отношения между значением и истиной. Чтобы понять ход его рассуждений по этому вопросу, нам следует вспомнить, что в течение многих лет, прежде чем сменить Айера на посту профессора логики, он был ридером * по философии математики в Оксфорде и в этом качестве читал много лекций по интуиционистским теориям математики. Первая написанная им книга, хотя и не опубликованная, была посвящена принципу исключенного третьего; в конечном счете он опубликовал работу «Элементы интуиционизма» (1977), которая представляет собой введение в математический интуиционизм и основана на его оксфордских лекциях. Что особенно интересовало его в интуиционизме, так это, во-первых, отказ от принципа двужначности, согласно которому каждое математическое высказывание должно быть либо истинным, либо ложным, даже если мы не знаем — не в состоянии знать, — истинно оно или ложно, и, во-вторых, готовность интуиционистов пойти на значительные изменения как в классической математике, так и в классической логике в интересах сохранения математики как согласованного систематического исследования.

Интуиционисты, как правило, не склонны распространять свои выводы на естественные языки. Даммит же осуществляет это, хотя и в модифицированном варианте. Однако делает это очень постепенно. Он начинает с рас-

* Второй по старшинству преподаватель после профессора в английских университетах, соответствует доценту в наших университетах. — *Прим. пер.*

88 Джон Пассмор. Современные философы

смотрения общепризнанного допущения о том, что понимать предложение — значит быть способным точно определить условия его истинности. Против этого он высказывает два возражения. Во-первых, для понимания предложения нам нужно знать, как его значение выводится из значения составляющих его слов. Простая способность определить условия его истинности не сообщает нам этого знания. Во-вторых, мы часто понимаем предложение, не будучи способными определить условия его истинности. По сути, так и должно быть. Ибо, указывает Даммит, определить условия истинности — это и значит высказать предложение. Если мы уже не понимаем некоторые предложения, процесс определения условий их истинности никогда не сможет даже начаться.

Не следует ли в таком случае признать, что мы *либо* должны быть способными определять условия истинности, *либо* должны иметь «неявное знание» о них? Даммит готов допустить следующее: только при условии, что можно каким-то образом распознать, что человек считает предложение истинным — в этом вопросе Даммит не испытывает особых сомнений, — мы можем *иногда* определить, благодаря этому распознаванию, что у этого человека есть неявное знание условий истинности указанного предложения. Но только при особых обстоятельствах. Рассматриваемые условия истинности должны быть таковы, чтобы человек был способен их признать, когда они действительно имеют место, и он должен в том случае, если они имеют место,

признать предложение истинным. (Так, мы можем признать, что кто-то имеет неявное знание об условиях истинности предложения «Это красное», если он считает что-то красным тогда и только тогда, когда предмет, на который он указывает, действительно красный.) Конечно, в некоторых случаях человеку, возможно, потребуется что-то предпринять, чтобы установить, имеют ли место условия истинности, например когда кто-то утверждает, что «цветет сирень», ему, возможно, придется пойти в сад и проверить это. Эти и более сложные случаи не представляют проблемы для такого рода анализа. Если человек действительно располагает способом поместить себя в ситуацию, когда он может установить, имеют ли место определенные условия, и если он может продемонстрировать это, то тем самым доказываем, считает Даммит, наличие у него неявного знания.

Проблема остается в связи с тем, что, как утверждали интуционисты в отношении математики, имеется огромное множество предложений, для которых мы не располагаем эффективной процедурой установления их истинности, — например предложения, в которых мы утверждаем, что всё относящееся к определенному виду, говорим ли мы о будущем, настоящем или прошлом, должно обладать каким-то конкретным свойством, или предложения, которые мы используем для выражения контрфактических условных высказываний, или предложения, в которых мы утверждаем нечто о пространственно-временной области, в принципе недоступной для нас. Согласно Даммиту,

Глава 4. Дэвидсон и Даммит 89

эти случаи значительно более многочисленны, чем обычно считается. Двум примерам он придает большое значение: «В этом месте никогда не будет построен город» и «*X* является способным к изучению языков», когда это говорится о человеке, который в действительности никогда не имел дела с иностранными языками. (Ср. с «немым неизвестным Милтоном» Грея.) Правда, в особых случаях есть возможность напрямую установить наличие условий истинности для некоторого предложения из этого класса, например, человек доживает до того момента, когда то, что он считал контрфактическим условным высказыванием (скажем, «если бы нога человека ступила на Луну ...»), превращается в фактическое условное высказывание. Вместе с тем, Даммит настаивает на том, что в общем случае не могут выполняться условия, при которых человек обнаруживает неявное знание в отношении этих классов предложений.

Развивая свою мысль, Даммит формулирует «принцип С», который гласит, что если предложение истинно, «должно быть что-то такое, благодаря чему оно истинно». «Предложения наблюдения» могут быть «напрямую истинными», истинными благодаря тому, что мы непосредственно воспринимаем как имеющее место. Однако перечисленные выше классы предложений не являются предложениями наблюдения. Иногда предпринимаются попытки превратить их в якобы предложения наблюдения, представив себе существо, для которого прошлое и будущее столь же наблюдаемы, как и настоящее. Даже если можно усмотреть какой-то смысл в таком существе, утверждает Даммит, мы определенно не можем усмотреть смысла в понятии существа, «непосредственно созерцающего контрфактическую реальность».

Единственный выход, заключает Даммит, это отказаться от той точки зрения, что предложение *должно быть* или истинным или ложным совершенно независимо от имеющегося у нас знания и при отсутствии у нас какой-либо возможности установить его истинность, — точно так же в математическом интуционизме было отброшено допущение о том, что математическое высказывание *должно быть* или истинным или ложным, даже если у нас нет возможности доказать ни его истинность, ни ложность его отрицания. В интуционизме правильно утверждать математическое высказывание — значит с полным основанием заявлять о существовании его доказательства или о возможности его построения, а понимание такого высказывания состоит в «способности признать его доказательство, когда оно представлено». Если человек обладает способностью сделать все это, он может быть готовым продемонстрировать свою способность.

Распространение этой теории за пределы математики (таким образом, как это пытается делать Даммит) предполагает замену более узкого понятия доказательства более широким понятием

верификации. «Мы вправе утверждать, — пишет он в «Истине» (1959), — что предложение *P* должно быть либо истинным, либо ложным, что должно быть нечто такое, благо-

90 Джон Пассмор. Современные философы

даря чему оно является либо истинным, либо ложным, только в том случае, когда *P* представляет собой предложение такого вида, что мы могли бы в течение конечного времени поставить себя в ситуацию, в которой нам было бы оправданно утверждать или отрицать *P*, т.е. когда *P* является эффективно разрешимым предложением». Когда имеет место это «нечто», мы «правильно утверждаем» предложение — понятие «правильного утверждения» начинает играть более важную роль, нежели «истинность» предложений, поскольку Даммит считает правильность «первичным понятием». Мы неправильно утверждаем предложение, когда это «нечто» не имеет места. И мы знаем значение предложения только тогда, когда мы *знаем*, что имеется это «нечто», что считалось бы окончательным установлением правильности нашего утверждения. Неизбежно это учение наводит на мысль о логическом позитивизме в его первоначальном виде, а Даммита иногда сбрасывают со счетов как того, кто воскрешает старое. Однако, следуя Куайну — в этом еще раз проявляется его влияние, — Даммит, в отличие от позитивистов, отвергает ту точку зрения, что верификация, как правило, принимает форму указания на «простую последовательность чувственных впечатлений». Она может включать в себя все от чувственного опыта до математического доказательства благодаря многообразным отношениям следования.

Даммит, однако, пока не удовлетворен решением. Последующие размышления заставляют его поставить вопрос о том, не является ли фальсифицируемость более первичным понятием, нежели верифицируемость. Здесь опять же решающим оказывается вопрос: как может человек показать свое неявное знание? Мы можем с большей легкостью установить, утверждает он, что говорящий исключает какое-то конкретное состояние дел, чем определить, что что-то было показано как «истинное» или «ложное». Рассмотрим пример: «Если президент Австралии не придет, Мэри будет разочарована». Мы знаем, говорит он, что человек, произносящий эти слова, исключает возможность того, что президента Австралии не существует. Но мы не знаем, будет ли он считать—если ему вдруг случится узнать, что президента Австралии действительно не существует, — что этим показана ложность его первоначального высказывания, а не, скажем, его бессмысленность. Та же самая неопределенность имеет место и в более общем случае — в ситуации, когда человек считает себя вправе назвать условное высказывание «ложным»; он может иметь иное мнение по этому поводу, нежели имеем мы. Так Даммит подходит к теории, напоминающей теоретико-игровую семантику Яакко Хинтикки: «Утверждение — это своего рода азартная игра на то, что ошибка говорящего не будет доказана»¹¹. Характерно, что окончательный вывод, к которому он в итоге приходит, — это то, что фальсификационистская теория всего лишь «лучшая», по сравнению с альтернативами, «ставка в игре». Ибо, признает он, мы все же не можем с помощью такой теории показать, как «можно задать каждый аспект употребления некоторого предложения путем применения к нему этого центрального понятия». И пока

Глава 4. Дэвидсон и Даммит 91

это так, «мы не располагаем твердым основанием для претензии на знание того, что есть, в сущности, значение».

Наконец, обратимся к антиреализму Даммита¹². Понятие «антиреализм» никоим образом не является ясным; иногда антиреализм отождествляют с феноменализмом, иногда с инструментализмом, иногда с номинализмом. Однако в своей работе «Реализм» (1963) Даммит ясно отвергает ту точку зрения, что феноменализм является антиреалистическим, а в работе «Наука и здравый смысл» (1979) главным образом критикует инструментализм, заявляя, что наука есть продолжение наших повседневных убеждений и мнений, за исключением, пожалуй, ее высших уровней. По сути, многие реалисты прочли бы это с одобрением. Тогда в каком же смысле он является антиреалистом?

В предисловии к книге «Истина и другие загадки» (1978) он пишет следующее: «Весь смысл моего подхода к этим проблемам состоял в том, чтобы показать, что теория значения образует

основу метафизики. Если я и внес какой-либо вклад в развитие философии, то, думаю, он состоит именно в такой постановке этого вопроса». Если он что-то сделал — в некоторых отношениях здесь на ум приходит Карнап, — так это предложил такой способ доказательства против реализма, который тесно связан с его семантической теорией. Разногласие, утверждает он, касается не класса сущностей, а класса предложений, будь то предложения о физическом мире или о ментальных событиях, математические предложения, предложения, сформулированные в прошедшем или будущем времени, и т.п. И вопрос состоит в том, обладают ли такие предложения «объективным истинностным значением независимо от имеющихся у нас средств установить это». (Конечно, кто-то мог бы ответить, что одни из них обладают, а другие — нет. Можно быть, скажем, антиреалистом в отношении математики, но не в отношении предложений о материальных объектах.) Согласно реалисту, эти предложения обладают таким истинностным значением; антиреалист же утверждает, что «предложения рассматриваемого класса должны быть поняты только со ссылкой на то, что считается подтверждающими данными для предложений этого класса». Реалист принимает принцип двужначности, а антиреалист — нет. (Позже Даммит высказывался менее решительно об этом различии.) Здесь мы подошли к тому, что уже нам знакомо. По сути, излагая семантику Даммита, мы излагали его антиреализм. Конечно, он рассматривает конкретные эпистемологические вопросы, особенно в работе «Наука и здравый смысл», однако у нас нет возможности последовать за ним в это более детальное обсуждение, подчеркнем лишь, что Даммит отнюдь не является абсолютно убежденным антиреалистом, каким его иногда представляют.

Реалист, по его мнению, одержал слишком легкие победы, поскольку отсутствовало ясное понимание реально затрагиваемых вопросов. Но даже когда это понимание достигнуто, не так-то легко решить вызывающие разногласия вопросы, например вопрос о том, «не могли бы мы вывести из

92 Джон Пассмор. Современные философы

нашего обучения употреблению прошедшего времени ту концепцию истины применительно к предложением о прошлом, которую реалист делает вид, что понимает». Даммит абсолютно убежден только в том, что он, по крайней мере, знает, как следует вести подобные споры — как имеющие отношение к тем основаниям, на которых предложения оцениваются как истинные или ложные.

Почему же тогда обычно предполагается, что реализм имеет отношение к существованию объектов? Даммит рассматривает этот вопрос применительно к философии математики. По общепринятому мнению, «платонист» утверждает, что существует объективная математическая реальность, состоящая из абстрактных объектов, соединенных в абстрактные структуры, тогда как интуционист считает, что математическая реальность — это нечто, создаваемое нами. Даммит не отрицает, что и тот и другой работают, имея перед собой некий образ: для платониста математик является чем-то вроде астронома или географа, а для интуциониста — чем-то вроде писателя с богатым воображением. Однако эти образы, эти метафоры, уверяет нас Даммит, имеют своим источником воззрения относительно того, должны ли быть математические предложения определенно истинными или ложными; они не служат онтологическим основанием для платонистских или интуционистских доводов. Сходные соображения применимы ко всем разновидностям реализма и антиреализма.

По сути, антиреализм — это универсальная позиция, предусматривающая определенный подход к широкому кругу спорных вопросов, которые, как оказывается, имеют значительно больше общего, чем мы вначале предполагаем. Антиреализм имеет одно следствие, которое кто-то сочтет нежелательным. Поскольку им отвергается принцип двужначности, отсюда следует, что некоторые известные формы вывода не являются больше корректными — например, из высказывания «это не истинно» некорректно теперь выводиться, что «это ложно». Но это, утверждает Даммит, не является *reductio ad absurdum*. Это было бы таковым, если бы пересмотр затронул более широкие области, поскольку теория, как правило, имеет целью «объяснить существующую практику, нежели критиковать ее». Но, как и в случае математики, может оказаться неизбежным некоторый отход от классической логики и обычной лингвистической практики, если мы строим систематическую

теорию значения. Мы ни в коей мере не обращаемся к «обыденному языку» как к последней инстанции. (Даммит поясняет, что, хотя он считает Остина «бесспорно талантливым человеком», вместе с тем «воздействие его работ на других во многом было пагубным».)

Почти двадцать лет отделяют публикацию первой статьи Даммита по реализму от появления его второй статьи под тем же названием (*Synthese*, 1982). Даммит продолжает твердо придерживаться своего главного тезиса: спор между реализмом и антиреализмом вращается вокруг интерпретации

Глава 4. Дэвидсон и Даммит 93

класса предложений и сводится к тому, принимаем ли мы в отношении этого класса предложений теорию значения как знания условий истинности и принцип двусмысленности или нет. Однако в более поздней статье Даммит несколько ослабляет эту жесткую связь. Так, он признает, что имеется «сравнительно умеренная» разновидность антиреализма, как, например, феноменализм, хотя и продолжает считать «крайне сомнительным, можно ли вообще охарактеризовать классического феноменалиста как придерживающегося антиреалистической позиции».

Классические феноменалисты, вследствие их «долгой привязанности к предложениям о материальных объектах», все еще признают принцип двусмысленности в отношении условных сослагательных высказываний, в которые они переводят определенные предложения о материальных объектах, т.е. в отношении условных высказываний типа «Если бы кто-нибудь прикоснулся к этому предмету, он ощутил бы тепло». Но в то же время они не могут, подобно реалисту, утверждать, что это высказывание истинно, поскольку предмет был горячим. Поэтому они могут придерживаться той точки зрения, что подобное условное высказывание должно быть либо истинным, либо ложным, не имея во многих случаях возможности «дать какой-либо нетривиальный ответ на вопрос, благодаря чему подобное высказывание истинно». (Даммит считает предложения истинности Тарского, используемые для перевода, тривиальными в этом контексте.) Как заключает отсюда Даммит, феноменалистам, чтобы быть последовательными, *следует* быть антиреалистами в том более строгом смысле, который придавал этому термину он; именно поэтому, полагает он, мы обычно и считаем их таковыми.

Он больше не стремится утверждать, что всякий, кто принимает принцип двусмысленности, автоматически является реалистом. Но он все еще убежден в том, что вопросы реализма касаются проблем теории значения. Он также продолжает настаивать на том, что многие из тех, кого мы, видимо, склонны называть антиреалистами только потому, что они считают предложения об определенных классах сущностей основывающимися на предложениях о некотором другом классе сущностей, не заслуживают такой «честь».

94 Джон Пассмор. Современные философы Глава 5

Глава 5. РЕАЛИЗМ И РЕЛЯТИВИЗМ

Обсуждение спора между реалистами и антиреалистами характерно не только для Даммита: этот спор вновь выдвинулся в центр философских баталий. Как заявляет Нельсон Гудмен в работе «Способы создания миров» (1978), «движение идет от единственных в своем роде истин и строго определенного и открываемого мира к многообразию правильных и даже не согласующихся вариантов или миров, находящихся в процессе создания». Это движение, по его словам, было начато Кантом, продолжено затем К.С.Льюисом, и ему безуспешно пытаются противодействовать реалисты разного толка. Свою собственную позицию Гудмен описывает как «радикальный релятивизм при строгих ограничениях, который имеет своим следствием нечто близкое ирреализму». Раз имеются «строгие ограничения», то воображение не получает абсолютной свободы, но это не те ограничения, которые налагаются реализмом или фактами. Гудмен еще один философ, восхищающийся дерзостью досократиков, которые «совершили почти все важные открытия и ошибки в истории философии», занимаясь построением систем на основе выбранных ими исходных начал I.

Даммит, что не свойственно англичанину, тщательно изучил «Структуру явления» (1951) Гудмена — работу колоссальной сложности, созданную по образцу «Логического построения мира» Карнапа, хотя вдохновенную более поздним карнаповским «принципом терпимости». Подобно Карнапу, Гудмен отталкивается от некоторого множества исходных идей, связанных элементарными отношениями и объединенных общими определениями. Однако на этой основе он пытается построить не определенный мир, а какой-то мир. Он называет свою исходную точку «реалистической», поскольку в качестве атомов берет такие «чувственные качества», как цвета, звуки, тепловые градации, моменты времени и физические местоположения, а не поперечные сечения опыта, как это делает Карнап. (От Карнапа его отличает также то, что он строит свою систему в «номиналистической» логике, не допускающей никаких сущностей кроме индивидов, в отличие от «платонистической» логики, не исключающей ссылки на классы.) Но он определенно, даже в 1951 г., не был реалистом в обычном понимании. Для него недопустим вопрос: «Но состоит ли *действительно* мир из чувственных качеств, сегментов опыта или физических объектов?»

Подобно Даммиту, хотя и с совершенно иным представлением о вытекающих отсюда следствиях, Гудмен полагал, что для философии давно настало время стать научной. Однако для него это не означает, что ей следует пытаться продемонстрировать на основе исходного множества не подле-

Глава 5. Реализм и релятивизм 95

жащих сомнению данных, какой должна быть общая структура мира. Наука, по его мнению, состоит не в этом. У Гудмена чувственные качества не являются чистыми объектами восприятия, предоставляемыми нам в ходе непосредственного, не подлежащего сомнению постижения мира. Скорее, они *выбранный* им исходный пункт. Он не готов принять ни более позднюю позицию Айера, считавшего феноменализм единственно пригодной отправной точкой, ни позицию, которой Айер придерживался какое-то время и согласно которой система, возводимая на одной исходной основе, будет отличаться от других лишь языком и будет переводимой в системы, возведенные на других исходных основах. Разнообразные исходные основы, по его мнению, являются одинаково пригодными — хотя определенная исходная основа может быть более предпочтительной благодаря тому, что на ней может быть построена более всеобъемлющая система, — а возведенные на этих основах системы вполне могут содержать несовместимые предложения.

В 1968 г. Гудмен написал книгу под названием «Языки искусства». Это обстоятельство важно по двум причинам. Во-первых, этим названием подчеркивается преобладающий интерес Гудмена к символическим системам, что отличает его от Канта, уделявшего главное внимание структуре сознания, и К.С.Льюиса, придававшего важное значение понятиям. Во-вторых, становится очевидным, что Гудмен, в отличие от тех его современников, которые в других отношениях близки ему по духу, относится к искусству очень серьезно, видя в разных его видах «способы открытия, создания и расширения знания в общем значении углубления понимания». Это существенно влияет на то, какой спектр «миров» или «вариантов» он готов принимать во внимание. Куайн, например, согласен с Гудменом относительно возможности построения альтернативных научных теорий, которые не являются переводимыми друг в друга и которые были бы «одинаково разумными». Однако попытка Гудмена с равным уважением отнестись к миру здравого смысла — не говоря уже о «мире» Рембрандта или даже «мире» абстрактных художников — «погружает», по мнению Куайна, «в абсурд».

Учитывая эти предварительные замечания, обратимся теперь к доводам Гудмена в пользу «радикального релятивизма». В каком-то смысле они напоминают аргументы Беркли против локковской теории субстанции. Всякий признал бы, что существуют различные, порой не согласующиеся, порой несовместимые, «варианты» мира. Так, например, туристы, посетившие Китай, могут в различных вариантах поведать нам о том, какова жизнь в этой стране. Возможно, это происходит просто потому, что их интересуют или заботят разные вещи. В этом случае мы можем согласовать их различные варианты, говоря, к примеру, следующее: «как художник, он...» или «как социалист, он...» Или же мы можем привлечь внимание к тому обстоятельству, что они

посетили разные области Китая или посетили одну область, но в разное время. Однако иногда эти методы согласования могут подвести нас. Два

96 Джон Пассмор. Современные философы

разных варианта, как говорится, «прямо противоречат друг другу». В таком случае мы обычно делаем вывод, что тот или другой вариант просто ошибочен. Какой из вариантов неправилен или же они оба неправильны — зависит оттого, что же действительно происходит в Китае. Когда же философы, рассуждающие на значительно более высоком уровне обобщения, расходятся во мнениях относительно общей структуры мира, мы обычно придерживаемся той же позиции, т.е. считаем, что их «варианты» структурирования мира являются правильными или неправильными в зависимости оттого, как мир *в действительности* структурирован. Гудмен отвергает неявное допущение, на которое опирается эта процедура, т.е. допущение о том, что вариант является правильным, если мир имеет такой-то характер.

Нам следует, скорее, признать, считает Гудмен, что характер «мира» зависит от правильности нашего описания. Ибо «и мы не можем проверить какой-то вариант, сравнив его с миром, который никем не описан, не изображен, не воспринят». «Все, что мы можем знать о мире, — говорит он, — содержится в правильных его вариантах». У нас нет возможности выйти за рамки конкретного «варианта», с тем чтобы установить, каков же «мир в действительности» — также, как утверждал Беркли, у нас нет возможности выйти за рамки наших конкретных перцепций, с тем чтобы установить, какова же в действительности «лежащая в основе вещей субстанция».

Гудмен называет себя поэтом плюралистом. Он поясняет, что не против науки; его выводит из себя мистический или гуманистический обскурантизм, столь характерный для 1970-х годов. Не принимает он и тех «возможных миров» в стиле Льюиса, созданием которых и манипулированием с которыми, замечает он с сарказмом, «занимаются многие мои современники, особенно близко живущие от Диснейленда». (Монтегю жил в Лос-Анджелесе.) Все многочисленные миры Гудмена, за исключением тех, что не удовлетворяют определенным ограничениям, можно считать действительными — именно так он их воспринимал в своих более ранних произведениях. Что он отвергает, так это физикализм, согласно которому физика имеет превосходство над другими вариантами и все в себя включает, так что любой другой «вариант должен быть либо редуцируемым к ней, либо бессмысленным»; нельзя, говорит он, свести мировосприятие Констебля или Джойса к физике.

Как же люди, будь то художники, ученые или философы, строят миры? Мы не можем создавать миры из ничего; скорее, мы переделываем, чем создаем заново — переделываем мир, который стал для нас привычным. Мы совершаем это, говорит Гудмен, путем разложения, удаления, дополнения, переоценки, выстраивания в новом порядке. Но что служит нам ограничением? И когда следует говорить, что наша переделка мира оказалась успешной? Критерием, как мы обычно отвечаем, является истина. Но ее нельзя больше трактовать как «соответствие реальности». Скорее, «вариант считается истинным тогда, когда он не подрывает никаких твердых убеждений».

Глава 5. Реализм и релятивизм 97

и не нарушает никаких собственных правил». К «твердым убеждениям» могут в данный момент времени относиться «долговечные отражения в сознании законов логики, мимолетные отражения текущих наблюдений и другие убеждения и предрассудки, укоренившиеся с разной степенью прочности». Правила могут касаться «выбора между альтернативными системами отсчета, оценками и основаниями для построения выводов». Черта между убеждениями и правилами не является «ни четкой, ни устойчивой».

Так, предложение о точках — если воспользоваться излюбленным примером Гудмена — может быть истинным в системе, где точки определяются индивидуальным образом и где приняты номиналистические правила, и ложным в системе, которая исходит из другого определения точек и принимает «платонистические» правила. Истину, подчеркивает он далее, открыть очень просто при условии, что мы будем обращать внимание только на тривиальности. Ученые занимаются

поиском области применения и простоты, а не истин. А поскольку, утверждает он также, нам следует считать «вариантом» наряду с выраженной словесно теорией не выраженную в словах картину, будет лучше говорить о «правильности», а не об «истине». (В течение нескольких десятилетий бытовало мнение, что Тарский реабилитировал понятие истины, а вместе с ним и понятие «соответствия фактам». Но в случае как Даммита, так и Гудмена — если сослаться на них только как на примеры — «соответствие» исчезает, а истина отходит на второй план, становясь подчиненной «корректности», «правильности» или «рациональной утверждаемости» или заменяясь этими понятиями.)

Тем не менее остается вопрос: «В чем состоит правильность?» Каким именно «строгим ограничениям» подчиняется радикальный релятивизм Гудмена? Отнюдь не просто понять ответ Гудмена на этот вопрос. Похоже, он с большим удовольствием пропагандирует свой релятивизм или обсуждает, в каком смысле даже музыка и абстрактное искусство могут считаться «вариантами», нежели объясняет, почему нам следует с готовностью принять ограничения, а не позволить бурно расцвести нашим фантазиям. «Правильность подгонки» становится центральным понятием Гудмена. Разумеется, речь идет не о «подгонке» к независимо существующему миру. Если мы хотим знать, «правильна ли композиция картины или правильное ли описание дает предложение», мы, говорит он, «проверяем ее подгонку», но всегда в рамках некоторой системы, ибо «правильная композиция в мире Рафаэля может оказаться неправильной в мире Сера». Для выбора между системами существует множество критериев. Они включают когерентность — которая переживает заметное возрождение сейчас, когда тот факт, что истинное в одной когерентной системе может быть ложным в другой, больше не расценивается как недостаток, — дедуктивную правильность, индуктивную правильность, «эстраполируемость», простоту, область действия, изначальную правдоподобность. Можно ли с помощью этих критериев помешать сползанию радикального реля-

98 Джон Пассмор. Современные философы

тивизма в скептицизм — в этом состоит главный спорный вопрос.

Разумеется, не следует полагать, что в 1970-е годы реализм не имел сторонников. В книге «Объективное знание» (1972) Карл Поппер, следуя традициям Платона, Гегеля с его «объективным духом», Больцано и Фреге, доводит определенного рода реализм до его крайнего выражения². Он выделяет три мира, не настаивая ни на слове «мир», ни на точном их количестве. Первый мир содержит физические объекты и состояния; Второй мир — ментальные объекты и состояния; Третий же мир включает в себя «объективное содержание мысли, в частности научной и поэтической, и произведений искусства».

В отношении всех трех миров Поппер является реалистом. Однако свою главную цель он видит в защите автономности Третьего мира, в особенности против той точки зрения, что из каких бы конституэнтов этот мир, по его мнению, ни состоял — из проблемных ли ситуаций, критических аргументов, содержания журналов и книг или, по аналогии с физическими и ментальными состояниями, из «состояний дискуссии», он или принадлежит ко Второму миру, или является его выражением. Поппер считает Третий мир естественным продуктом, подобным сети паука. Он берет свое начало в том, что создается людьми, и в то же время оказывает обратное действие на сознания и физические объекты. Вместе с тем он развивается автономно в ходе процессов, очень напоминающих естественный отбор.

В качестве примера он берет натуральный ряд чисел. Он признает, что создаем этот ряд мы. Но будучи однажды созданным, он ставит перед нами проблемы. Это, в свою очередь, заставляет нас предпринимать (во Втором мире) усилия для их решения. Наши решения добавляют новые объекты в Третий мир — новые сущности, новые предположения, ставят новые, непредусмотренные, проблемы. «Хотя третий мир является человеческим продуктом, — пишет Поппер, — многие теории, аргументы и проблемные ситуации существуют сами по себе, и они никогда не были созданы или осознаны и, возможно, они никогда не будут созданы или осознаны людьми».

Великим врагом для Поппера является субъективизм. Им заражена, полагает он, даже сама наука; он пытается изгнать его из теории вероятности и из квантовой механики с помощью своей бессубъектной эпистемологии, для которой имеет значение то, *что* находится перед сознанием, а не *то*, что оно находится перед сознанием. Однако нельзя утверждать, что его квази-платонистической разновидности объективизма удалось преградить путь субъективизму. Философов очень редко радуют их детища, а их первые детища и тем более. Поппер оказал влияние своей критикой индукции, своей идеей о том, что выбор базисных предложений «наблюдения» определяется конвенцией, что все наблюдения определяются теорией. Вопреки намерениям Поппера, эти его учения, соединясь с другими философскими течениями, способствовали созданию антиреалистических, а отнюдь не реалистических философских концепций, укрепляя субъективизм, а не одерживая над ним

Глава 5. Реализм и релятивизм 99

верх. В других случаях прежние негибкие защитники реализма перешли в другую веру. Интеллектуальная биография Хилари Патнэма особенно поразительна в этом отношении, хотя кто-то сказал бы, что писать о «философии Патнэма» все равно что пытаться поймать ветер рыболовной сетью.

Патнэм приобрел репутацию энергичного участника современных философских дебатов до того, как вышли в свет два тома его «Философских работ» (1975). Когда же они вышли, стало очевидным, что его статьи за предыдущие пятнадцать лет были не только стремительными атаками, но и составили связное собрание трудов, посвященных двум основным темам — реализму и пересматриваемости научных теорий, а главным его методом было разрушение и ослабление антитез. Рассмотрим сначала идеи Патнэма до его перехода в другую веру.

Начнем с философии математики. В статье «Что есть математическая истина?» Патнэм присоединяется к мнению Полайи и Лакатоса, утверждая, что математические рассуждения имеют значительно большее сходство с рассуждениями в эмпирических науках, нежели это обычно допускается философской традицией, что в математике вполне могут быть приемлемыми квазиэмпирические аргументы. Он, конечно же, не утверждает, что математика *есть* эмпирическая наука или что для математики не важно доказательство. Но он старается ослабить силу традиционной антитезы³.

Он также утверждает, что математические предложения подвержены пересмотру. У нас есть очень серьезные основания считать, что математика в существенных своих аспектах правильна. Никаких альтернативных гипотез не предвидится. Тем не менее, говорит он, нельзя исключить возможность того, что некоторые математические утверждения являются ложными. Возможно, новые открытия заставят нас отказаться даже от фундаментальных логических принципов, которые обычно считаются менее всего подверженными пересмотру. Так, согласно Патнэму, формальный аппарат квантовой механики может стать причиной для нашего отказа от двузначной логики. Философам, отмечает он с досадой, до сих пор не удалось осознать последствия ниспровержения евклидовой геометрии — «наиболее важного события в истории науки для эпистемологов». Они не хотят признать, что оно означает отказ от истины, которая прежде считалась «необходимой» и согласно которой физическое пространство является евклидовым; стало быть, это не просто открытие того, что можно строить альтернативные геометрии, отталкиваясь от различных аксиом. «Общепринятое объяснение, — пишет он, — просто позор».

Это что касается подверженности пересмотру. А как быть с *реализмом* в математике? Патнэм горячо отстаивает реализм против номинализма, конвенционализма и интуиционизма. Ни физика, ни логика, утверждает он, не могут обойтись без множеств. Вместе с тем его не вполне устраивает и «платонистический» подход. Можно, предлагает он, дать альтернативное объяс-

100 Джон Пассмор. Современные философы

нение математическим фактам в модальных терминах, рассматривая множество как «постоянную возможность отбора», но номиналисту не найти в этом утешения. По его мнению, утверждение

«существует множество целых чисел, удовлетворяющих некоторому математическому условию» незначительно отличается от утверждения «есть *возможность* отобрать целые числа, удовлетворяющие этому условию». Хотя он не стремится создать новую, модальную, философию математики, в такого рода альтернативных переводах он видит способ унять наши сомнения относительно реальности множеств.

В своей философии науки Патнэм также настаивает как на реализме, так и на подверженности пересмотру. Однако в отношении подверженности пересмотру он принимает одну важную оговорку: мы не должны, утверждает он в «Философии физики» (1965), уподоблять такие предложения, как «Пространство трехмерно», обычным эмпирическим обобщениям. Кант правильно считал, что подобные предложения принадлежат к особой категории, хотя и ошибался, относя их к тому, что не подвержено пересмотру. «По сути, можно было бы сказать, — подводит итог Патнэм, — если бы это не звучало как злоупотребление остроумием, что в физике *есть* необходимые истины, но они могут пересматриваться при необходимости!» То есть некоторые «структурные принципы» *могут* пересматриваться, но их пересмотр — это «совершенно другое дело, нежели пересмотр обычных эмпирических обобщений». (Безусловно, Куайн придерживается сходной точки зрения.)

Одно из предложенных Патнэмом обоснований реализма основывается на этом различии. Существование материальных объектов, по его мнению, нельзя, строго говоря, назвать «теорией», имея под этим в виду, что некоторый ученый выдвинул ее как гипотезу, затем ее подвергли жесткой критике, а в итоге приняли как «хорошо подтвержденную теорию материальных объектов». Напротив, в науке ее считают само собой разумеющейся, как когда-то считали трехмерность пространства. Поэтому она есть «необходимая истина» в том единственном смысле, в каком существуют необходимые истины.

Более тщательно он стремится обосновать, что существуют не только электроны, но и физические поля и физические величины. Это подводит его к критике как Ганса Рейхенбаха, так и Адольфа Грюнбаума. Вместе с тем эти философы науки очень важны для него. Как мы уже отмечали ранее, Рейхенбах и Грюнбаум в свое время были единственными философами, которые окунулись в рассмотрение классических проблем времени, пространства и причинности, как эти проблемы ставятся в теории относительности и квантовой механике⁴. По большей части работы Патнэма в философии науки носят такой же общий характер; мы уже цитировали его замечание из «Философии физики» о том, что «философия физики является продолжением самой физики», а не является метатеорией о том, как работают физики. Такие статьи, как «Взгляд философа на квантовую механику» (1965), ясно иллюстрируют, что он имеет в виду. По его мнению, математика, наука и философия

Глава 5. Реализм и релятивизм 101

фия взаимопроникают друг в друга. (В период расцвета философии обыденного языка фраза «это эмпирический вопрос» ставила точку в дискуссии. Сегодня нет.)

Однако мы не будем рассматривать интерпретацию Патнэмом квантовой механики, а, скорее, коснемся того, что он говорит об общей теории исследования. Здесь мы вновь обнаруживаем, что он — например в статье «Чем теории не являются» (1962) — разрушает различия и таким образом «разрешает» известные философские проблемы. Так, он отвергает важное для Карнапа противопоставление «теоретических» терминов и терминов «наблюдения», а вместе с ним и проблему из взаимосвязи. Или он отвергает его, по крайней мере, в том случае, если под «теоретическим термином» не понимают просто термин «научной теории». А подобные термины, говорит он, могут обозначать нечто наблюдаемое, как, например, «спутник». Мы знакомимся с теоретическими терминами точно таким же образом, как и с другими терминами; по мнению Патнэма, в них нет ничего особенного, ничего, что должно вызывать у нас затруднения, если только мы каким-то образом не редуцировали их к «наблюдаемому». Уже такие, как есть, они совершенно понятны, никоим образом не элиминируемы и обозначают объекты, существование которых, как правило, хорошо обосновано. По сути, нет никакой возможности провести различие между предложениями наблюдения и теоретическими предложениями⁵.

Другая заметная особенность патнэмовской философии науки состоит в том, что он связывает науку с практикой в характерной для американцев манере. «Первостепенная важность идей, — пишет он, — заключается в том, что они являются руководством для практики, что они придают структуру целым формам жизни». Истинные идеи — это «идеи, приносящие успех». Согласно Патнэму, как Поппер, так и сторонники теории подтверждения придают слишком большое значение предсказательной силе гипотез по сравнению с их объяснительной способностью и способами их применения. В результате они считают, что гипотеза важнее для подтверждения или фальсификации, нежели для применения. А для применения гипотезы ученому или инженеру нужно, чтобы она была надежной, хотя они готовы признать возможность случайных отклонений, как таковых.

Патнэм признает влияние, оказанное в этом вопросе книгой Томаса Куна «Структура научных революций» (1962), благодаря которой понятие «парадигма», прежде использовавшееся только в грамматике, словно чума, распространилось по всему интеллектуальному ландшафту⁶. В противовес Поп-перу, Кун придерживается той точки зрения, что на этапе «нормальной науки» ученые посвящают свое время не тому, чтобы как можно строже проверять гипотезы, а тому, чтобы решать «головоломки». Делают они это, имея перед собой в качестве образца решения, с которыми они научились иметь дело в ходе своей научной подготовки, а также располагая приобретенной

102 Джон Пассмор. Современные философы

тогда информацией и усвоенными ценностями. Это процесс прерывается научными революциями, не только теми эффектными революциями (как, например, создание Эйнштейном теории относительности), которым придавал столь важное значение Поппер, но и относительно мелкими революциями, затрагивающими иногда лишь небольшое научное сообщество. В период между революциями парадигмы не ставятся под сомнение. Коллин-гвуд ранее утверждал, что это верно в отношении метафизических предположений; Кун же имеет в виду предположения более детализированные, имеющие отношение скорее к практике, чем к теории.

Как реалист, Патнэм не мог во всем согласиться с Куном. По сути, идеи Куна были восприняты представителями многих современных разновидностей антиреализма, и часто этому способствовал — несмотря на возражения Куайна — его тезис об «онтологической относительности» и принцип «неопределенности перевода». Патнэм обвиняет Куна в том, что тот в вопросе истины и значения придерживается «взглядов, которые являются релятивистскими и, с ... [его] точки зрения, неправильными». Куайн говорил о Куне и о таких философах науки, как Норвуд Хэнсон и Майкл Пола-ни, что они имеют склонность «преуменьшать роль данных и акцентировать культурный релятивизм»⁷.

В постскрипуме 1969 г. к «Структуре научных революций» и в предисловии к «Существенному конфликту» (1977) Кун дистанцируется от некоторых своих поклонников и отвечает на обвинение в релятивизме, выдвинутое против него Патнэмом и Куайном. Он делает упор на *особом характере* (differentness) науки. Хотя его симпатии находятся на стороне социологических исследований научных институтов, он критикует тех социологов знания, которые, «опираясь на ... [его] труды и иногда неформально называя себя «кунианцами»», отвергают, порой «очень громогласно», его учение о том, что ученые обладают единой совокупностью общих ценностей. Он выражает тревогу по поводу попыток обобщить его идеи путем применения их к формам культурной деятельности, в которых ничто не соответствует интенсивному научному образованию, подготавливающему ученых к работе в «нормальной науке».

Тем не менее он все еще убежден — и здесь с ним не согласен Патнэм, — что изменение парадигмы влечет за собой изменение значения тех научных терминов, которые сохраняются при новой парадигме. Приверженцы новой и старой парадигм, по его мнению, видят мир по-разному, даже когда продолжают употреблять одни и те же слова. Следовательно, «они должны и слова использовать по-разному», придерживаясь «несоизмеримых точек зрения». Как только они осознают свою принадлежность к разным языковым сообществам, они могут попытаться осуществить перевод с языка старой парадигмы на язык новой. Однако, скорее всего, им вряд ли

это удастся сделать, только если они не перейдут в новую парадигму, язык которой станет для них «род-

Глава 5. Реализм и релятивизм 103

ным». Старым ученым это сделать труднее, и это объясняет, почему они не так свободно владеют новым языком, даже когда умеют переводить с него; они продолжают говорить на нем «как иностранцы».

Кун отвергает обвинение в том, что, с его точки зрения, ученые меняют парадигмы довольно произвольным образом, хотя он признает, что эта смена не обусловлена чисто рациональными соображениями. Переходу ученых в другую парадигму может предшествовать, говорит он, осознание того, что привычные способы решения головоломок работают не столь хорошо, тогда как «новообращенные» ученые решают головоломки, прежде не поддававшиеся решению, головоломки, которые можно сформулировать в обычном языке. Их новый подход кажется все менее странным по мере постепенного распространения нового языка, а новые аргументы со временем начинают считаться убедительными. (Аналогия с иными видами «обращения в другую веру» здесь очевидна; основания необходимы, хотя и недостаточны.)

Кроме того, Кун далек от того, чтобы отрицать прогресс в науке. Он не утверждает, как это делает релятивист, что одно воззрение столь же хорошо, как и любое другое. Однако для него прогресс состоит в растущей способности решать проблемы, а не, как это обычно предполагается, в «достижении лучшего представления о том, что есть природа на самом деле». Здесь антиреализм очевиден.

Патнэм критикует Куна за то, что тот не проводит различия между разногласиями по поводу фактов и разногласиями по поводу значения слов. Новые научные теории предоставляют нам новые факты относительно мира — скажем об эволюции видов, — а не новый язык или новые значения для старых слов в том абсолютном смысле, который имеет в виду Кун. Если мы не можем провести различие между разными видами разногласий, нам следует, считает Патнэм, отказаться и от самого понятия значения. (Даммит, как мы видели, выдвигает сходную идею.) Для реалиста, утверждает Патнэм, здесь нет никаких проблем. Независимо оттого, как может измениться наша теория в отношении электрического заряда, референция этого слова не изменится. В нашей новой теории мы продолжаем говорить о той же самой физической величине, и мы можем определить ее — выделив, скажем, как «величину, причинно обуславливающую определенные эффекты» — совершенно независимо от «самого что ни на есть резкого изменения теории». Он принимает девиз Пола Зиффа: «не следует постулировать без необходимости различия в значении». Изменения во взглядах, по его мнению, не представляет такой необходимости.

В ходе рассмотрения этого вопроса Патнэм разрабатывает в работе «Аналитическое и синтетическое» (1962) первую из его теорий «естественных видов». (Благодаря своей «расселовской» способности менять точки зрения, Патнэм очень удобен для наших целей. Он — сама история нынешней философии в общих чертах.) Термины зрелой науки, утверждает он в той статье, — это «естественные виды» в том смысле, что они являются «понятиями, образованными пучком законов». «Энергия», например, фигурирует в боль-

104 Джон Пассмор. Современные философы

шом количестве разных законов, выполняя разные роли; именно эти разнообразные законы и роли при выведении следствий, а не роль в некотором единственном законе, определяют значение этого термина. В результате, заключает он, любой такой закон может быть отброшен, и это не повлияет на «тождественность образованного этим пучком понятия». (В этом пункте сильно влияние Витгенштейна.) Экстенционал термина остается тем же самым: «Виды энергии и их действие таковы, какими были всегда, и именно о них говорили физики до Эйнштейна», хотя закон $e = 1/2mv^2$ был заменен на более сложный закон. Поэтому было бы поспешным утверждать, что любой закон относительно энергии является аналитическим. Предложения о холостяках находятся в

совершенно ином положении. Нет ни одного закона вида «Все холостяки есть ...», который бы не допускал исключений, кроме «Все холостяки (есть) не женаты». Поэтому ничего не может произойти, если мы решим *всегда* считать его законом (это не потребует, чтобы мы заранее решили не учитывать новых открытий). А с точки зрения языка полезно иметь определенное число однокритериальных слов для облегчения коммуникации. Таким образом Патнэм принижает важность различия между синтетическим и аналитическим, хотя и не отвергает его полностью.

Свою теорию «естественных видов» Патнэм разрабатывает в статье «Возможна ли семантика?» (1970). Согласно традиционной точке зрения, говорит он, быть лимоном значит обладать некоторыми определяющими характеристиками, которые вместе образуют «интенционал» слова «лимон» — например быть желтым, кислым на вкус — и которые определяют, что мы считаем лимоном, что входит в его «экстенционал». Но проблема состоит в том, что не все лимоны имеют эти характеристики; существуют нестандартные лимоны. (У Райла было излюбленное выражение «с определенными скучными исключениями»; здесь же исключения трактуются как жизненно важные.) Самое большее, что можно утверждать, так это то, что существует «стереотип лимона», «образцовый» лимон, который имеет вышеупомянутые характеристики и с которым все лимоны нежестко связаны. Но как же в таком случае исключить пластиковые лимоны, которые определенно похожи на лимоны во многих из этих аспектов? Для этого, отвечает Патнэм, потребуется научное исследование, а не «анализ значения». В случае пластикового лимона, естественно, это исследование будет очень простым.

В работе «Объяснение и референция» (1973) Патнэм критикует свою более раннюю статью (хотя продолжает придерживаться своих прежних аргументов) не только за ее «плохую организацию» — на этот недостаток многих его статей указывали другие критики, — но за то, что в ней не дается четкого объяснения «условий, при которых человек, употребляющий некоторое слово (скажем «алюминий» или «вяз»), ссылается на одно из этих множеств вещей, а не на другое», даже если этот человек не мог бы для себя отличить алюминий от молибдена, или вяз от бука, или лимон от лайма.

Глава 5. Реализм и релятивизм 105

Здесь он обращается к фантастической истории. Допустим, существует планета под названием «Двойник Земли», почти во всех отношениях подобная нашей планете — «Земле номер Один», ее обитатели даже говорят по-английски. Однако есть одно различие — на Земле номер Два вода представляет собой не H_2O , а имеет совершенно другое химическое строение XYZ. При этом по вкусу, виду и назначению она точно такая же, как наша вода. Если бы знающий химию обитатель Двойника Земли посетил Землю номер Один, вначале он, несомненно, решил бы, что слова «вода» имеют одно и то же значение на обеих планетах. Но в конечном счете он убедился бы в том, что ошибался, и послал бы такое сообщение: «На Земле номер Один вода означает H_2O , а не XYZ». Теперь представим себе, что этот его визит пришелся на 1750 г., т.е. на время, когда еще были неизвестны соответствующие химические формулы. В этом случае он не смог бы установить различие между нашей и их водой. Было бы с его стороны ошибкой в такой ситуации послать сообщение, что вода на обеих планетах означает одно и то же? Как реалист, Патнэм отвечает «да».

Антиреалист, пожалуй, счел бы, что посетитель имел «все основания» послать то сообщение, которое он послал, и что «истина» равнозначна лишь «оправданной утверждаемое™» — или сопоставимому с ней понятию. По его мнению, *когда-то* было истинным, что вода имеет одно и то же значение на обеих планетах; больше это не является истинным. Или, если сказать то же самое другими словами, референция «воды» (то, относительно чего термин «вода» «истинен») когда-то включала в себя все те жидкости, которые имели определенный вкус, применение и т.п., но теперь включает только жидкости, имеющие в своем составе определенные молекулы. Но этот ответ, по мнению Патнэма, полностью противоречит как нашей повседневной практике, так и практике ученых, ибо обе эти практики зависят от понятия роста знания. Мы обычно считаем, что сегодня ученые знают больше о золоте, чем знал Архимед, и были бы готовы принять вытекающее отсюда следствие, что Архимед ошибочно считал некоторые вещи золотом, о которых сегодня известно, что они не являются золотом. Относится ли что-то к тому же самому естественному

виду, как и что-то другое, — для установления этого может потребоваться много научных исследований, и «будущее исследование могло бы отменить самый *достоверный* случай».

По мере развития семантических идей Патнэма, его «реализм» постепенно приобретает крипкеанские черты. Патнэм перенимает некоторую разновидность «каузальной теории» и даже начинает более свободно пользоваться такими понятиями, как необходимость. Вместо того, чтобы вникать во все эти сложности, мы обратимся к другой основной области его исследований в «Философских статьях» — к философии сознания. Патнэм критикует многих, кто претендовал на ведущую роль в философии сознания. Иногда в своей критике он идет ставшими привычными для него путями; например, в ста-

106 Джон Пассмор. Современные философы

тье «Сознание как поведение» ('Brains as Behaviour', 1963) он выступает против «логико-бихевиористской» трактовки «боли» как тождественной некоторому комплексу поведенческих реакций. Человек, говорит он, может испытывать боль, не демонстрируя ни одной из таких поведенческих реакций. Такая его позиция не предполагает никакого «изменения значения». Патнэм настаивает на том, что говорит о той же самой боли, которую анализирует логический бихевиорист.

Однако критика Патнэмом теории «тождества»—материализма центрального состояния — приводит его к созданию нового подхода к философии сознания, который стал называться *функционализмом*. В своих более ранних статьях по этой теме, таких как «Сознание и машины» (1960), он обращается к понятию «машины Тьюринга». Если говорить очень приблизительно, то мы можем представить машину Тьюринга как множество команд для выполнения некоторой совокупности простых операций над цепочками символов, которые составляют «входные данные» машины. Эти команды объединены в «машинные состояния», и каждое из них, будучи конечным множеством команд, регулируется некой главной командой, которая может переключать состояния, определяя шаг за шагом, какие множества команд должны следовать друг за другом в соответствии с поступающими входными данными. При таком описании о машине Тьюринга можно говорить, вообще не касаясь вопроса о том, из каких материалов она сконструирована. Позже этим займется инженер, учитывая такие соображения, как стоимость, компактность, скорость, надежность и т.п.; в окончательном виде машина, сконструированная одним инженером, может сильно отличаться по выбранным материалам, характеру переключателей, детальному соединению проводов от машины, сконструированной другим инженером. Две играющие в шахматы машины, скажем так, могут быть изготовлены из очень разных металлов, в них могут использоваться электронные лампы, транзисторы или кремниевые кристаллы, и тем не менее они могут представлять собой одну и ту же машину Тьюринга.

В теории тождества, как ее формулирует Патнэм в целях критики, каждый тип ментального состояния отождествляется с определенным типом физического состояния, так что, к примеру, если Джульс и Джим оба считают, что Жан любит Джона, то мозг одного и мозг другого находятся в одном и том же состоянии. Но учитывая, что нам известно о многообразии способов физической реализации одной и той же машины Тьюринга, это, утверждает Патнэм, мало похоже на правду. Нет причин, почему бы инопланетянину или роботу не разделять этого же мнения о Жане и Джоне, даже если у них нет мозга.

В работе «Философия и наша ментальная жизнь» (1973) Патнэм в следующем суммарном виде представляет свою прежнюю позицию (на деле формулируя ее более осторожно): так, он утверждает, «(1) что человек в целом— это машина Тьюринга и (2) что психологические состояния человека — это состояния машины Тьюринга или дизъюнкции состояний машины Тьюрин-

Глава 5. Реализм и релятивизм 107

га». Согласно этой позиции, если бы Джульс, Джим, инопланетянин и робот считали, что Жан любит Джона, все они находились бы в одном и том же «логическом» состоянии, но не в одном и

том же физическом или «структурном» состоянии, т.е. мы могли бы совершенно одинаково описать их с точки зрения формальной схемы машины в отличие от ее физической реализации.

В последующем Патнэм пришел к выводу, что, придерживаясь такого взгляда, он «существенным образом ошибался». Ибо «логические» состояния машины Тьюринга можно определить независимо от чего-либо еще. Хотя машина может находиться в определенном состоянии — совершая, скажем, определенное вычисление, — которое является следствием того, что находится в ее памяти и чему она обучена, нам необязательно все это знать, с тем чтобы установить, в каком она находится состоянии. Напротив, определение того состояния, в котором нахожусь я, когда «ревную *X* к *Y*», утверждает Патнэм, предполагает «указание того, что *X* и *Y* являются людьми, и довольно значительное знание о социальных отношениях между людьми». Поэтому, заключает он, «ревность не может быть ни машинным состоянием, ни дизъюнкцией машинных состояний».

За более полной разработкой функционализма, которую отчасти вдохновили работы Патнэма, а в случае Дэвидсона здесь во многом сказалось влияние английских представителей философской психологии и прежде всего Гилберта Райла, нам следует обратиться к Дэниелу Деннету. В его подходе, впервые представленном в работе «Содержание и сознание» (1969) и развитом далее в статьях, опубликованных под названием «Внезапные озарения» ('Brainstorms', 1978), сошлись пять направлений исследования: искусственный интеллект, лингвистика, когнитивная психология, эволюционная биология и философия сознания — последнюю Деннет понимает как раздел философии науки, занимающийся «концептуальными основаниями и проблемами наук о сознании»⁸. Отсюда следуют две вещи. Во-первых, нельзя адекватно изложить взгляды Деннета, не вникая в эти другие области исследования; и, во-вторых, он, в свою очередь, разбирает многие отдельные понятия — например осознание, мысль, боль, сознание — таким образом, что его исследования нельзя описать кратко и вместе с тем адекватно. Мы вынуждены будем ограничиться изложением его подхода в самых общих чертах.

Деннет начинает свою работу «Содержание и сознание» с заявления о том, что мы не должны считать такие слова, как «мнение», «мысль», «намерение», даже «боль», референциальными. Следуя Куайну, он сопоставляет употребление таких слов с употреблением слова «ради» в выражении «ради него» или, что более спорно, со словом «голос» в выражении «она потеряла голос». Не существует ни объекта под именем «ради», ни объекта под именем «голос». (Потерять голос — не то же самое, что потерять ключи.) Аналогичным образом не существует такого объекта, как «мысль», «мнение», хотя кто-то вполне осмысленно может сказать: «Прошлой ночью мне пришла в голо-

108 Джон Пассмор. Современные философы

ву новая мысль». Поэтому вопрос о том, можно или нельзя отождествить мысль, мнение или боль с состоянием мозга или с состоянием машины Тьюринга, является нелепым. Реальная проблема состоит в том, как «те обороты речи, в которых мы говорим о людях» — люди, в отличие от сознаний, являются подлинными объектами, — связаны с «теми оборотами речи, в которых мы говорим о телах и других физических объектах». Деннет не отвергает физикализм, не обращается вновь к дуализму, он просто отрицает возможность обнаружения «референтов для терминов ментального словаря» среди «предметов науки» — если только не окажется, что существуют некоторые ментальные термины, которые «противятся всем нашим попыткам трактовать их как неререференциальные». Обороты речи, в которых мы говорим о людях — Деннет согласен здесь с Брентано, — являются «интенциональными». В своих психологических отношениях мы говорим о желаниях людей, их надеждах, мнениях, намерениях, все из которых имеют содержание. (Всегда есть *нечто* такое, что люди желают, считают, намереваются сделать и т.п.)

Это соображение часто использовали как опровержение физикализма. Физические состояния, как говорили в таком случае, являются чисто экстенциональными; они не направлены на какое-либо содержание. Поэтому сознания не могут быть физическими состояниями. Деннет не принимает этот довод.

Допустим, предлагает он, мы хотим предсказать действия машины, играющей в шахматы. Хотя в этом случае машина является физическим объектом, и мы в принципе могли бы, основываясь на изучении ее чудовищно сложного молекулярного строения, предсказать, как она отреагирует, если, к примеру, ее противник начнет с какого-то определенного дебюта, однако выполнение этой задачи было бы геракловым подвигом. В принципе мы также могли бы предсказать реакцию машины на основе знания ее конструкции — исходя из допущения, что все элементы этой конструкции функционируют нормально. (Так, зная устройство телевизора и принимая указанную оговорку, я могу предсказать, что если я включу телевизор, а затем поверну определенный рычаг, то раздастся звук определенной громкости.) Однако конструкция шахматных машин сегодня столь сложна, что даже их проектировщики не всегда могут предсказать, как поведет себя машина при определенном ходе противника.

В вопросе предсказания наибольшие надежды связаны с рассмотрением машины не с «позиции» ее физического строения или конструкции, а с позиции ее интенциональности. В этом случае машину воспринимают как то, что имеет в своем распоряжении определенную информацию, обладает определенными целями и затем вычисляет, как ей лучше всего поступить. Согласно Деннету, отсюда поэтому «небольшой шаг до того, чтобы назвать информацию, которой владеют компьютеры, *мнениями*, а их цели, как конечные, так и промежуточные, — *желаниями*». Он делает следующий общий вывод: «физическая система может быть столь сложной и при этом так организованной, что для нас окажется удобным, полезным

Глава 5. Реализм и релятивизм 109

для объяснения и прагматически необходимым для предсказания трактовать ее так, будто она имеет мнения и желания и является рациональной». В данном случае было бы неуместно в ответ указать, что машина «не имеет в действительности» мнений и желаний, если только мы не предполагаем — а Деннет этого не делает — что «мнение» и «желание» есть имена своеобразных сущностей, а не частей, составляющих описание того, как ведет себя система»⁹. (Очень похожую историю можно рассказать о животных организмах, с тем лишь отличием, что с «позиции конструкции» в этом случае рассматривается то, каким должно быть животное, чтобы выжить.)

Книга Деннета «Внезапные озарения» изобилует диаграммами, «блок-схемами», которые иллюстрируют то, как человек мыслит. В манере, напоминающей «Республику» Платона — это сравнение предложено им самим, — он представляет человека как общество в миниатюре. Подобно Райлу, он выдвигает доводы против теорий, постулирующих «призрака в машине», критикуя предложенное Фодором понятие «языка мысли» на том основании, что в нем предполагается некто, кто использует и считывает «внутренний» язык, и именно благодаря этому обстоятельству данное понятие, приводя к регрессу в бесконечность, не может пролить света в вопросе о том, что требуется для разумного использования языка¹⁰. Однако он не возражает против того, чтобы образно представлять человека или любую систему как состоящую из почти людей (subpersons) — гомункулов, — постоянно несущих в себе информацию и тому подобное, но только при условии, что на последующем уровне анализа мы сможем их отбросить.

Нетрудно предугадать возражения, с которыми столкнулся Деннет; например, ему возражали, что он не учел непосредственный характер самосознания или ощущения боли, который не имеет аналога ни в какой системе искусственного интеллекта. Его ответы на возражения разнообразны и изобретательны. Я отмечу только одну их особенность. Как я уже указывал, он не связывает себя заявлением, что любое выражение, обычно используемое нами в наших психологических описаниях, что-то обозначает. Некоторые из таких выражений, утверждает он, не играют никакой роли в теоретической психологии. «В каком-то смысле, — пишет он, — я могу сказать, что не существует такой вещи, как мысль» или (добавим) боль. Он имеет в виду, что ничто не соединяет в себе те характеристики, которыми, как мы полагаем, обладает мысль или боль; стало быть, они не являются правильно сформулированными теоретическими понятиями. Говоря о мыслях, он не отрицает, что «имеются случаи, содержание которых для нас не подвержено исправлению». Не отрицает он и того, что имеются «события, которые контролируют наше поведение, и им часто могут приписывать содержание». Но ничто, утверждает он, не обладает обеими этими характеристиками. «Тем хуже для онтологического статуса подобных вещей».

Теперь вновь обратимся к Патнэму. До этого мы уже охарактеризовали

110 Джон Пассмор. Современные философы

его как подлинный образец современного реалиста, «трезвого» философа, по выражению Джеймса. Но мы также отмечали расселовскую способность Патнэма менять свои взгляды, учась у своих современников. Антиреализм сейчас витает в воздухе, процветает некоторая «размягченность мозгов». Наука и научный стиль философствования, хотя все еще преобладают, однако вновь находят себе критиков, даже в англо-американском мире; для философов лозунгом опять стала «когерентность», а не «соответствие реальности» — так же, как лозунгом для британских идеалистов был «холизм» в противовес «логическому атомизму». Даже высказывается предположение о том, что аналитическое направление в целом было лишь временной задержкой в интеллектуальном завоевании мира Кантом и Гегелем, тогда как аналитические философы в свое время полагали, что британский идеализм был временным отходом от эмпирической традиции. В своей работе «Реализм и разум» (1976), написанной под влиянием Даммита и Гудмена, Патнэм объявляет о своем частичном переходе на сторону этих новых веяний¹¹⁰.

Правда, он все еще придерживается реализма, который называет «внутренним». Под этим он понимает эмпирическую теорию, призванную объяснить, почему более ранние научные теории часто выступают предельными случаями более поздних теорий, а также объяснить такие «более земные» факты, как наша способность, используя язык, часто достигать целей и получать удовлетворение. Как он все еще признает, люди в своих высказываниях могут «отражать мир» в том смысле, что они могут строить символическую репрезентацию окружающей их среды, хотя это «отражение» не следует и невозможно оценивать, сопоставляя его образы с тем, образами чего они является. Однако теперь он полностью отвергает так называемый *метафизический реализм*, который, по его определению, задает «модель» отношения «любой правильной теории ко всему МИРУ или к его части», предполагающую, что каждый термин теории стоит в определенном отношении к некоторому элементу МИРА. *Метафизический реализм* отличается от *внутреннего реализма* в двух отношениях: во-первых, он стремится нечто утверждать обо всех теориях сразу, тогда как внутренний реализм всегда говорит о какой-то конкретной теории, и, во-вторых, в метафизической реализации «МИР предполагается независимым от любой конкретной его репрезентации». Где-то *там* существует вещь в себе, ожидающая, что кто-то даст ей правильную репрезентацию, тогда как с точки зрения внутреннего реалиста нельзя выйти за рамки *той или иной теории*. По этой причине метафизический реализм вынужден допускать возможность того, что мы «вообще абсолютно не способны дать правильную репрезентацию МИРА».

Это имеет то более общее следствие, что теория могла бы быть, согласно всем применяемым нами критериям, совершенной, не будучи при этом истинной. Мы могли бы верифицировать ее до идеального предела — введенное Пирсом понятие идеального предела начинает приобретать боль-

Глава 5. Реализм и релятивизм 111

шое значение в современной философии, — и все же она могла бы оказаться ложной. Что этого не может быть, Патнэм пытается обосновать с помощью аргумента, который строится на основе теории множеств и цель которого — доказать, что теория не может быть «идеальной» и при этом не удовлетворять критериям истинности.

Более поздняя работа Патнэма «Разум, истина и история» (1981) делает еще очевидней тот факт, что он не просто критикует определенную эпистемологию, но пытается строить философию в целом так, чтобы основой ей в такой же мере служила этика и эстетика, как и эпистемология с метафизикой. В характерной для него манере, и все же подобно Деррида, он начинает с разрушения дихотомий. Первой идет абсолютная дихотомия между объективным и субъективным. Именно из-за принятия этой дихотомии философы, утверждает он, вынуждены считать, что нет иного выбора, как либо быть реалистом, придерживаясь некоторой теории «копирования» или «соответствия» реальности, либо впасть в «культурный релятивизм», который может быть или в стиле Фейерабенда, выступающего в большинстве современных дискуссий живым воплощением *reductio ad absurdum*, или в стиле Куна, когда тот подвержен определенным настроениям.

Метафизический реализм и культурный релятивизм — это Сцилла и Харибда; именно между ними Патнэм надеется провести свой корабль в поисках теории, которая в кантовской, как он считает, манере «соединяет в себе элементы объективного и субъективного».

Второй антитезой, которую необходимо «преодолеть», является дихотомия между фактом и ценностью. Патнэм усматривает тесную связь между фактом и рациональностью. «Если говорить приблизительно, — заявляет он, — то единственным критерием для отнесения чего-либо к фактам является его рациональная приемлемость». Используя этот критерий, мы будем считать фактами то, что обычно философы, и не только философы, называют «ценностями», противопоставляя их фактам. Ибо принятие определенных моральных или эстетических оценок может быть вполне *рациональным*. Поэтому имеются «ценностные факты» так же, как есть субъективно-объективные истины.

Необходимо добавить, что рациональная приемлемость не является для Патнэма абсолютным понятием. «Наши методологические принципы, — пишет он, — связаны с нашим представлением о мире, в которое входит наше представление о самих себе как части этого мира, и они изменяются со временем». Разве это заявление не подводит его на опасно близкое расстояние к тому, что он сам называет «некой фантастической смесью культурного релятивизма и *структурализма*, подобного тому, что развивают французские философы» и, в частности, Фуко? Следует отказаться, отвечает он, и от третьей дихотомии; нам нет нужды выбирать между понятием неизменных канонов рациональности и культурным релятивизмом. Если каноны меняются, на то есть серьезные причины. Здесь, как и в других случаях, он рассуждает в терминах обратной связи; наши открытия могут заставить нас изме-

112 Джон Пассмор. Современные философы

нить наши каноны, а изменение наших канонов может повлиять на то, какими будут наши открытия — точно так же наши открытия могут изменить наши теории, но то, какие открытия мы делаем, может зависеть от наших теорий. (Сравните с «герменевтическим кругом».)

Еще две ложные антитезы должны быть повержены в прах. Во-первых, рациональность в науке не является высшей или низшей по сравнению с рациональностью вне науки. Каноны рациональности имеют повсеместное применение. Во-вторых, хотя не должно утверждать, что сознание просто *копирует* мир — этим признается возможность единственной истинной теории (точка зрения, которую Патнэм приписывает физикализму), — однако не следует также утверждать, что «сознание *упорядочивает* (makes up) мир». Если нам нужна метафора, то она, по его мнению, должна быть следующей: «сознание и мир совместно упорядочивают сознание и мир». Здесь он кивает в сторону Гегеля, который, однако, определенно посетовал бы, что это все еще очень по-кантиански.

Мы не можем следовать за несколько извилистым ходом рассуждений Патнэма, где он часто прибегает к аргументам, которые прежде использовал в контексте несколько иных идей, хотя его сложная теория «референции» заслуживала бы внимания. Рассмотрим лишь один момент: его попытку связать научную рациональность с человеческим процветанием. Если мы обратимся, говорит он, к теориям, которые «ученые и простые люди считают рациональным принимать», мы обнаружим, что они являются «репрезентациями мира», обладающими определенными достоинствами: они являются «инструментально эффективными, логически последовательными, исчерпывающими и функционально простыми». Почему мы считаем эти характеристики достоинствами? «Метафизический реалист» сказал бы, что таким способом мы надеемся получить теорию, которая «соответствует» миру. На это Патнэм в кантовской манере отвечает, что все это не имеет смысла, если мы имеем в виду соответствие некоторому независимому, ноуменальному миру. Единственно возможной является «подгонка» к нашему эмпирическому миру. (Его теория референции утверждает то же самое.) Но мы принимаем какой-то конкретный мир в качестве эмпирического мира, продолжает он, только потому, что он является рационально приемлемым, хотя наши представления о рациональной приемлемости могут, в свою очередь, измениться в результате принятия этого мира. Таким образом, наше оценочное понятие о том, что считать

«оптимальным умозрительным интеллектом», делает возможным наше понятие эмпирического мира.

«Оптимальный» не означает здесь что-то вроде «самый умный». Венцом патнэмовской новой позиции служит положение о том, что наше понятие рациональности является «основополагающим, будучи лишь одной из частей нашего представления о человеческом процветании, нашей идеи блага». (Кому-то это напомнит Уильяма Джеймса.) Не означает ли это, что по край-

Глава 5. Реализм и релятивизм 113

ней мере одно мы знаем раз и навсегда, а именно в чем состоит человеческое процветание, даже если наши суждения о том, во что нам рационально верить, будут изменяться время от времени с изменением условий процветания для людей? Вовсе нет: не существует «внеисторического множества моральных принципов, которые раз и навсегда устанавливают, в чем состоит человеческое процветание».

Отсюда мы не должны, однако, заключать, что «все это просто зависит от культуры и является относительным». Вновь и вновь Патнэм не устает повторять, что «культурный релятивизм» саморазрушителен. Он заимствует у Витгенштейна аргумент, который формулирует следующим образом: «В итоге релятивист не может придать смысл различию между «быть правым» и «думать, что прав»; а это означает, что в конечном счете не существует различия между «утверждать» или «мыслить» что-то, с одной стороны, и «производить шум» (или «создавать ментальные образы»), с другой». Отсюда вытекает то следствие, утверждает он, что «я вовсе не *мыслящее существо, а всего лишь* животное». А этот вывод он характеризует как «ментальное самоубийство».

Этот исключительно эмоциональный отрывок не оставляет у нас сомнений в том, что Патнэм не желает, чтобы его называли релятивистом. Мы оказываемся втянутыми в релятивизм, утверждает он, только если мы интерпретируем физику слишком реалистически, как единственную истинную теорию или, по крайней мере, как единственное максимальное приближение к ней. Таким образом, мы вынуждены сделать вывод, что такие понятия, как «человеческое процветание» или связанные с ним свойства — например свойства когерентности и простоты, — которые мы приписываем теориям в отличие от утверждений, входящих в состав теории, должны быть совершенно объективными. Поэтому, хотя, на первый взгляд, представляется, что метафизический реализм защищает от релятивизма, в итоге, заключает Патнэм, он поддерживает его в отношении всего за исключением физики.

Хождение по краю пропасти очень характерно для философов, надеющихся избежать полного релятивизма и в то же время отвергающих «метафизический реализм». Патнэм, по сути, охарактеризовал культурный релятивизм как форму сциентизма, для которого образцом служит антропология, а не физика. Однако культурный релятивизм чаще связан с историческим подходом к философии науки, который является реакцией против попытки представить науку как образец чистой рациональности — рациональности, на которую не оказывают давления политические и социальные факторы и которая переживает один триумф за другим благодаря применению универсального научного метода.

Когда в 1968 г. П.Х.Ниддич подготовил свою антологию «Философия науки», он отметил в предисловии две особенности собранных в ней статей: во-первых, в них уделяется очень мало внимания реальной научной практике и, во-вторых, наука анализируется, как если бы она была статичной, и не

114 Джон Пассмор. Современные философы

предлагается никакого объяснения научному прогрессу. До сих пор в отношении очень многих работ по философии науки эти замечания были бы справедливы. Ниддич, как сказали бы авторы

этих работ, упустил из виду сформулированное Рейхенбахом различие между контекстом открытия и контекстом обоснования. Если мы хотим знать, как совершаются открытия, что действительно делают ученые, когда, по их представлению, они двигают науку вперед, нам следует обратиться, говорят эти авторы, не к философии, а к психологии или социологии (излюбленные «мусорные ямы» для философов). Философию науки интересуют только такие логические вопросы, как вопрос о возможности рационального подкрепления теории данными.

В поисках ответа на этот конкретный вопрос философы шли разнообразными направлениями, и их исследования столь сложны, столь специальные и содержат столь тонкие различия, что нет иной возможности, как дать им самое общее описание. Скорее чаще, чем реже в них используется теория вероятностей в том или ином ее усовершенствованном варианте (эти варианты были описаны в «Ста лет философии»), или же они опираются на такие последующие разработки в этой области, как попперовская (в духе Пирса) теория склонности или детально сформулированные варианты субъективистского анализа Рамсея. Последние являются полной противоположностью друг другу. Поппер, как мы видели, резко выступает против любой формы субъективизма. Согласно его теории склонности, вероятности, приписываемые определенному раскладу при бросании игральных костей, являются столь же объективными свойствами этих костей, как и их силовые поля. Для субъективиста, напротив, сказать, что падение костей двумя шестерками вверх имеет определенную вероятность, значит сказать о нашей готовности сделать ставку на то, что так и произойдет. Субъективисты склонны придерживаться сходного взгляда и на отношение между подтверждающими данными и гипотезой, а именно что вероятность гипотезы при определенных подтверждающих данных тождественна нашей готовности поставить на нее при условии наличия этих данных; точно так же при наличии определенных данных мы могли бы быть готовыми поставить на то, что какая-то конкретная лошадь выиграет на каких-то конкретных скачках. Леонард Сэвидж и Бруно де Фи-нетти усовершенствовали этот тезис, разработав методы повышения согласованности нашего выбора ставок (чтобы, к примеру, мы не делали такого рода ставок, когда при любом раскладе обязательно победит букмекер) и привлекая ресурсы байесовской теории, учитывающей априорные вероятности. Субъективистские теории, по сути, были разработаны с высокой степенью математической изощренности, хотя и ценой, как полагают некоторые, дальнейшего отхода от интуитивных оценок вероятностей и отождествления науки с «закрытой», а не «открытой» игрой. (Подобно тому, как в скачках участвует множество лошадей, так и число возможных гипотез не ограничено.) Другие исследователи опирались на теорию игр, теорию принятия ре-

Глава 5. Реализм и релятивизм 115

шений или теорию консенсуса, чтобы оправдать принятие одной гипотезы и отказ от другой ¹².

Отметив значительный объем подобной литературы, мы, однако, сконцентрируем свое внимание на группе авторов, которые полностью ее отвергают как попытку достичь невозможного. Этим они, намеренно или нет, усиливают движение к определенной форме релятивизма. Некоторые из них когда-то были тесно связаны с Карлом Поппером. Важным поворотным пунктом явился сборник статей под редакцией Имре Лакатоса и Алана Масгрейва, озаглавленный «Критика и рост знания» (1970) и задуманный с целью сопоставления взглядов Куна и Поппера. Позиция Поппера необычна. Он отвергал индукцию, он отрицал какую-либо возможность применения исчисления вероятностей для обоснования гипотез — в противоположность необайесовскому подходу, согласно которому, хотя и не существует индукции, откорректировать гипотезу можно, обращаясь к относительным вероятностям; он отрицал даже существование такой вещи как «обоснование» в полном смысле этого слова. И в то же время он отказывался основывать свою философию науки на действительной научной практике и принимать в каком-либо виде теорию консенсуса, согласно которой (когда вопрос стоит о приемлемости научных гипотез) решение ученых является высшей судебной инстанцией.

Более того, он явно предвзято относился как к истории, так и социологии — в своей критике он был склонен объединять эти формы исследования. «Идея обращения за разъяснением целей науки и ее прогресса к социологии, психологии или истории науки, — пишет он в ответ Куну, — удивляет и разочаровывает». Эти формы исследования, говорит он, «пронизаны модными идеями

и неосознаваемыми догмами». Поэтому прежде следовало бы отделить науку от псевдонауки, а уж потом решать, что считать наукой в этих областях. Не впадая в дурную бесконечность, нельзя использовать их для отделения науки от псевдонауки—для Поппера это вопрос вопросов. По его мнению, существует логика исследования, хотя она не является индуктивной логикой. А логика не может быть ниспровергнута историей.

Многих его учеников и коллег не убедил этот ответ, хотя они были готовы оспаривать более конкретные взгляды Куна относительно нормальной науки и научных революций. Поппер утверждал, что прогресс в науке осуществляется путем предположений и опровержений. Если бы можно было показать, что следование этим путем сдерживает развитие науки, то это доказывало бы, считали они, что Поппер ошибался или, по крайней мере — если вспомнить его заявление о том, что он выдвигает нормативную, а не описательную теорию, — давал плохой совет ученым.

Давайте более внимательно рассмотрим двух из тех философов, которые придерживались такой позиции, — Имре Лакагоса и Пола Фейерабенда¹³. Как мы уже вкратце отмечали, вначале Лакатос привлек к себе внимание

116 Джон Пассмор. Современные философы

опубликованной им серией статей по философии математики, озаглавленной в подражание Попперу как «Доказательства и опровержения» (*BJPS*, 1963— 1964, посмертно опубликованы в 1976 г. в виде книги). В целом в них был применен к математике более усовершенствованный вариант попперовского фальсификационизма. Необходимо подчеркнуть слово «усовершенствованный». Лакатос потратил немало времени на то, чтобы показать отличие его варианта от «наивного» фальсификационизма — учения, которое обычно приписывали Попперу как его сторонники, так и противники. Лакатос признавал, что Поппер в своих более осторожных высказываниях не утверждал, что теорию следует отбрасывать сразу же, как только получены противоречащие ей наблюдения. Но постепенно, под влиянием исторических исследований Лакатос пришел к выводу, что даже усовершенствованный фальсификационизм не годится. «В науке мы отнюдь не учимся на предположениях и опровержениях», — такой общий вывод он делает в работе «Аномалии в отличие от «решающих экспериментов»» (1975?). Из долго не публиковавшегося «Постскриптума» Поппера он заимствует идею «исследовательских программ» и делает ее центральной в своей концепции. Не только к истории, утверждает он, имеет отношение тот факт, что ученые часто игнорируют аномальные случаи, возражения, очевидные опровержения, и делают они это не из-за своей психологической слабости или в результате давления со стороны общества. Им *необходимо* поступать так. Если бы мы сочли, что, поступая так, они действуют иррационально, мы должны были бы заключить, что сама наука иррациональна. «Великие достижения» науки, ее великие «теории», по Лакатосу, следует воспринимать не как отдельные гипотезы, а как плодотворные исследовательские программы. И как только такая «теория» найдена, совершенно иррационально, утверждает он, отбрасывать программу, которая позволяет делать «поразительные, неожиданные, ошеломляющие» предсказания только потому, что имеются «известные факты», которые, как представляется, противоречат принципам, лежащим в основе этой программы, противоречат ее основным учениям. Напротив, «центральное ядро» программы необходимо ревностно защищать от фальсификаций, пока оно продолжает быть плодотворным. У ученого есть «негативная эвристика» для защиты этого ядра с помощью вспомогательных гипотез, а также «позитивная эвристика» для построения моделей, которые призваны модифицировать еще более плодотворным образом эти защитные гипотезы. Успешность позитивной эвристики оценивается по тому, насколько она сможет защитить ядро и вместе с тем использовать указанные гипотезы для новых предсказаний. Как открыто признает Лакатос в работе «Методология научных исследовательских программ», вначале опубликованной в сборнике «Критика и рост научного знания», он готов поэтому принять конвенционализм Пуанкаре. Однако не полностью. Ибо он допускает, что «жесткое ядро может разрушаться». Но это произойдет не из-за противоречия с данными наблюдения. Вероятно, потому что он

Глава 5. Реализм и релятивизм 117

начинал с математики и, подобно очень многим философам науки, постоянно имел перед собой математическую физику в качестве типичной науки, Лакатос столь мало значения придает наблюдению. «Если ученый (или математик) имеет позитивную эвристику, — пишет Лакатос, — он отказывается углубляться в наблюдения». Столкнувшись с проблемой, он «ляжет на кушетку, закроет глаза и забудет обо всех данных». Если что и разрушит его программу, так это не аномальные данные наблюдения, а появление лучшей, более плодотворной программы. Кроме того, его программа может стать инертной и выродиться. Это проявится в ее неспособности давать новые предсказания, разрабатывать вспомогательные гипотезы, превращать аномальные факты в подтверждающие в процессе защиты своего центрального ядра. Это означает, что ее «позитивная эвристика» утратила свою прежнюю силу, а вместе с ней утратило силу и ее оправдание как исследовательской программы. Однако, добавляет Лакатос, мы не можем быть абсолютно уверенными в том, что это «вырождение» не окажется лишь промежуточным этапом — как это было, если воспользоваться нелакатовским примером, в случае дарвиновской теории естественного отбора.

Лакатос прочитал Поппера в тюремном лагере и (марксистская) пелена спала с его глаз. Отношения между Фейерабендом и Поппером не столь простые. В своих поздних произведениях Фейерабенд ясно дает понять, что ему не нравится, когда его называют бывшим (или нео-) попперианцем. Однако в работе «Как быть хорошим эмпиристом» (1963) он без колебаний заявляет, что его «общее мировоззрение» имеет своим источником идеи Поппера и философа-физика Дэвида Бома¹⁴. Его ранние труды — большая их часть наряду с недавними статьями опубликована в его «Философских работах» (1981) — снискали Фейерабенду прочную репутацию философа науки, склонного мыслить в историческом ключе и углубляться в детали научного познания. Он отстаивал два принципа: принцип реализма против позитивизма или инструментализма и принцип пролиферации против куновской идеи о том, что наука развивается благодаря своей верности единственной парадигме. Реализм он связывает с проверяемостью; реалист всегда предвидит возможность того, что данные наших наблюдений могут оказаться ошибочными, однако эта возможность отрицается, если в качестве отправной точки берется чувственное данное или некоторое соединение чувственных данных. И наши теории также могут быть ошибочными, хотя с инструменталистской точки зрения это невозможно. Понятие пролиферации, как неизменно настаивает Фейерабенд, он почерпнул из очерка Дж.С.Милля «О свободе». Наука процветает, утверждает он, когда в ней сосуществует множество разных гипотез; ее склонность затвердевать в догму, трактовать как «аномальные» взгляды, альтернативные общепринятым, создает условия, препятствующие научному прогрессу. История науки знает немало случаев, когда именно пренебрегаемая идея в конечном счете оказывалась плодотворной.

118 Джон Пассмор. Современные философы

Едва ли покажется удивительным то, что раннего Фейерабенда прочитывали как инакомыслящего попперианца или, в крайнем случае, как рес-петабельного философа науки с немного неортодоксальными взглядами. Поздний Фейерабенд, напротив, в глазах всех приобрел дурную репутацию — эта оценка в какой-то мере бросала тень и на его ранние работы. Началом этого внезапного изменения послужила его работа «Против методологического принуждения» ('Against Method', 1975), первоначально задуманная как открытое письмо «другу и соратнику-анархисту» Лакатосу. В более поздней работе «Наука в свободном обществе» (1978) он развивает свои идеи далее, в основном в виде беспримерно длинных и едких ответных замечаний критикам. В статье, подготовленной им для второго тома его «Философских работ» и озаглавленной «Исторические предпосылки: некоторые наблюдения об упадке философии науки», он объединил эти новые идеи как защиту «демократического релятивизма».

Его крайне уклончивые рассуждения — он обучался актерскому мастерству и любит надевать маски, если это в интересах разыгрываемой драмы — можно приблизительно суммировать в виде двух тезисов. Согласно первому, всякий раз, когда кто-то пытается рассматривать какую-либо процедуру в качестве метода, принятие которого необходимо для прогресса науки — даже процедуру «все сойдет» ('anything goes'), связываемую с его, Фейерабенда, именем, — всегда можно указать обстоятельства, при которых принятие этого метода не является наилучшим выбором. «...[Н]е существует правила — сколь бы правдоподобным и эпистемологически

обоснованным оно ни казалось, — заявляет он в работе «Против методологического принуждения», — которое в то или иное время не было бы нарушено», и это происходит не из-за недостаточного знания или невнимательности, а потому что такие нарушения «абсолютно необходимы для развития знания». Поэтому в какие-то периоды времени «вполне допустимо вводить, разрабатывать и защищать гипотезы *ad hoc*, гипотезы, противоречащие хорошо обоснованным и общепризнанным экспериментальным результатам» * и т.д. — здесь ссылка на попперовские тезисы очевидна. Лакатос, полагает Фейерабенд, по сути, пришел к такому же выводу, хотя он не вполне готов это признать. Ибо Лакатос не привел серьезных формальных оснований для перехода от одной исследовательской программы к другой. То, что представляется вырождающейся программой, как он признает, на деле может оказаться прогрессивной программой. Поскольку Лакатос полагает, что предоставляющие субсидии учреждения, редакции и им подобные органы имеют право пренебрегать вырождающимися программами, *благоразумие*, безусловно, может диктовать ученому серьезные основания для перехода в другую программу. По мнению же Фейерабенда, это не может считаться рациональным.

* Фейерабенд П. Против методологического принуждения // В кн.: Избранные труды по методологии науки. М., Прогресс, 1986. С. 153-154.

Глава 5. Реализм и релятивизм 119

У Фейерабенда есть еще более глубокие основания для несогласия с Лакатосом, и именно в этом пункте Фейерабенд наиболее резко отделяет себя от уважаемых философов науки. Лакатос, утверждает он, просто исходит из предположения о том, что наука есть наилучший путь к пониманию мира и его управлению. Фейерабенд же считает, что наука стала неким «истеблишментом». Ни один «демократический релятивист» не может принять той точки зрения, что какая-то конкретная традиция, будь то научная или любая другая, имеет такой авторитет и в такой степени, как это старается приписать себе наука. По его словам, его главная задача состоит в том, чтобы устранить препятствия, которые интеллектуалы и ученые «создают для традиций, отличных от их собственной»; так — сошлемся здесь на его излюбленный пример — «научная медицина» ставит препятствия на пути «альтернативной медицины». Поппер, признает он, также утверждал, что не существует такой вещи, как научный метод. Но у него и его последователей то, что в лучшем случае является набором советов, которые иногда полезно учитывать, превращается в закостеневший набор необходимых условий «рациональности». Фейерабенд приходит к мысли, что витгенштейновская «языковая игра» в целом позволяет больше объяснить, нежели учение о предположениях и опровержениях, которое, как и первая, применимо к широкому кругу традиций с присущими им методами разрешения проблем. Что касается философии науки в целом, то «почти каждый журнал по философии науки имеет дело с проблемами, которые не представляют интереса ни для кого, кроме небольшой компании страдающих аутизмом индивидов». От Фейерабенда иногда отмахиваются как от шута-шарлатана. Однако, когда он надевает маску шута, это всегда в целях раскрытия того, что он считает трагедией.

Еще одним философом науки, интересующимся историей, является Мэри Хессе, на которую часто ссылаются социологи науки. Своей книгой «Структура научного вывода» (1974) она вносит вклад в спор по поводу связи между предложениями наблюдения и надежностью гипотез, предлагая способ, благодаря которому множество недостоверных по отдельности предложений наблюдения вместе могут придавать гипотезе надежность. Однако в ее исторических работах подчеркивается важность аналогии, метафоры и воображения для развития науки, хотя ни один из этих приемов несводим к какому-либо методу. В статьях, собранных в сборнике под названием «Революции и реконструкции в философии науки» (1980), она говорит о связи ее идей с «исторически ориентированными» работами Куна, Фейерабенда и Тулмина, а также с эпистемологией Куайна и еще раньше Дюгема, который стал центральной фигурой в современной философии науки ¹⁵. Кроме того, ей есть что сказать (и немало) о Хабермаса и герменевтике Гадамера — так же, как Патнэм часто ссылается, не всегда, правда, с должной учтивостью, на Фуко, Апеля и Аль-тюссера. Это не удивительно: критика сциентизма давно стала особенностью континентальной философии.

120 Джон Пассмор. Современные философы

Поражает степень сходства между Патнэмом и Хессе — не проглаживается ли в этом дух времени? — при том, что Патнэм не упоминает Хессе, а у нее есть ссылки только на его более ранний реализм. И тот и другая резко критикуют наивный реализм, представление об универсальном научном языке (физикализм в частности) и корреспондентную теорию истины. Хессе особое значение придает дюгемовско-куайновскому понятию «неполной детерминированности теории эмпирическими данными», тому факту, что всегда имеется «неопределенное количество теорий, которые более чем удовлетворительно соответствуют фактам наблюдения». По сути, Куайн, этот непоколебимый защитник науки, служит сегодня своего рода арсеналом средств для тех, кто желает либо открыто нападать на науку, либо хотя бы подрезать ей крылья — немного это напоминает то, как в XVI и XVII вв. доводы искренних защитников христианского учения порой с энтузиазмом подхватывались его критиками, когда эти доводы принимали форму утверждения о том, что христианское учение основывается на вере, а не на рациональном доказательстве. И критику Поппером индукции, и учение Куайна о неопределенности перевода использовали для демонстрации того, что, с позиции рациональности или истины, научные теории не находятся в более надежном положении по сравнению с любым другим творением воображения. Их протесты против такого истолкования отменялись в сторону как новая форма фидеизма, в котором вместо Бога фигурирует наука.

Защитники науки, как правило, отвечают, что научные теории имеют особые преимущества перед своими соперниками. Хессе приписывает таким защитникам признание «принципа конвергенции», который гласит, что «аккумулирующиеся данные при условии их согласованности в конечном счете сводятся в истинную теорию». Это не работает, утверждает она, по двум причинам. Первая причина, которой придают большое значение современные социологи знания, состоит в том, что при описании данных в предложениях наблюдения должны использоваться классифицирующие описательные предикаты. А «естественные виды», на которые ссылаются в такого рода описаниях, никоим образом не являются чем-то «данным»; ученые классифицируют в соответствии с теорией, которую они считают правильной. Как утверждал Патнэм в своих антиреалистических работах, предметы сами не возводят о своей принадлежности к определенному виду. (Эта дюгемовская мысль о «теоретической нагруженности» всех данных наблюдения является центральной в современных разновидностях релятивизма, как умеренных, так и крайних, хотя она формулировалась не с этой целью и не по этой причине к ней прибегали Поппер, Куайн или Хэнсон.)¹⁶

Это что касается «аккумулируемых данных». Вторая проблема связана с «условиями согласованности» — простотой, непротиворечивостью и т.п. Что является их источником? Почему нам следует принимать их как достоинства? Их часто называют «логически необходимыми». В действительности, заме-

Глава 5. Реализм и релятивизм 121

чает в ответ Хессе, любое из этих условий или уже нарушалось ранее наукой, или может быть нарушено в будущем.

Конечно, мы, естественно, возражаем, что науке действительно свойственна конвергенция. Поражает то, в какой степени, по сравнению с философами и обществоведами, согласны между собой естествоиспытатели. Это, по мнению Хессе, является *инструментальной* конвергенцией; наука предоставляет нам больший контроль благодаря своему методу построения теорий. Конвергенция, добавляет она, «в лучшем случае влечет за собой рост аппроксимированности законов нижнего уровня и предсказаний к проверяемым в последующем данным», но даже тогда она ограничивается тем, что охватывает лишь фрагмент вселенной — как пространственный, так и временной. Не существует «никакой конвергенции к идеальному концептуальному языку». По сути, «ни об одной эмпирической теории на любом этапе развития нельзя сказать, что она эмпирически истинна в строго пропозициональном смысле». Поэтому, когда философы обращаются к науке, они обращаются за общими теориями о мире, за космологиями, но именно здесь претензии науки наиболее необоснованны и именно здесь ученые скорее всего ошибаются. Когда же к науке обращаются инженеры, они обращаются за тем, в чем она наиболее сильна.

Хессе не считает себя скептиком и определенно не считает себя идеалистом. В своей работе «Разумные основания и оценка в истории науки» (1973) она резко критикует тех своих коллег-историков, которые отрицают четкое различие между «новой наукой» XVII в. и сосуществующей параллельно с ней магической алхимией. По ее мнению, наука *есть* нечто другое; в XVII в., «как мы можем видеть, новая форма рациональности начинает отмежевываться от традиционных способов мышления». Полный релятивизм, добавляет она, сделал бы невозможным саму историю, поскольку «она должна опираться на общепринятый вид научной практики». В работе «Истина и рост научного знания» (1976) Хессе задается вопросом о том, не имеет ли ее долгая защита тесной связи между историей и философией науки «неприятных следствий». Историк вполне справедливо ставит вопрос о том, почему при неопределимости теорий фактами ученых тем не менее предпочитают одну теорию другой. Признавая невозможность чисто формального ответа на этот вопрос, историк, по мнению Хессе, может предложить социальное или политическое объяснение. Однако все еще остается чисто философская задача «анализа природы наших концепций истины и рациональности и налагаемых ими ограничений».

Еще один вопрос беспокоит Хессе. Начиная с Дюгема, философы не раз пытались протестовать против того, чтобы опираться на науку в ее наиболее умозрительных космологических построениях как на единственную правильную картину мира, и, что характерно, таким образом они надеялись «оставить место» для чего-то другого — будь то религия, искусство, метафизика

122 Джон Пассмор. Современные философы

или социология, претензии которой на научность часто оспаривались. Это можно отчетливо видеть как у Дюгема, так и у Патнэма; и сама Хессе, конечно же, не исключение. Однако это ставит перед ней проблему. Отказ от наивного реализма в отношении космологических теорий означает, говорит она, что «больше не может быть какого-либо прямого противоречия между описаниями внешнего мира, предлагаемыми наукой и теологией». Поскольку теология представляет собой другую теорию, ее «факты», естественно, являются другими. Но каков же сегодня статус учений о творении и провидении, занимающих центральное место в христианстве, которому Хессе сохраняет верность? Согласно ее общей позиции, они должны быть идеологическими в том же самом смысле, в каком являются идеологическими, как она утверждает в работе «Истина и ценность в социальных науках» (1978), «всеобъемлющие теории в науках о человеке», — они включают в себя оценки, для которых факты могут служить ограничением, но которые не определяются фактами.

По сути, в манере Эмиля Дюркгейма — который, наряду с Марксом и Максом Вебером, составляет сегодня главную точку соприкосновения философии и социологии — она предлагает отнести как религиозные, так и научные космологии к категории «коллективных представлений». Они являются системами символов, «определяющими место человеческих обществ в природном мире». В этом пункте, признает она, «угроза релятивизма становится особенно опасной». Ибо «ни научные реалисты, ни абсолютисты в морали, ни верующие» не готовы признать, что их теории — это просто продукт социальной необходимости.

В случае науки, полагает Хессе, относительность ее концептуальных каркасов не имеет серьезного значения; допущение о существовании некоторого рода безотносительной истины является «пустым» с точки зрения достижений науки — «реального достижения *приблизительной* истины в прагматических контекстах». Однако в идеологическом отношении оно является далеко не пустым. На практике принимаемые нами решения «зависят от (наших) убеждений в отношении содержания действительных концептуальных каркасов, какими бы исторически относительными эти последние ни казались». Хессе оставляет нерешенной проблему о том, «как обосновать идеологию»; она претендует лишь на доказательство того, что если она права, то вопрос о возможности такого обоснования «не могут больше» предрешать никакие монополистические когнитивные претензии на научную космологию». Стало быть, тот факт, что идеологии не могут быть обоснованы с помощью некоторого «научного метода», вовсе не доказывает, что они вообще не могут быть обоснованы. Хессе с надеждой смотрит в сторону герменевтики, хотя едва ли разъясняет, какое именно, согласно ее ожиданиям, спасение должно прийти оттуда.

Ричард Рорти смотрит в том же направлении, но с несколько иной конечной целью и как философ, когда-то работавший в самом сердце профес-

Глава 5'. Реализм и релятивизм 123

сиональной англо-американской философии. Его антология «Лингвистический поворот» (1967) демонстрирует совершенное знание им лингвистического философствования того времени во всех его формах. Однако его большое введение к этой антологии уже дает знать о тех критических темах, которые более полно будут развиты им в статьях 1972—1980 гг., в итоге опубликованных в виде сборника «Последствия прагматизма» (1982), и в его основной работе «Философия и зеркало природы» (1980).

В этих работах он обсуждает почти всех тех философов, о которых шла речь в этом эпилоге — заметное исключение составляют, пожалуй, Поппер и Дэвид Льюис, — и при этом никого не принимает полностью, но и очень редко отвергает кого-либо с откровенной враждебностью. Исключением в этом отношении являются Крипке и Даммит: Крипке как реалист, а Дам-мит — потому что строит надежды относительно философии, которая будет иметь черты куновской «нормальной науки». Если не учитывать этих реакционеров, то, по мнению Рорти, развитие философии идет в совершенно противоположном направлении — от реализма и от концепции научной, по крайней мере в идеале, философии¹⁷. По его мнению, это верно как в отношении Куайна, Селларса, Дэвидсона, так и в отношении позднего Витгенштейна, Хайдеггера и Гадамера, хотя американские философы не осознают, что идут в этом направлении.

Селларс, говорит Рорти, разрушил «миф данного», хотя он все еще, ошибочно, сохранял верность аналитическим высказываниям; Куайн разрушил аналитическое, а вместе с ним и различие между фактическим и концептуальным, хотя он все еще, ошибочно, придерживался идеи данного; Дэвидсон под влиянием Куайна освободил нас от той идеи, что отдельно от эмпирических теорий существуют «концептуальные каркасы». Тем самым данные философы исключили и возможность создания научной философии — не важно, пытаются ли строить мир на основе «данного», или взяв за отправную точку бесспорные аналитические истины, или стремясь установить, каким должен быть наш «концептуальный каркас», или посредством «анализа понятий».

Бросая взгляд назад на рассказанную мной историю, вполне можно прийти к выводу, что философия сегодня возвратилась туда, где она была на рубеже столетий, когда в ней шла борьба между реализмом и идеализмом. Рорти с этим не согласен. Новый антиреализм, утверждает он, очень отличается от старого идеализма; тогда борьба между идеализмом и реализмом происходила по поводу того, что считать единственно истинной картиной мира. Новый антиреализм, напротив, отбрасывает в сторону любой такой проект как неосуществимый в принципе. От таких идеалистов, как Гегель, от Хайдеггера Рорти воспринимает не философскую систему, а идею, как он говорит, «темпорализации реальности», с сопутствующим ей учением о том, что пытаться смотреть на мир *sub specie aeternitatis* * — значит брать на себя без-* С точки зрения вечности (лат.). — Прим. пер.

124 Джон Пассмор. Современные философы

надежную задачу. По сути, если «реализм» означает лишь то, что большинство наших мнений и убеждений истинно — в противоположность идеалистическому учению о том, что они лишь «видимость» абсолютной истины, — то Рорти готов называть себя реалистом. Ибо, по его мнению, Куайн и Дэвидсон показали, что, не будь это так, мы не могли бы обучаться языку или переводить с одного языка на другой.

Кто-то мог бы сделать из нашей истории более общий вывод о том, что в философии все еще не имеет места прогресс — в том смысле, в каком он имеет место в науке. Если под «прогрессом» понимать приближение к решению тех проблем, которые, начиная с XVII в. и далее, считались «великими», то Рорти с этим бы согласился. (Выражение «начиная с XVII в. и далее» принадлежит Рорти; тут вполне можно было бы возразить, что, по крайней мере, некоторые из этих «великих проблем» появляются уже в диалогах Платона «Те-атет», «Парменид» и «Софист». Это

немаловажно для исторически ориентированного рассуждения Рорти). Но прогресс имел место, продолжил бы Рорти, поскольку сегодня мы понимаем, что можем избавиться от этих «великих проблем», не «решив» их, а отбросив в сторону как псевдопроблемы, порожденные тем, что мы исходим из определенной картины знания. Если мы начинаем с допущения о том, что имеется сущность под названием «сознание» и еще одна сущность под названием «мир», о котором сознание «обладает знанием» благодаря привилегированному доступу к совокупности репрезентаций, отображающих мир, то мы сразу же автоматически оказываемся перед этими проблемами, которые составляют «Философию» — это слово Рорти пишет с заглавной буквы, чтобы подчеркнуть его официальный статус.

Кроме того, мы с готовностью принимаем учение, за которое, согласно Рорти, несут ответственность Кант и неокантианцы и согласно которому философы имеют исключительные познания в предмете под названием «эпистемология». Этот предмет разъясняет, что есть «знание». И именно он придает «Философии», как затем предполагается, определенное верховенство в культуре, поскольку любой другой вид исследования должен обращаться к философии за удостоверением в том, что полученное им знание является «подлинным». Таким образом, «научная философия» есть эпистемология, которую иногда отождествляют с философией науки. Ситуация незначительно улучшится, утверждает Рорти, если ментальные репрезентации (идеи) заменить лингвистическими (словами или предложениями); большинство старых проблем вновь всплывет¹⁸.

Если что-то и необходимо, так это, скорее, хорошая «чистка» в витгенштейновском духе. В позднем Витгенштейне Рорти видит сатирика, разрушающего «Философию», включающую и свой собственный «Трактат», и тем самым помогающего философам скинуть с себя образы, которые держали их в своем плену. Освободившись от этих образов, они поймут всю абсурдность идеала научной философии. Витгенштейн, очищающий от претензий «Фи-

Глава 5. Реализм и релятивизм 125

лософии», стоит рядом с Ницше или Хайдеггером, а не с Кантом или Расселом. Он не предлагает решения «великих проблем» — по крайней мере, это не в его духе. Скорее, он убеждает нас отбросить их — так же, как в XVII в. многие философы отбросили теологию вместо того, чтобы пытаться предложить новые решения известным теологическим проблемам или шаг за шагом скрупулезно разбирать теологические аргументы.

Что же в таком случае философии останется делать, когда она поймет, как освободить себя от «Философии»? Рорти с нескрываемой ностальгией смотрит в прошлое, в те дни, когда Дьюи и Сантаяна — в особенности первый — были центром американской культуры. Профессионализация философии, имеющая под собой ту ложную идею, что философия должна подражать науке, привела в итоге к тому, говорит он, что ведущими фигурами в культуре теперь являются литературные критики, об интеллектуальных особенностях которых — об их склонности хвастаться знакомством с известными людьми, уклончиво намекать, неточно высказываться, использовать искаженную лексику — он говорит с известной долей благосклонности, что удивляет многих. В глазах Рорти Дьюи совершил одну серьезную ошибку — он написал книгу «Опыт и природа», в которой провозгласил новую метафизику. В отличие от Рорти, Дьюи не вполне был готов отказаться от старого платоновского различия между поэтом (мудрецом) и философом. Но когда он писал об искусстве, науке, морали, культуре, политике, обществе, образовании, он понимал, какой должна быть философия.

Предметом гордости для «Философов», который не присущ многим писателям, чтимым Рорти, является строго логичное рассуждение. «Философы» привыкли считать, что полемическая аргументация, в чем-то напоминающая аргументацию юристов, имеет для философии такое же значение, какое имеет для науки эксперимент; они изыскивают себе учеников, одаренных в этом отношении, и стараются развить в них эти способности. Настоящая задача философии, согласно Рорти, совсем другая — вести непрекращающийся разговор. (Феминистские критики философии — примером ее служат философы, собранные Меррил Хинтиikka и Сандрой Хардинг в сборнике «Открытие реальности» (1983), — выдвигают сходные доводы против аргументативного метода,

добавляя к тому же, что он является специфически мужским приемом.) В основе аргументативной концепции философии, продолжает Рорти, лежит положение о том, что «Философия» может посредством аргументации установить эпистемологические основания, критерии, правила, которые имеют силу для всего находящегося вне философии. Но фактически самое большее, что может философ-эпистемолог, — это исследовать правила, критерии, которые используются в конкретной форме деятельности, и парадигмы, на которых эта форма деятельности зиждется, когда находится на куновской «нормальной» стадии развития.

Это, впрочем, далеко не главная задача философии. Более важный ин-

126 Джон Пассмор. Современные философы

терес для нее составляет «назидание», нежели анализ, аномальное, нежели нормальное, испытание новых способов видения вещей. «Назидание» здесь означает что-то вроде «содействия чьему-либо образованию», чьему-либо *Bildung* *. Именно в этом пункте Рорти обращается к герменевтике¹⁹. Последнюю не следует считать новой эпистемологией, связывая ее, в духе Дильтея, с социальными, в отличие от физических, науками. Скорее, это попытка, в духе Гадамера, заполнить лакуну в культуре, образовавшуюся в результате смерти эпистемологии, заполнить посредством создания теории понимания, изучающей, какими способами оплодотворяется традицией наша способность понимания. В сходном смысле наука когда-то заполнила лакуну, возникшую из-за смерти теологии.

Где в этой картине располагается понятие истины? В «Последствиях прагматизма» и особенно в предисловии к этому сборнику более ясно видно, в какой мере Рорти собирается восстанавливать с своих прав прагматизм. (Исключительно распространенное явление — эта склонность американских философов переходить в прагматизм по мере того, как они становятся старше.) Более того, прагматизм, который он разделяет, — это не прагматизм Пирса, относительно строгий и венчающийся понятием идеальной истины, а скорее намного более «назидательный» прагматизм Джеймса и Дьюи. К предупреждению Гегеля: «Философия должна остерегаться быть назидательной» в наши дни все меньше и меньше прислушиваются. Истина, по словам Рорти, подобна добродетели, и мы не можем надеяться создать о ней представляющую интерес общую теорию. Существует много разных похвальных, с моральной точки зрения, поступков. Однако из-за их разнообразия очень мала вероятность того, что у них есть какие-либо общие черты. Сходным образом, имеется немало утверждений, которые похвально, с моральной точки зрения, высказывать. Но в равной мере крайне мала вероятность того, говорит Рорти, что они обладают некоторым общим свойством — «истиной».

Таким образом, он готов принять предложенное Уильямом Джеймсом определение истины: это «имя для всего того, что оказывается благом в качестве верования, и само благо, также неопределенным объяснимым причинам». Естественно возникающий вопрос о том, является ли само это утверждение истинным, по мнению Рорти, не имеет отношения ни к значению слова «истинный», «ни к требованиям адекватной философии языка, ни к тому, схватываются ли «интуиции нашей культуры» в «лозунгах» прагматистов. Скорее, это вопрос о том, «стоит ли стремиться к постфилософской культуре». Рорти, как может показаться, испытывает некоторые остаточные сомнения в этом вопросе — видимо, это не удивительно, когда сравниваешь социополитические результаты деятельности тех, кто превозносил, и тех, кто осуждал идеал «научной философии», будь то поэты или философы.

Примечания 127

ПРИМЕЧАНИЯ

Сокращения

AJP Australasian Journal of Philosophy

APQ American Philosophical Quarterly

BJPS British Journal for the Philosophy of Science

JP Journal of Philosophy

JSL Journal of Symbolic Logic

PAS Proceedings of the Aristotelian Society

PASS Proceedings of the Aristotelian Society, Supplementary Volume

PBA Proceedings of the British Academy

PQ Philosophical Quarterly

PR Philosophical Review

RIP Revue Internationale de Philosophie

RM Review of Metaphysics

TLS Times Literary Supplement

N.B. При современной издательской практике часто не совпадают даты официального и реального опубликования или даты выхода английского и американского изданий, не говоря уже о датах, когда статья была представлена (или выслана) и когда она была опубликована. В целом я старался указывать дату первого опубликованного издания (как она указана в этом издании), но я мог иногда ошибиться на год или даже более. Если мной указано, что кто-то напечатал ответ на книгу или статью, которая, согласно приведенной дате, опубликована уже после данного ответа, это необязательно является ошибкой.

Глава 1

¹ Полезным введением в современную философию в целом является книга под редакцией Т.Хондриха и М.Бёрниита «Философия как она есть» (*Philosophy as It Is*. I Т. Honderich, M. Burnyeat (eds.), 1979), содержащая подборку статей и выдержки из книг с предваряющими вводными замечаниями. «Философия в двадцатом веке» А.Дж.Айера (*Ayer A.J. Philosophy in the Twentieth Century*, 1982) — это история, написанная в полемическом духе; здесь Айер дискутирует со своими предшественниками и современниками. Более полное рассмотрение некоторых философов, о которых пойдет речь в моей книге, дается во втором томе «Главных направлений современной философии» В. Штегмюллера (*Siegmüller W. Hauptstromungen der Gegenwarts-Philosophie*. V. 2, 1975). Особенно хорошо в нем излагается логика и семантика, а также содержится обширное исследование совре-

128 Джон Пассмор. Современные философы

менных направлений развития науки. «Главные течения в философии» П.Рикера (*P. Ricoeur. Main Trends in Philosophy*) является изданием ЮНЕСКО, по существу, подготовленным многими авторами и опубликованным отдельной книгой в 1979 г., хотя работа над ним закончилась около 1970 г. Тома под названием «Современная философия: новый обзор» (*Contemporary Philosophy: A New Survey*. 1981) изданы под эгидой Международного института философии и подобно предыдущим книгам — «Философии в середине столетия» (*Philosophy in Mid-Century*, 1958) и «Современной философии» (*Contemporary Philosophy*, 1968) — содержат критический обзор новой философии в самых разнообразных областях. Книга А.Р. Лейси «Современная философия» (*Lacey*

A.R. Modern Philosophy, 1982) представляет собой систематическое введение в центральные проблемы современной британской философии. См. также: *Contemporary Analytic and Linguistic Philosophies I* E.D. Klemke (ed.), 1983. Название книги Дж. Р. Бёрра «Справочник по мировой философии с 1945 года» (*Burr J.R. Handbook of World Philosophy Since 1945*, 1980) точно описывает ее содержание. Она является полезным введением в восточную и африканскую философию.

² Одной из многих периферийных областей, которые я оставляю здесь без описания, является философия религии. См.: *Contemporary Philosophy of Religion I* S.Cahn, D.Shatz (eds.), 1982 (с библиографией по 1965—1980 гг.) и в последующем *Mackie J.L. The Miracle of Theism*, 1982. Об этике в целом см.: *Hudson W.D. A Century of Moral Philosophy*, 1980. Хотя Хейр в книге «Моральное мышление» (*Hare R. M. Moral Thinking*, 1981, имеется библиография) все еще подчеркивает, что философия морали является философской логикой, ее содержание он усматривает в усовершенствованном варианте утилитаризма. О добродетели см., к примеру: *Wallace J. Virtues and Vices*, 1978; *Foot P. Virtues and Vices*, 1978; MacIntyre A. *After Virtue*, 1981; (или в более теологическом духе) *Geach P. T. The Virtues*, 1977. В качестве введения в более обширную область см.: *Singer P. Practical Ethics*, 1979.

³ Следует добавить, что общий уровень марксистских трудов в англоамериканском мире гораздо выше по сравнению с тем периодом, когда подобные труды главным образом посвящались защите советской идеологии. Тем не менее для многих авторов этих трудов до сих пор характерен отказ конструктивно признать, что те или иные взгляды отцов-основателей порой были ошибочны, а не просто нуждаются в небольшой переинтерпретации. Поэтому по своему духу эти труды крайне схоластичны. Более радикальные ревизионистские разновидности марксизма в основном импортируются из Европы. См., в частности, ниже главу 2, прим. 5 об Альтюссере. Кроме того, обычно ссылаются также на «Письма из тюрьмы» Антонио Грамши (1947, английский перевод 1971) и труды венгра Дьёрдя Лукача, в особенности на его «Историю и классовое сознание»

Примечания 129

(1923, английский перевод 1971), от которой он впоследствии отрекся. Важное значение имеет то, что переводы этих книг появились поздно, хотя имелись и более ранние переводы избранных работ Грамши. Репутация Лукача знала падения и взлеты, что отчасти является следствием приписываемой ему готовности смириться с властью Сталина. Как бы то ни было, см.: *Lukacs Revalued I* A.Heller (ed.), 1983. Описание польских разнородных вариантов марксизма см.: *Skolimowski H. Polish Analytical Philosophy*, 1967. Более ортодоксальный вариант польского марксизма найдете в: *Schaff A. Language and Cognition*, 1967. В работе Л.Колаковс-кого «Главные течения марксизма» (*Kolakowski L. Main trends of Marxism. V. 1-3*, 1976—1978) излагается история побед и неудач марксизма. В серии работ «Вопросы марксистской философии» под редакцией Дж.Мефам и Д.Рубена (*Issues in Marxist Philosophy I* J.Mephram, D.H.Ruben (eds.), 1979) предпринимаются усилия исправить ситуацию с марксизмом в Великобритании. Но эти работы все еще преимущественно являются экзегическими. См. также: *Marx and Marxisms I* G.H.Parkinson (ed.), 1982; *The Varieties of Contemporary Marxism I* T.J.Blakeley et al. (eds.), 1983. Марксистский гуманизм см. в: *Socialist Humanism I* E.Fromm (ed.), 1965. Много диспутов вызвал вопрос об отношении марксизма к этике, см.: *Kamenka E. The Ethical Foundations of Marxism*, 1962. Значительные различия между марксистами касаются того, хотят ли они считать себя философами. См.: *Callinicos A. Marxism and Philosophy*, 1983. Периодическое издание «Radical Philosophy» («Радикальная философия», 1972) служит хорошим введением в широкий спектр инспирируемого Марксом философствования. Из огромной общей литературы по этому вопросу можно упомянуть: *Avineri S. The Social and Political Thought of Karl Marx*, 1968; *McMurtry J. The Structure of Marx's World View*, 1978. Относительно идей, обсуждавшихся в 1960-е гг., см.: *Passmore J.A. The Perfection of Man*, 1970.

⁴ В работе «Знание и человеческие интересы» (1968, английский перевод 1971) Хабермас критикует, главным образом в историческом ключе, попытку позитивистов сделать из философии науки обобщенную эпистемологию, «очищенную от всех интересных проблем», т.е. от проблем, связанных с местом науки в человеческом обществе и в широкой структуре человеческих

«познавательных интересов». Свою социальную теорию, которая составляет его главный интерес и в которой центральным является понятие «идеального языкового сообщества», объединения совершенных участников дискуссий, он разрабатывает в ряде статей, переведенных на английский язык под названием «Коммуникация и эволюция общества» (*Habermas J. Communication and the Evolution of Society*, 1979). В этих же статьях он также находит точки соприкосновения с теорией речевых актов Остина. Его теория языка была подвергнута критике со стороны И.Бар-Хиллела в журнале «Synthese» (1973). Как это часто случается, Хабермас в

130 Джон Пассмор. Современные философы

ответ указывает, что был неправильно понят; если принять во внимание его манеру письма, то это вполне вероятно. Убеждение Хабермаса в том, что критика идеологии является центральной задачей философии, имеет своим источником статью Макса Хоркхаймера о традиционной философии и критической теории, впервые опубликованную в 1937 г. и включенную в его «Критическую теорию» (1968, английский перевод 1972). О Франкфуртской школе в целом см.: *The Essential Frankfurt School Reader I* A.Arato, E.Gebhardt (eds.), 1979; (в историческом аспекте) *Jay M. The Dialectical Imagination*, 1979; (в критическом аспекте) *Conner ton P. The Tragedy of Enlightenment*, 1980. Отдельно о Хабермase см.: *McCarthy T. The Critical Theory of Jürgen Habermas*, 1978; *Hesse M. Revolutions and Reconstructions in the Philosophy of Science*, 1980; *Kortian G. Metacritique*, 1980; *Habermas: Critical Debates I* L.E.Thompson, D.Held (eds.), 1982; *Geuss R. The Idea of a Critical Theory*, 1982. Работа Теодора Адорно «Против эпистемологии» (1972, английский перевод 1982) представляет собой критику претензий, содержащихся в феноменологии Гуссерля. Герберт Мар-кузе какое-то время был наиболее обсуждаемым представителем Франкфуртской школы, однако его марксизм фрейдистского толка лежит вне области наших интересов. Следует подчеркнуть, что Франкфуртская школа полностью отвергает классический вариант социологии знания, как она представлена в работе Карла Мангейма «Идеология и утопия» (1929, английский перевод 1936), в которой делается исключение для физики. См.: *Jay M. The Frankfurt School's Criticism of Karl Mannheim* // *Telos*, 1974.

Представление об огромном спектре исследований, проводимых сейчас под рубрикой социологии знания, может дать работа: *The Sociology of Knowledge I* J.E.Curtis, J.W.Petras (eds.), 1970. Специальные номера журнала «Philosophy of Social Sciences» («Философия социальных наук») за 1981 г. рисуют картину последних исследований в этой области, особенно в связи с философией науки. Двумя ведущими представителями в социологии знания являются Бэрри Варне и Дэвид Блор. См.: *Bloor D. Knowledge and Social Imagery*, 1976; *Barnes B. Interests and the Growth of Knowledge*, 1976. См. также ниже, главу 5, прим. 15.

⁵ Дополнительную библиографию вы найдете в примечаниях к главе 17 «Ста лет философии» и к главе 3 ниже, а также см. первый том «Современной философии» под редакцией Дж.Ф.Флэйстада (*Contemporary Philosophy I* J.F.F10istad (ed.). V. 1, 1981), который полностью посвящен философии языка и философской логике. На математическом фронте книга под редакцией Дж.Н.Кроссли и др. «Что такое математическая логика?» (*What is Mathematical Logic?* J.N.Crossley et al. (eds.), 1972) может служить кратким введением, особенно полезным в разделе, посвященном «машинам Тьюринга»; последние трактуются как выдающие одно-

Примечания 131

значные команды, которые можно выполнить без какой-либо помощи воображения. Ссылки на машины Тьюринга часто встречаются в работах по «физикалистскому» анализу сознания и знания. На противоположном полюсе среди книг по математической логике стоит чрезвычайно объемистый труд под редакцией Дж. Барвайса «Руководство по математической логике» (*Handbook of Mathematical Logic I* J.Barwise (ed.), 1977).

Что касается философского фронта, то особенно рекомендуем следующие работы: *Rescher N. Topics in Philosophical Logic*, 1968; *Philosophy of Logic I* S.Körner (ed.), 1976; *Logic and Philosophy I* G.H. von Wright (ed.), 1980; *Language, Logic and Philosophy I* K.Haller, W.Grassl (eds.), 1980; *Grayling A.C. Introduction to Philosophical Logic*, 1982 (в этой работе обсуждается большинство

авторов, которым мы уделим особое внимание); *Wright von G.H.* Philosophical Logic, 1983 (здесь собраны все его статьи по этой теме); *Handbook of Philosophical Logic I* D.M.Gabbay, F.Guenther (eds.). V. 1-4, 1983—1984.

Работа С.Хааска «Философия логики» (*Haack S.* Philosophy of Logic, 1978) была подвергнута довольно суровой критике, однако является единственным введением в «философские проблемы, поднимаемые логикой». Математическая и философская логики — без четкого их разграничения — обсуждаются вместе в: *Essays on Mathematical and Philosophical Logic I* J.Hintikka et al. (eds.), 1978; *Modern Logic: a Survey I* E.Agazzi (ed.), 1980. См. также периодическое издание «Journal of Philosophical Logic» («Журнал философской логики», 1972). Философская логика плавно переходит в философию языка и лингвистику. См. следующие сборники: *Contemporary Research in Philosophical Logic and Linguistic Semantics I* D.Hockney et al. (eds.), 1975; *Contemporary Perspectives in the Philosophy of Language I* P.French et al. (eds.), 1978; *Aspects of Philosophical Logic I* U.Mönnich (ed.), 1981, а также см. главы 3 и 4 ниже.

⁶ Об этих логических новшествах см. прим. 8—11 к главе 17 в «Сто лет философии», а о Льюисе — прим. 20 к главе 12. См. также разные ссылки ниже. О неклассической логике см. (хотя и довольно неполную работу) *Haack S.* Deviant Logic, 1974. Чрезвычайно трудно классифицировать виды неклассической логики. Они образуют разнообразные сочетания друг с другом, а те, кто их разрабатывает, часто настойчиво отрицают свою принадлежность к той категории, к какой их обычно причисляют. В число этих логик входят «свободные» логики, которые изначально связаны с учением Стросона о пресуппозициях — об этом см. прим. 43 к главе 18 в «Сто лет философии», а более широкий обзор недавних разработок в этой области можно найти в: *Wilson D.* Presuppositions and Non-Truth-Conditional Semantics, 1975. В целом публикации очень разрозненны; какое-то представление о них можно составить по: *The Logical Way of Doing Things I* K.Lambert (ed.), 1969. Как утверждается в этой работе, логика

132 Джон Пассмор. Современные философы

должна быть способна иметь дело с высказываниями, содержащими ссылки на воображаемые, вымышленные, бессмысленные и даже противоречивые состояния дел; в рамках классической логики сделать это должным образом нельзя. См. также: *Goddard L., Routley R.* The Logic of Significance and Context, 1973. Интересно, что одним из побочных эффектов была реабилитация Мейнонга, в течение долгого времени олицетворявшего собой пример философского *reductio ad absurdum*. См.: прим. 8 к главе 8 в «Сто лет философии», а также *Routley R.* Exploring Meinong's Jungle, 1980 и *Parsons T.* Nonexistent Objects, 1980.

⁷ О «релевантности» см.: *Ackermann W.* Strong Implication // *JSL*, 1956; *Anderson A.R., Belnap N.D.* Entailment, 1975; *Diaz M.R.* Topics in the Logic of Relevance, 1981. По специальному вопросу о дизъюнкции см.: *Belnap N.D., Dunn J.M.* Entailment and the Disjunctive Syllogism // *Contemporary Philosophy I* G.F10istad (ed.). V. 1, 1981 и ответную работу *Meyer R.K.* Why I am not a Relevantist, 1978. Австралийские разработчики релевантной логики считают, что релевантность, хотя и в более слабой форме как минимальное условие для выведения следствий, является заблуждением 1960-х гг.; принципиальное значение имеет разработка логики, которая соотносится с нашими обычными логическими интуициями. См. также: *Routley R. et al.* Relevant Logic and Its Rivals, 1982.

Отказ от принципа Льюиса, согласно которому/? и не-/? вместе имплицитно имеют какое угодно высказывание, имело следствием разработку «пара-непротиворечивых» логик. См.: *Rescher N., Brandon R.* The Logic of Inconsistency, 1979; *On Paraconsistency I* G.Priest, R.Routley (eds.), 1985; специальный номер журнала «Studia Logica» за 1979 г. Еще одна считавшаяся несостоятельной позиция завоевала тем самым себе сторонников. См.: *Routley R., Meyer R.K.* Dialectical Logic, Classical Logic and the Consistency of the World // *Studies in Soviet Thought*, 1976.

Кроме того, сейчас предпринимается немало попыток формализовать отношения неопределенности в квантовой механике. Ганс Рейхенбах предложил в «Философских основаниях квантовой механики» (*Reichenbach H.* Philosophical Foundations of Quantum Mechanics, 1944), что

это можно было бы сделать с помощью трехзначной логики, в которой к «истинно» и «ложно» в качестве третьего возможного истинностного значения добавляется «неопределенно». О более поздних попытках, часто сопровождающихся критикой Рейхенбаха, см.: *Fraassen van B.C. II Logical and Epistemological Studies in Contemporary Physics I* R.S.Cohen, M.W.Wartofsky(eds.), 1974; *The Logico-algebraic Approach to Quantum Mechanics I* C.A.Hooker (ed.). V. 1—2, 1975; *Putnam H. Philosophical Papers*. V. 1, 1975; *Mittelstaedt P. Quantum Logic*, 1978. Вряд ли вызовет удивление то, что перед лицом такого разнообразия некоторые логики стремятся реабилитировать традиционную логику. См.: *Sommers F. The Logic of Natural Language*, 1982. Гич резко отреагиро-

Примечания 133

вал в своей рецепции для *TLS*. Но он нашел себе защитника в: *Englebretsen G. Three Logicians*, 1981.

⁸ Критическую историю современной немецкой философии см. в: *Bubner R. Modern German Philosophy*, 1981, где прослеживаются ее тесные связи с современной англо-американской философией. Особенно поражает влияние Поппера, проявившееся со столь значительной задержкой. В 1978г., когда проходила Всемирная конференция по философии в Дюссельдорфе, на улице немецкие студенты организовали демонстрацию в поддержку немецкой традиции и против «попперианского империализма». Существенно, что первый крупный сторонник Поппера Ханс Альберт был по образованию экономистом, а не философом. См. его работы: *Albert H. Traktat über kritische Vernunft*, 1968 и *Albert H. Plädoyer für kritischen Rationalismus*, 1971. Широкий резонанс получила конфронтация между попперианцами и представителями Франкфуртской школы, что отражено в: *The Positivist Dispute in German Sociology I* T.Adorno et al. (eds.), 1969, английский перевод 1976. Во введении к этой книге, написанном Д.Фрисби, дан широкий обзор. См. также: *Radnitzky G. Contemporary Schools of Metascience*, 1968 и его статьи (Радницкий очень плодотворный писатель), например: *Radnitzky D. From Justifying a Theory to Comparing Theories and Selecting Questions // RIP*, 1980. Статьи Штегмюллера сейчас изданы на английском языке в виде сборника: *Stegmüller W. Collected Papers*, 1977. См. также: *Lenk H. Metalogik und Sprachanalyse*, 1973. Австрия, безусловно, имеет долгую традицию аналитической философии. Журнал «Erkenntnis» выпустил специальный номер в 1983 г., посвященный Штегмюллеру.

Во Франции наблюдается растущий интерес к Витгенштейну, а также небольшой интерес к Хомскому и остинианцам и в какой-то мере к логике. Тем не менее, хотя Винсент Деском лично знаком с англо-американскими философами, в своей работе «Современная французская философия» (1979, в английском переводе: *Descombes V. Modern French Philosophy*, 1980), изобилующей ссылками на немецкую философию, он не считал нужным упомянуть ни одного англо-американского мыслителя. В этом плане очень разителен контраст с упомянутой выше книгой Бубнера по современной немецкой философии, хотя в других отношениях эти книги сопоставимы. См. также: *Philosophy in France Today I* A.Montefiori (ed.), 1983, куда включена упоминавшаяся статья Жака Бувереса: *Bouveresse J. Why I am so very unFrench*.

Итальянская философия по большей части привязана к франко-немецким источникам и особенно старалась приспособиться к марксизму. Тем не менее, в Италии в какой-то мере культивируется англо-американская философия науки. См., к примеру, журнал «Epistemologia» (1978); *Studisul problema del sifhflcato* E.Agazzi (ed.), 1979; *M.Dalla Chiara. Italian Studies*

134 Джон Пассмор. Современные философы

in the Philosophy of Science, 1980; *Fera M. Apologia del Metodo*, 1982. О скандинавской философии см.: *Scandinavian Philosophy Today I* R.E.Olsen, A.M.Paul (eds.), 1972.

8 Испании, Греции, Южной Америке, а также в Польше активно работают группы аналитических философов. См. журнал «Monist» за 1982г.

О «современной континентальной аналитической философии». Ситуация в Индии осложняется из-за существования прочных местных философских традиций. См., к примеру: *Contemporary Indian Philosophy I* M.Charterjee (ed.). Series 2, 1974 и журнал «Indian Journal of Philosophy».

⁹ Эрнст Тugendхат опубликовался в юбилейном сборнике под редакцией Р.Бубнера и др. «Герменевтика и диалектика» (*Hermeneutik und Dialektik* / R.Bubner et al. (eds.), 1970), изданном в честь влиятельного «герменевтического» философа Х.Г.Гадамера, и в своей статье правильно отмечает, что в Германии «анализ языка» в течение долгого времени отождествлялся с логическим позитивизмом. Свою позицию он развивает в: *Tugendhat E.. Traditional and Analytical Philosophy* (английский перевод 1982).

Благодаря теологу Фридриху Шлейермахеру в первые десятилетия XIX в. герменевтика стала методом библейского толкования, предназначенным уменьшить риск неправильного понимания текста. См. его статьи и афоризмы в издании: *Schleiermacher F. Hermeneutik* / H.Kimmerle (ed.), 1959. Для Вильгельма Дильтея герменевтика имеет отношение к тому виду истолкования, которое возможно не в естествознании, а в науках о человеке и которое основывается на сокровенном понимании созданного людьми. См.: *Dilthey: Selected Writings/H.P.Rickmann (ed.)*, 1976 и *Wilhelm Dilthey*

I H.P.Rickmann (ed.), 1979; *Makkreel R. Dilthey*, 1975; *Ermath M. Wilhelm Dilthey*, 1978; *Plantinga A. Historical Understanding in the Thought of Dilthey*, 1980. Гадамер, опираясь на Хайдеггера, расширил сферу применения герменевтики до любых наших интерпретаций опыта, который, как он утверждает, всегда есть результат нашей принадлежности к некоей традиции интерпертации. В идеальном случае наш «горизонт значения» сливается с «горизонтом значения» текста, но в этом слиянии все еще сохраняется различие как «некое трение между текстом и настоящим». См.: *Gadamer H. G. Truth and Method*, 1960 (английский перевод 1965). Представители Франкфуртской школы критиковали Гадамера за раболепие перед традицией, но тем не менее включили определенные его идеи в свой анализ идеологии, см.: *Apel K.O. et al Hermeneutik und Ideologiekritik*, 1971.

Когда авторитет науки был поставлен под вопрос в англо-американском мире, к герменевтике стали относиться там с большей симпатией. Однако это касалось герменевтики как интерпретации текстов или герменевтики Дильтея, а не предпринятой Гадамером попытки сделать из нее всеобщую философию благодаря учению, согласно которому любой опыт есть «прочтение». Об истории герменевтики см.: *Palmer R.E. Hermeneutics*,

Примечания 135

1969. См. также: *Philosophical Hermeneutics/O.E.Linge (ed.)*, 1976; *Bleicher J. Contemporary Hermeneutics*, 1980; *Thompson J.B. Critical Hermeneutics*, 1981; *Taylor C. Interpretation and the Sciences of Man// RM*, 1971. Во Франции идеи герменевтики были подхвачены П.Рикером. См.: *Ricoeur P. Interpretation Theory*, 1976; *Ricoeur P. Conflict of Interpretations*, 1969 (английский перевод 1974); *Ricoeur P. Hermeneutics and the Human Sciences*, 1981 (с библиографией). О самом Рикере см.: *Ihde D. Hermeneutic Philosophy*, 1971; (антологию) *The Philosophy of Paul Ricoeur I* C.E.Reagan, D.Stewart (eds.), 1978; *Studies in the Philosophy of Paul Ricoeur I* C.E.Reagan (ed.), 1979 (с библиографией по Рикеру и его критикам). О теологическом приложении герменевтики, соединяющем в себе идеи Хайдеггера, Бульзмана, Гадаме-ра и Витгенштейна см.: *Thiselton A. C. The Two Horizons*, 1980. Рассмотрение интерпретации с некоторыми ссылками на герменевтику, но в большей мере с англо-американской позиции дано в: *Wright von H. Explanation and Understanding*, 1971. См. также смешанный сборник статей: *Essays on Explanation and Understanding I* J.Manninen, R.Tuomela (eds.), 1976. Сборник «Критическая социология» под редакцией П.Коннертона (*Critical Sociology I* P.Connerton (ed.), 1976) содержит выдержки из работ как философов герменевтики, так и представителей Франкфуртской школы. См. также: *Howard R.J. Three Faces of Hermeneutics*, 1983. Статья о герменевтике Р.И.Палмера (Palmer R.E.) во втором томе «Современной философии» (*Contemporary Philosophy I* G.F10istad (ed.)) содержит чрезвычайно обширную библиографию. См. также: *Hermeneutics, Questions and Prospects I* G.Shapiro, A.Sica (eds.), 1984.

¹⁰ Апель и Хабермас близко стоят друг к другу. Апель написал книгу о Пирсе (1975, английский перевод 1981) и называет свою позицию *Trans-zendentalpragmatismus* (трансцендентальным прагматизмом), что говорит о ее странном характере. В своей работе «Трансформация философии» (*Apel K.O. Transformation der Philosophie*, 1973), из которой часть статей были переведены на английский язык и изданы под более скромным названием «К трансформации философии» (*Apel K.O. Towards Transformation of Philosophy*, 1976), он в противовес Марксу высказывает предположение о том, что философия может быть преобразована таким образом, что она станет основой для осуществления перемен, но при этом не утратит своего трансцендентального характера и не позволит социальным наукам взять над ней верх. С этой точки зрения он рассматривает Витгенштейна и Уинча Б своей книге «Аналитическая философия языка и науки о духе» (*Apel K.O. Analytical Philosophy of Language and the Geisteswissenschaften*, 1965, английский перевод 1967). Все трое подвергаются критике с попперианских позиций в книге Х.Альберта «Трансцендентальные грезы» (*Albert H. Transzendente Traumereien*, 1975). По большей части англо-американская философия ориентировалась на физические, а не на со-

136 Джон Пассмор. Современные философы

циальные науки, за известным исключением чикагских прагматистов и, в меньшей степени, попперианцев. Однако ситуация меняется и не только в результате возрождения марксизма. Помимо прим. 36 к главе 20 в «Сто лет философии» см.: *Readings in the Philosophy of the Social Sciences I* M.Brodbeck (ed.), 1968; *Explanation and the Behavioural Sciences I* C.Borger, F.Cioffi (eds.), 1970; *Ryan A. The Philosophy of the Social Sciences*, 1970; *MacIntyre A. Against the Self-images of the Age*, 1971 ; (его же) *After Virtue*, 1981 и статьи: *MacIntyre A. The Proper Study* (Royal Institute of Philosophy Lectures, 4, 1971); *Winch P. Ethics and Society*, 1972; *Gellner E. Cause and Meaning in the Social Sciences*, 1973; *The Philosophy of Social Explanation I* A.Ryan (ed.), 1973; *Keat R., Urry J. Social Theory as Science*, 1975; *Rational Action I* R.Harrison (ed.), 1979; *Rationality and the Social Sciences I* S.I.Benn, G.W.Mortimore (eds.), 1976; *Elster J. Ulysses and the Sirens*, 1979. В книге «Философия общества» под ред. Р.Бихлера и А.Р.Дрегсона (*The Philosophy of Society I* R.Beehler, A.R.Dregson (eds.), 1978) демонстрируются сложности, возникающие при проведении границ между философией социальных наук и теоретической социологией; о том же речь идет и в работе: *Ullman-Margalit E. The Emergence of Norms*, 1977. См. также: *Action and Interpretation I* C.Hookway, P.Pettit (eds.), 1978; *Thomas D. Naturalism and Social Science*, 1979, наряду с большей частью литературы, указанной в предыдущем примечании и в прим. 3 выше.

¹¹ Не так давно одно только предложение прочитать курс лекций о Гегеле могло встретить в британских университетах сильное противодействие. Разумеется, всегда были философы, которые не соглашались с этой негативной оценкой, например, Дж.Р.Мьюэ в Оксфорде и Дж.Н.Файндли в Лондоне, позже переехавший в Бостон. Случай с Файндли особенно интересен. Он начинал как близкий ученик Мейнонга, посещал лекции Витгенштейна и писал о них, когда это было далеко не в моде, и наконец превратился в метафизика гегелевского типа. Немногие философы столь последовательно шли против течения. См.: *Findley J.N. Hegel*, 1958, а также (гиффордовские лекции) *Findley J.N. The Discipline of the Cave*, 1966 и *Findley J.N. The Transcendence of the Cave*, 1967. В 1970-е гг. вышли новые издания и переводы работ Гегеля, а также широкомасштабное исследование Чарльза Тэйлора (1975). См. также: *Hegel I* A.MacIntyre (ed.), 1972. В статье Тэйлора «Теории значения» (*Taylor Ch. Theories of Meaning // PBA*, 1980) критикуется англо-американская семантика, построенная на понятии условий истинности, с позиций немецкой романтической традиции, идущей от Гердера до Хайдеггера.

¹² Обратите внимание на область исследований Армстронга или Пор-ти, о которых речь пойдет дальше. «Природа вещей» Энтони Куинтона (*Quinton A. The Nature of Things*, 1973) служит примером широкого метафизического мышления в рамках аналитической философии. Роберт Но-

Примечания 137

зик, вначале снискавший себе известность как политический философ благодаря книге «Анархия, государство и утопия» (*Nozick R. Anarchy, State and Utopia*, 1974), занялся анализом широкого спектра философских тем в работе «Философские объяснения» (*Nozick R. Philosophical*

Explanations, 1981). Написанный с еще большим размахом «Трактат по фундаментальной философии» Марио Бунге будет, по заявлению автора, доведен до восьми томов. В характерном для нашего времени стиле трактат начинается с семантики. Представление о широте современных англо-американских метафизических интересов дает четвертый том «Среднезападных исследований по философии» (*Midwest Studies in Philosophy*. V. 4, 1979). Книга К.Кэмпбелла «Метафизика» (*Campbell K. Metaphysics*, 1976) служит полезным введением в тот же круг тем.

¹³ Статью Геттьера можно прочесть в сборнике под ред. А.П.Гриф-фитса «Знание и мнение» (*Knowledge and Belief I* A.P.Griffiths (ed.), 1967), где она помещена в контекст более ранних, начиная с Кука Уилсона, исследований по этой теме. О вызванной ею буре протестов можно судить по: *Essays on Knowledge and Justification I* G.S.Pappas, M.Swain (eds.), 1978. Там же приводится подробная библиография, которая, вместе с тем, крайне избирательна. К числу недавних книг по традиционным эпистемологическим проблемам, охватывающим более широкую область и не упоминавшимся ранее, относятся: *Chisholm R. Theory of Knowledge*, 1966; *Chisholm R. The Foundations of Knowing*, 1982; *Aune B. Knowledge, Mind and Nature*, 1967; *Danto A. Analytical Philosophy of Knowledge*, 1968; *Knowing/ M.Roth, L.Galis* (eds.), 1970; *Problems in the Theory of Knowledge I* G.H. von Wright (ed.), 1972; *Barman G. Thought*, 1973; *Empirical Knowledge I* R.Chisholm, R.Swartz (eds.), 1973; *Lehrer K. Knowledge*, 1974; *French P.A. et al. Studies in Epistemology // Midwest Studies*. V. 5, 1980. Философы все еще продолжают заниматься защитой и критикой скептицизма. В частности см.: *Unger P. Ignorance*, 1975; *Williams M. Groundless Belief*, 1977; *Rescher N. Scepticism*, 1980; *Cornman J. W. Scepticism, Justification and Explanation*, 1980. Несколько больше удивления вызывает то, что по-новому была оценена репрезентативная теория восприятия. См.: *Mackie J.L. Problems from Locke*, 1976; *Jackson F. Perception*, 1977. Преобладающим в современной эпистемологии и «когнитивной психологии» стало понятие «потока информации». См., к примеру: *Dretske F.I. Knowledge and the Flow of Information*, 1981. В качестве общего введения в эпистемологические дискуссии см. широкое обсуждение этих тем в сборнике под ред. Дж.Макдональда «Восприятие и тождество» (*Perception and Identity I* G.Macdonald (ed.), 1979), где за отправную точку взят Айер, а также см.: *Evans J.L. Knowledge and Infallibility*, 1978; *O'Connor D.J., Carr B. Introduction to the Theory of Knowledge*, 1982.

Общий обзор, прослеживающий связи между эпистемологическими и метафизическими вопросами, найдете в: *Schlesinger G.N. Metaphysics*, 1982.

138 Джон Пассмор. Современные философы

Если мной что-то упущено, то восполнить это может работа: *Shope R. K. The Analysis of Knowing: a Decade of Research*, 1983. О «натурализации» эпистемологии см.: *Quine W. V. The Roots of Reference*, 1974.

¹⁴ Идеи Армстронга кратко суммированы в его статье «Каузальная теория сознания», которую проще всего найти в его книге «Природа сознания» (*Armstrong D. The Causal Theory of Mind II Armstrong D. The Nature of Mind*, 1980). Сходные идеи высказываются Д.К.Льюисом в: *Lewis D.K. An Argument for the Identity Theory // JP*, 1966. См. также: *Mediin B. Ryle and the Mechanical Hypothesis // The Identity Theory of Mind I* C.F.Prestly (ed.), 1967; *Bradley M. C. Sensations, Brain-Processes and Colours IIAJP*, 1963 (наряду с его же (Брэдли) критической рецензией на книгу Смарта «Философия и научный реализм» в *AJP* за 1964); *Campbell K. Body and Mind*, 1970; *Rorty R. Mind-Body Identity, Privacy and Categories* (а также его более позднее рассмотрение «антиподов» в книге «Философия и зеркало природы» (*Rorty R. Philosophy and the Mirror of Nature*, 1980)). Кроме того, см. Крипке и Дэвидсона ниже.

Стимулом для Армстронга послужила статья Дональда Дэвидсона «Действия, основания и причины» (*Davidson D. Actions, Reasons and Causes /UP*, 1963), переизданная в: *Davidson D. Essays on Actions and Events*, 1980, где также содержится критика анализа Армстронгом понятия «пытаться». Ответ на эту критику Армстронг дает в «Природе сознания». К этой теме также относятся: *Grice H. P. The Causal Theory of Perception // PASS*, 1961; *Pitcher G. A Theory of Perception*, 1971. См. также: *Causal Theories of Mind I* S.Davis (ed.), 1983. Взгляды Армстронга широко критиковались. См., к примеру, рецензию Т.Нагеля (Nagel T.) на «Материалистическую

теорию сознания» (*Armstrong D.* A Materialist Theory of Mind) в *PR* за 1970г. А.Дж. Айер в своей «Философии в двадцатом столетии» основное внимание уделяет анализу Армстронгом вторичных качеств. См. также более позднюю литературу по материализму в прим. 40—42 к главе 20 в «Сто лет философии» и по эпистемологии в прим. 13 к настоящей главе. О его теории универсалий см. также материалы дискуссии с Куайном и Майклом Деви-том в «Pacific Philosophical Quarterly» за 1981 г. и статью Л.Годштейна «Научный шотландизм» (*Goldstein L.* Scientific Scotism // *AJP*, 1983), где прослеживается связь Армстронга с Уилфридом Селларсом и приводится обширная библиография работ Селларса об универсалиях. Армстронг разрабатывает свою теорию научных законов в: *Armstrong D.* What is a Law of Nature? 1983. Общий обзор исследований по проблеме сознания и мозга, многие из которых будут рассмотрены ниже, а также соответствующую библиографию вы найдете в: *Armstrong D.* Recent Work on the Relation of Mind and Brain // *Contemporary Philosophy*. V. 4. О более ранних исследованиях по проблеме универсалий см.: *Universals and Particulars* I M.Loux (ed.), 1970; *Loux M.* Recent Work on Ontology // *APQ*, 1972.

Примечания 13

¹⁵ Что касается Рамсея, то см.: (в новом издании) *Ramsey P.P.* The Foundations of Mathematics, 1931, наряду с дополнительными материалами опубликованными под названием «Foundations» (1978), а также: *Prospect for Pragmatism* I D.H.Mellor (ed.), 1980. На собственные труды Меллор; большое влияние оказал Рамсей. См.: *Mellor D.H.* The Matter of Chance 1971. О понятии «кары» см.: *Dowries R., Stea D.* Maps in Minds, 1977 Дж.Хейл связывает позицию Армстронга с теорией образов Витгенштейна. См. также главу 15 в «Сто лет философии» и Столнейкера ниже.

¹⁶ Представляет собой более поздний вариант его книги «Тождество и пространственно-временная непрерывность» (*Wiggins D.* Identity and Spatio-temporal Continuity, 1967). См. также статьи в: *Identity and Individuation* M.K.Munitz (ed.), 1971; *Personal Identity* I J.Perry (ed.), 1975; (и особенно *The Identities of Persons* I A.Rorty (ed.), 1976 (где приводится обширная библиография). В книге «Проблемы самости» Бернарда Уильямса (*William B.* Problem? of the Self, 1973) собраны статьи одного из самых талантливых, но наименее плодотворных современных британских философов. См. также: *Parfit D.* Reasons and Persons, 1984. В число других работ по этой* теме входят: *Penelhum T.* Survival and Disembodied Existence, 1970; *Mackay J.L.* Problems from Locke, 1976; *Chisholm R.M.* Person and Object, 1976; *Brody B.R.* Identity and Essence, 1980; *Hirsch E.* The Concept of Identity, 1982; дискуссию между С.Шумейкером и Р.Суинберном см.: *Shoemaker S., Swinburne R.* Personal Identity, 1984.

В работе Томаса Негеля «Неумолимые вопросы» (*Nagel T.* Mortal Questions, 1979) обсуждение самотождественности личности проходит через всю книгу, что хорошо иллюстрирует, каким образом разрушаются барьеры в современной философии.

¹⁷ В качестве сторонников относительного тождества см.: *Geach P. T.* Reference and Generality, 1962; *Geach P. T.* Logic Matters, 1972, а также его статью в: *Logic and Ontology* I M.K.Munitz (ed.), 1973; *Griffin N.* Relative Identity, 1977; *Griffin N., Routley R.* Towards a Logic of Relative Identity // *Logique et Analyse*, 1979; *Noonan H.* Objects and Identity, 1980. За справочными материалами следует обратиться к примечаниям в тексте и заключительной библиографии в упомянутой книге Виггинса. Следует отметить, что этот, на первый взгляд очень специальный, вопрос может иметь теологические следствия, если его сформулировать так: могут ли три ипостаси Троицы быть одной, не обладая при этом сообща всеми своими свойствами? Даммит в своей книге «Фреге» (*Dummett M.* Frege, 1973) критикует Гича и разрабатывает позицию, сходную с позицией Виггинса.

¹⁸ Здесь Виггинс опирается на теорию естественных видов Хилари Патнэма, как она разрабатывается последним в статье «Возможна ли семантика» (Is Semantics Possible (1970) — переиздана в: *Putnam H.* Mind, Language and Reality, 1975). См. также разделы о Крипке и Патнэме ниже.

140 Джон Пассмор. Современные философы

Характерно, что Виггинс прослеживает корни аналогичного патнэмовс-кому воззрения у Аристотеля и Лейбница, по сути, обнаруживая некоторые предвосхищения его даже у досократиков.

¹⁹ См., к примеру: *Shorter J. M.* Personal Identity, Personal Relationships, and Criteria // *PAS*, 1970. Однако общей тенденцией нашего времени стало сосуществование двух противоположных точек зрения — теории, которую разрабатывают социобиологи, например, Э.О.Уилсон в книге «Социобиология» (*Wilson E.O.* Sociobiology, 1975) и, не столь решительно, в книге «О человеческой природе» (*Wilson E.O.* On Human Nature, 1978) и согласно которой для понимания общества мы должны обратиться к биологическим законам, и теории, которая возникла под влиянием социологии знания и согласно которой то, что мы называем «природой», следует понимать как социальный феномен.

²⁰ «Эмпиризм» никоим образом не является четко определенным термином; хотя Куйан когда-то критиковал «две догмы эмпиризма», его самого критикуют как эмпириста. Х.Морик в своей книге «Вызовы эмпиризму» (*Morick H.* Challenges to Empiricism, 1972) объединил вместе поразительно разных философов, начиная с Карнапа, Куайна, Поппера и кончая Фейерабендом и Хомским. Возрождение интереса к Канту столь широко распространено, что его едва ли можно как-то проиллюстрировать. Тем не менее см., к примеру: *Seilars W.* Science and Metaphysics, 1968. Однако, следует добавить, что есть немало новых благожелательных прочтений Локка, например в работах Виггинса и Мэкки, а уровень исследований Юма достиг очень высокой отметки.

²¹ Цитируется по: *Platts M.* Ways of Meaning, 1979. Созвучные оценки можно найти и в других работах, например, в: *Scruton R.* From Descartes to Wittgenstein, 1982, где оксфордская лингвистическая философия просто сбрасывается со счетов.

²² О теории речевых актов см. прим. 35 к главе 18 в «Сто лет философии». Критику в отношении Серля вряд ли можно отделить от критики в отношении Остина. Однако см.: *Searle J.* Austin on Locutionary and Illocutionary Acts // *PR*, 1968, а также *Katz J.J.* Literal Meaning and Logical Theory // *P*, 1981. Многие из важных статей включены в: *Readings in the Philosophy of Language I* J.Rosenberg, C.Travis (eds.), 1971. Свою теорию сознания Серль изложил в: *Searle J.* Intentionality, 1983. О применении теории речевых актов в лингвистике, а также о противоборстве между подобным анализом и современной семантикой, построенной на понятии условий истинности, в том ее виде, который в последнее время возобладавал в Оксфорде, см.: *Kempson R.M.* Semantic Theory, 1977, а также: *Sadock J.* Towards a Linguistic Theory of Speech Acts, 1974; *Bach K., Hamish R.M.* Communication and Speech Acts, 1980. Серль особенно критикует статью Дж.Р.Росса: *Ross J.R.* On Declarative Sentences // *Readings in Transformational Grammar I*

Примечания 141

R.A.Jacobs, P.S.Rosenbaum (eds.), 1970. Интерес к метафоре характерен отнюдь не только для Серля. См., к примеру: *Metaphor and Thought I* A.Ortony (ed.), 1979; *Philosophical Perspectives on Metaphor I* M.Johnson (ed.), 1981.

О новой волне увлечения трансцендентальными аргументами см.: *Transcendental Arguments and Science I* P.Bieri et al. (eds.), 1979. В статье Джонатана Беннетта, включенной в этот сборник, приводится подробная библиография.

²³ Пол Грайс в течение многих лет работал куратором в Оксфорде, прежде чем переехал в Соединенные Штаты. Своей известностью он обязан проводившимся им в Оксфорде семинарам, которые активно посещали стажировавшиеся в Оксфорде преподаватели, а также своим статьям. Его статья «Значение, подразумеваемое говорящим», впервые опубликованная в «Основаниях языка» (*Grice P.* Utterer's Meaning // *Foundations of Language*, 1968), представляет собой крайне схематичное и краткое изложение прочитанных им в Гарварде в 1967 г. Джеймсовских лекций. См. также его ответ критикам в: *Grice P.* Utterer's Meaning and Intentions // *PR*, 1969. Эта статья вместе с критическими статьями его бывшего ученика П.Ф.Стросона и Дж.Р.Серля,

посвященными его более ранней статье «Значение» (*Grice P. Meaning // PR*, 1957), вновь опубликованы в: *The Philosophy of Language* J.R.Searle (ed.), 1971. См. также: *Ziff P. On P.H.Grice's Theory of Meaning // Analysis*, 1967; *Mackay A. Professor Grice's Theory of Meaning // Mind*, 1974; *Patton T.E., Stampe D. W. The Rudiments of Meaning: on Ziff on Grice // Foundations of Languages*, 1969; *Wilson N.L. Grice on Meaning // Nous*, 1970; *Schiffer S.R. Meaning*, 1972; *Armstrong D.M. Meaning and Communication // PR*, 1971; *Strawson P.P. Logico-Linguistic Papres*, 1971; *Black M. Meaning and Intention // Black M. Caveats and Critiques*, 1975; *Bennett J. Linguistic Behaviour*, 1976. Статью Грайса «Значение» и критику Зиффа наряду с другими критическими статьями *en passant* (франц.: попутно) можно найти в: *Semantics I* D.Steinberg, L.Jakobovits (eds.), 1971. Неограйсовская теория значения разрабатывается в: *Loar B. Mind and Meaning*, 1981.

²⁴ Это одна из прочитанных Грайсом Джеймсовских лекций, опубликованная в: *Syntax and Semantics I* P.Cole, J.L.Morgan (eds.). V. 3 «Speech Acts», 1975, где ее идеи обсуждаются и формализуются группой философов и лингвистов. Обсуждение ее см. также в: *Davidson D., Harman G. The Logic of Grammar*, 1975. Основная идея впервые была сформулирована в: *Grice P. The Causal Theory of Perception // PASS*, 1961. Эта статья подробно разбирается в: *Platts M. De B. Ways of Meaning*, 1979. Формализованную теорию «разговорных постулатов» см.: *Gordon D., Lakoff G. Conversational Postulates // Papers from the Seventh Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*, 1971, Эта теория критикуется как «слишком строгая» Серлем в: *Searle J.R. Expression and Meaning*, 1979.

142 Джон Пассмор. Современные философы

Глава 2

¹ Имеются некоторые разногласия в вопросе о том, в какой степени это издание верно отражает идеи Соссюра. (Новый английский перевод с комментариями, выполненный Р.Харрисом, вышел в 1983 г.). См.: *Godel R. Les Sources manuscrites du Cours du linguistique générale*, 1957. О Соссюре см.: *Culler J. Saussure*, 1976 или в более кратком виде статью Джона Лайонса в: *Structuralism I* D.Robey (ed.), 1973. Ф.Джеймсон в книге «Тюрьма языка» (*Jameson F. Prison-House of Language*, 1972) осуждает то, как критикуют Соссюра Огден и Ричардс в своей книге «Значение значения» (*Ogden C.K., Richards L.A. Meaning of Meaning*, 1923), называя это проявлением «порочного англо-американского эмпиризма», который отдаст «предпочтение частям и изолированным объектам». Само это предпочтение, как в свойственной ему манере загадочно намекает Джеймсон, есть «средство, позволяющее избежать изучения тех более крупных целостностей и тотальностей, которые, если бы пришлось их рассмотреть, постепенно вынудили бы разум прийти к неудобным социальным и политическим выводам». С другой стороны, подход Соссюра иногда осуждают как тоталитарный. Соссюр не ссылается на Ч.С.Пирса, о теории знаков которого см. «Сто лет философии», с. 106—108. На него, однако, значительное влияние оказал американский лингвист У.Д.Уитни. Подробную библиографию найдете в: *Parret H. Language and Discourse*, 1971, а по лингвистике вообще в: *Salus P.H. Panini to Postal: a Bibliography in the History of Linguistics*, 1971.

² См.: *Jakobson R. Selected Writings*. V. 1-4, 1962. Особенно большой известностью пользовалась его работа «Заключительное заявление: лингвистика и поэтика», включенная в сборник: *Style in Language I* T.A.Sebeok (ed.), 1960. В отличие от Соссюра, Якобсон цитирует Пирса. О связи между соссюровской лингвистикой и русским формализмом см.: *Jameson F. The Prison-House of Language*, 1972. Среди других лингвистов той же школы особенно известен датчанин Л.Ельмслев с его работой «Пролегомены к теории языка» (*Hjelmslev L. Prolegomena to a Theory of Language*, 1943; переработанное английское издание 1961). О важной пражской школе лингвистики с Н.С.Трубецким в качестве ведущего представителя можно прочесть в: *A Prague School Reader in Linguistics I* J.Vachek (ed.), 1964. См. также: *Vachek J. The Linguistic School of Prague*, 1966. Появление «структурализма» как направления иногда датируют провозглашением ряда тезисов на лингвистической конференции в Праге в 1929 г. См.: *Benveniste E. «Structure» en linguistique // Sens et Usages du terme 'structure' dans les sciences humaines et sociales I* R.Bastide (éd.), 1962. Книга Бенвениста «Проблемы общей лингвистики» (*Benveniste E. Problems in General Linguistic*, 1966, английский перевод 1971) пользовалась значительным влиянием, особен-

Примечания 143

но благодаря подчеркнутому вниманию к «дискурсу», отличающемуся как от отдельных предложений, так и от простых повествований. См. библиографию в: *Ehrmann J. Structuralism*, 1970. Некоторое представление о спектре современной лингвистики можно составить по: *New Horizons in Linguistics I* J.Lyons (ed.), 1970, где приводится подробная библиография. Периодическое издание «*Linguistics and Philosophy*» («Лингвистика и философия», 1979) во многом отражает то, что происходит в этой области. См. также: *Parret H. Language and Discourse*, 1971. Философская критика структурализма в более широком контексте теории интерпретации, дана в: *Seung T.K. Structuralism and Hermeneutics*, 1982.

³ См. работу исследователя генетической психологии Ж.Пиаже в: *Structuralism*, 1971.0 «генетическом структурализме» в целом см.: *Gandillac de M., Goldmann L., Piaget J. Entretiens sur les notions de genèse et de structure*, 1965. Пиаже находит «структуралистов» среди широкого круга математиков, лингвистов, психологов, социологов и ученых, резко критикуя Леви-Стросса, Фуко и Альтюссера за их стремление сделать из структурализма *единственно возможный* метод. В сборнике статей английских авторов «Структурализм: введение» под ред. Д.Роби (*Structuralism: Introduction I* D.Robey (ed.), 1973) структурализм определяется еще более узко: это попытка анализировать человеческую культуру как множество знаков. (Статья Дж.Мефамы в этом сборнике служит примером того, как «структурализм» был подхвачен некоторыми молодыми английскими философами с марксистским уклоном). П.Петтит, один из немногих «англо-американских» философов, всерьез воспринявших структурализм, в своей работе «Понятие структурализма» (*Pettit P. The Concept of Structuralism*, 1975) возражает против отнесения Альтюссера, Фуко и Лакана к «структуралистам» на том основании, что они не изучают ничего, что соответствовало бы предложению. Ж.Парен-Вьяль в ее очень критичной работе «Структурный анализ и структуралистская идеология» (*Parain-Vial J. Analyses structurales et idéologies structuralistes*, 1969) включает Лакана, Альтюссера и Фуко в число «идеологов структурализма». Разнообразные хрестоматии, в большинстве своем содержащие прекрасные библиографии, заметно отличаются друг от друга представленными в них авторами. *Structuralism I* J.Ehrmann (ed.), 1970 — содержит статью известного французского лингвиста А.Мартине, перепечатанную из специального номера *RIP* за 1965г. под названием «Понятие структуры» (*La Notion de structuré*), и статью о Мерло-Понти, в которой говорится, что «проживи он дольше, он был бы философом структурализма», а в остальном сборник посвящен Леви-Строссу и Лакану. *Structuralism and Semiotics I* T.Hawkes (ed.), 1977 — включает прекрасную аналитическую библиографию, главное внимание в нем уделено языку и литературной критике. *George de R. and F. The Srtucturalists*, 1972 — содержит статьи Маркса, Фрейда, Якобсона, Барта,

144 Джон Пассмор. Современные философы

Леви-Стросса, Альтюссера и Фуко и больше согласуется с моим изложением. *The Language of Criticism and the Sciences of Man I* R.Macksey, F.Donato (eds.), 1970 — содержит доклады на международном симпозиуме и статьи ведущих структуралистов. См. также критические статьи о Леви-Строссе, Барте, Фуко, Лакане и Деррида в: *Structuralism and Since I* J.Sturrock (ed.), 1979. *Theorie d'ensemble*, 1968 — издание «Тель кель» («Tel Quel»), содержащее серию статей ведущих структуралистов, включая, помимо уже упомянутых авторов, Ю.Кристеву и П.Соллерса. «Тель кель» — это название парижского издательства, когда-то занимавшегося публикацией работ наиболее радикальных структуралистов. О дискуссиях по структурализму во французских периодических изданиях см. библиографию в: *Poster M. Existential Marxism*, 1975. P. 306. Изданная в Германии книга: *Broekman J.M. Structuralism*, 1971 (английский перевод 1974) — содержит довольно подробную для небольшой монографии информацию о Москве и Праге. В статье Ф.Валя (F.Wahl) в: *Qu'est-ce que le structuralisme? I* O.Ducrot et al. (eds.), 1968 — отстаивается та точка зрения, что для структурализма существенна именно первостепенная роль знака. «Семиология», изложенная Соссюром лишь в общих чертах, оказала большее влияние, чем его теория языка как таковая. См. большую серию работ: *Approaches to Semiotics* /T.Sebeok (ed.), 1969. О неомарксистском анализе см.: *CowardR., Ellis J. Language and Materialism*, 1977. См. также: *Kurzweil E. The Age of Structuralism*, 1980, где прослеживается развитие структурализма от Леви-Стросса до Фуко; *Kemp P. Le Structuralisme français // Contemporary Philosophy I* G.F10istad Ed.). V. 2,1982 и подробную библиографию по многим дисциплинам, составленную Дж.М.Миллером: *Miller J.M. French Structuralism*, 1981.

⁴ Эту теорию истории Фуко развивает несколько иначе и еще более туманно в «Археологии знания» (1968, английский перевод 1972). Более широкий читательский интерес вызвали его исследования безумия (1961), больниц (1963), тюрем (1975) и сексуальности (1976). См. специальный номер журнала «Magazine littéraire» за 1975 г., а также упомянутые выше общие работы. Деррида учился у Фуко. В своей критике предложенной Фуко интерпретации декартового 'cogito' (*Derrida J. Cogito and the History of Madness // Derrida J. Writing and Difference*, 1967, английский перевод 1978) Деррида отмечает ту слабую сторону этой интерпретации, на которую обратили внимание и другие критики, в частности историки и ученые. (Однако Фуко дал решительный ответ на эту критику во втором издании своей «Истории безумия», 1972). См., к примеру: *Huppert G. Divinatio et Eruditio: Thoughts on Foucault // History and Theory*, 1974. Однако некоторые историки продолжают считать Фуко «проницательным» и «побуждающим к размышлениям»; он обладает даром художника превращать привычное в удивительное. Неизбежно поэтому Фуко резко критиковали

Примечания 145

французские экзистенциалисты и феноменологи. Эти традиции сохраняются во Франции благодаря таким философам, как М.Дюфрен, П.Рикёр и Э.Левинас. См. в частности: *Ricoeur P. The Conflict of Interpretation*, 1969 (английский перевод 1974). О реакции Сартра на структурализм см.: *Anthropologie // Situations*, V. 9, 1972. О критике со стороны французских марксистов см.: *Sebag L. Marxisme et structuralisme*, 1964; *Lefebvre H. Au-delà du structuralisme*, 1970. На теорию истории как Фуко, так и всех структуралистов немалое влияние оказала книга Гастона Башляра «Философия не» (*Bachelard G. La Philosophie du non*, 1940), в которой он утверждает, что изменение научной теории, связанное с введением новой структуры, часто предполагает явное отрицание того, что ей предшествовало. См. посвященный Башляру номер *RIP* за 1963 г., а также: *Lecourt D. Pour une critique de l'epistemologie: Bachelard, Canguilhem, Foucault*, 1972, переведенный на английский язык как: *Marxism and Epistemology*, 1975; *Vadée M. Gaston Bachelard*, 1975; *Canguilhem G. Études d'Histoire et de Philosophie des Sciences*, 1968. О последующем подчеркнутом интересе Фуко к власти см. очень показательные интервью: *Foucault M. Power/Knowledge / C.Gordon (ed.)*, 1980. Общее исследование найдете в: *Sheridan A. Michel Foucault*, 1980. Зигзаги и повороты в мышлении Фуко описываются в кн.: *Dreyfus H., Rabinow P. Michel Foucault: Beyond Structuralism and Hermeneutics*, 1982. Фуко рассматривается как критик западных интеллектуальных традиций в: *Racevskis K. Michel Foucault and the Subversion of Intellect*, 1983. М.Кларк (Clark M.) подготовил в 1982 г. аннотированную библиографию.

⁵ Альтюссер какое-то время имел очень широкую читательскую аудиторию в лице философски настроенных марксистов. Безапелляционную критику Альтюссера найдете в посвященной ему монографии, включенной в: *Thompson E. P. The Poverty of Theory and Other Essays*, 1978, а также см.: *Sayer D. Science as Critique: Marx vs. Althusser // Issues in Marxist Philosophy I* J.Mephram, D.Rubin (eds.), 1979. О сложном отношении Альтюссера к французскому коммунизму см.: *Rändere J. La Leçon d'Althusser*, 1974 (Рансьер был учеником Альтюссера) и *Contre Althusser / J.M.Vincent (ed.)*, 1974, а также бесценного Постера (Poster) с его постоянно пополняющимися библиографиями. Неприятие Альтюссером гегельянца Маркса достигает своей предельного выражения в: *Althusser L. Lenin and Philosophy*, 1968 (английский перевод 1971). Сопоставление Леви-Стросса и Альтюссера см.: *Glucksmann M. Structuralist Analysis in Contemporary Social Thought*, 1974. См. также: *Callinicos A. Althusser's Marxism*, 1976. Критика Альтюссером социалистического гуманизма собрана в кн.: *Althusser L. For Marx*, 1965 (английский перевод 1969). Библиографию найдете в работе: *Althusser L. Essays in Self Criticism*, 1976, которая представляет собой английский перевод ряда его статей (1973—1974). Литература в периодичес-

146 Джон Пассмор. Современные философы

ких изданиях достигает колоссальных размеров. См., к примеру: *Poster M. Althusser on History without Man // Political Theory*, 1974 (с библиографией). На Альтюссера, как и на Фуко, значительное влияние оказал Баш-ляр. Исследование более широкого характера см.: *Kelly M. Modern French Marxism*, 1982. Эта работа образует интересный контраст с: *Piccone P. Italian Marxism*, 1983. Об Альтюссере см. также: *Smith S.B. Reading Althusser*, 1984.

⁶ В течение какого-то времени влияние Лакана во многом распространялось благодаря его семинарам и по мере перевода их материалов на английский язык, начиная с кн.: *Lacan J. The Four Fundamental Concepts of Psycho-analysis* (1978). Эти семинары посещали все: Барт, Фуко, Деррида, Альтюссер. См., в частности, изложение идей Лакана Альтюссером в кн.: *Althusser L. Lenin as a Philosopher*. «Лингвистическое» истолкование Фрейда впервые сформулировано Лаканом на семинаре* 1953г. «Discours de Rome» // *Lacan J. The Function and field of the world and of the language in Psycho-analysis*. Эта работа была перепечатана в кн.: *Lacan J. Ecrits*, 1966 и была переведена на английский язык А.Уайлденом под названием «The Language of the Self» (1968), где снабжена примечаниями на 64 с. и статьей о Лакане на 150 с. Но даже при этом англо-американский философ вряд ли пожалуется на то, что ему все очень внятно разъяснили. См. английский перевод семинара Лакана, специально предназначенного для философов: *Lacan J. The insistence of the letter in the unconscious* // *Structuralism I* J.Ehrmann (ed.) (с вводной статьей Ж.Мьеля и обширной библиографией). Карьера Лакана в психоаналитическом движении была довольно бурной. Сравнительно благосклонную оценку найдете в: *Turkle S. Psychoanalytic Politics*, 1979; особенно враждебный отзыв дан в работе со странным названием: *George F. L'effet 'yau de roële*, 1978. См. также: *Clément C. et al. Jacques Lacan*, 1974; английский перевод избранных частей из работы «Тексты» («Ecrits») под ред. А.Шеридана 1977 г.; *Coward R., Ellis J. Language and Materialism*, 1977; *Stanton M. Outside the Dream*, 1983. Сравнение Остина и Лакана проводится в: *Felman S. Le Scandale du corps parlant*, 1980. Связанное с этим исследование французской герменевтики см. в: *Ricoeur P. Freud and Philosophy*, 1970. Более широкий спектр философских комментариев о Фрейде найдете в: *Freud I R. Wollheim* (ed.), 1974; *Philosophical Essays on Freud I R. Wollheim, J.Hopkins* (eds.), 1982.

⁷ Леви-Стросс завоевал широкую читательскую аудиторию благодаря своей работе «Печальные тропики» (*Lévi-Strauss C. Tristes Tropiques*, 1955, полный английский перевод 1974), содержащей его личные размышления о путешествии и работе в качестве антрополога. См., в частности, §39 «Маленький стакан рома». Его книга «Первобытное мышление» (1962, английский перевод 1966) с ее превознесением «дикаря» и уничижением западного мышления попала «в тон» с тогдашней модой. Полная формули-

Примечания 147

ровка его теории дана в «Структурной антропологии» (1958, английский перевод 1963). Книга «Элементарные структуры родства» (1949, английский перевод 1969) способствовала применению его метода на практике так же, как этому способствовала серия работ по мифологии, начало которой положила книга «Сырое и вареное» (1964, английский перевод 1969). Краткое изложение его метода см. в статье: *Lévi-Strauss C. The Structural Study of Myth* // *Journal of American Folklore*, 1955, которая была перепечатана в: *George R. and F. The Structuralists*. Его общая позиция по широкому кругу вопросов представлена в кн.: *Charbonnier G. Conversations with Claude Lévi-Strauss*, 1961 (английский перевод 1969). В качестве введения см. работу: *Leach E. Claude Lévi-Strauss*, 1970. Размышления мексиканского критика о Леви-Строссе представлены в кн.: *Paz O. Claude Lévi-Strauss*, 1967 (английский перевод 1970). См. также: *Leach E. Culture and Communication*, 1976. Серия статей о Леви-Строссе с некоторыми отрывками из его книг и подробной библиографией его работ до 1968 г. содержится в: *Hayes E.N. and T. Claude Lévi-Strauss: the Anthropologist as Hero*, 1970. О том, как он был принят в Англии, см. статью Н.Дайсона-Гудсона в кн.: *The Language of Criticism and the Sciences of Man*. R.Macksey, E.Donato (eds.), 1970. П.Петтит в «Структурализме» (*Pettit P. Structuralism*) критикует проведенный Леви-Строссом анализ мифов как «едва ли нечто большее, чем злоупотребление свободой воображения при установлении ассоциаций». См. также: *Chomsky N. Language and Mind*. 2nd ed., 1972. О критике со стороны Деррида см., в частности: *Derrida J. Of Grammatology*, 1967 (английский перевод 1974). Подробная библиография приводится в: *Ehrmann J. Structuralism*, 1970.

⁸ Однако не меньшие последствия имел тот факт, что Французская коммунистическая партия, которой в какой-то мере были преданы структуралисты, сохраняла верность ленинизму-сталинизму, не приняв «социалистического гуманизма». В 1970-е годы наметились изменения. В своей работе «Система вещей» (1968) Ж.Бодрийар предложил марксистско-структуралистский анализ товаров потребления как, по своей сути, знаков престижа. В «Зеркале производства» (1973,

английский перевод 1975) он отвергает наряду с Фрейдом и Марксом и структурализм, что отчасти явилось реакцией на события мая 1968 г. Его обвинения в адрес структуралистов опираются на те довольно очевидные основания, что им нечего сказать о референциальном характере языка, о языке как форме коммуникации и что как Маркс, так и Фрейд являются крайним выражением буржуазного общества. Для «новых философов» во Франции Маркс был неприемлем по разнообразным причинам; эти философы стали самым последним открытием средств массовой информации в середине 70-х гг. См., к примеру: *Levy B. -H. Barbarism with a Human Face*, 1977 (английский перевод 1979) и *Glucksmann A. The Master Thinkers*, 1977 (английский пе-

148 Джон Пассмор. Современные философы

ревод 1980). Что действительно поражает, так это то, как долго проходил разрыв французских интеллектуалов с Советским Союзом, как будто о том, что происходит в этой стране, они не могли поверить никому, кроме писателя Солженицына.

⁹ Деррида оказал значительное влияние на литературную критику. См., к примеру, посвященный Деррида номер «The Oxford Literary Review» за 1978 г. или *Bloom H. et al Deconstruction and Criticism*, 1979. Более общее рассмотрение его идей см.: *Jameson F. The Prison-House of Language*, 1972; очень в духе Деррида написано введение Дж.Спивака (G.Spivak) к английскому переводу «О грамματοлогии»; см. *Rorty R. Philosophy as a Kind of Writing // New Literary History*, 1978 и короткую статью Дж.Калера (J.Culler) в: *Structuralism and Since I J.Sturrock* (ed.), 1979. Предпосылки творчества Деррида обсуждаются в: *Fuchs W. W. Phenomenology and the Metaphysics of Presence*, 1976. Об откликах во Франции см.: *Finas L. et al. Écarts*, 1973. В «Annexe III» (Приложении III) к этому изданию высказывается мнение, что Деррида пользуется значительно большим уважением за пределами Франции, чем в ней самой, где его в основном читают студенты новых университетов, психоаналитики и писатели. Сопоставление Деррида и Витгенштейна см. во введении Н.Гарвера к английскому переводу книги «Голос и феномен», а также *Grene M. Philosophy In and Out of Europe*, 1976. Об американских исследованиях в стиле Деррида см. *Rorty R. Philosophy and the Mirror of Nature*, 1979. В отличие от структуралистов, Деррида редко дает интервью. Однако см. его «Позиции» (1972, английский перевод 1981), содержащие его комментарии о марксизме и психоанализе. О связи Деррида с современной литературной критикой см. *Norris C. Deconstruction: Theory and Practice*, 1982. Имеется подробная библиография в периодическом издании «Research in Phenomenology» (1978) и полезная подборка в упомянутой работе Норриса. Деррида подвергся резкой критике со стороны марксистов, усмотревших в нем проявление смертельной агонии либерального гуманизма. Однако М.Райен в своей работе «Марксизм и деконструкция» (*Ryan M. Marxism and Deconstruction*, 1982) высказывает мнение, что марксизм может использовать методы Деррида в своей критике капитализма и успешно бороться с их помощью против собственного догматизма.

¹⁰ Деррида начинал (в 1962 г.) как переводчик и комментатор «Начал геометрии» Гуссерля; его подробные комментарии к теории знаков Гуссерля в работе «Голос и феномен» (1967, английский перевод 1973) до сих пор имеют центральное значение для его идей в целом. В работе «О грамματοлогии» (1967, английский перевод 1976) Деррида обратился к Руссо. Эти работы — особенно первые две — все еще носят характер относительно традиционных комментариев. Однако в «Похоронном звоне» (1974), где Гегель сопоставляется с французским писателем Жаном Жене, Дерри-

Примечания 14S

да избрал манеру изложения, от которой даже самые горячие его поклонники пришли в смятение и в которой рассуждение заменяется свободным* ассоциациями и неудачными каламбурами. (На память приходит замечание Брэдли о том, что никому не удастся нарушать логику без того, чтобы в конце концов логика не сломила его.)

¹¹ История публикаций здесь довольно сложная. Деррида прочитал свой доклад «Подпись, событие, контекст» на Международном конгрессе французских философских обществ в 1971г. Он

был опубликован в работе Деррида «Поля философии» (1972), а его английский перевод был напечатан в периодическом издании Джонса Хопкинса «Glyph I» (1977) вместе с ответом на него Дж.Р.Серля. Очень длинный ответ Деррида под названием «Limited Inc. а b с» был опубликован в «Glyph II». Его можно прочесть в английском переводе «Полей философии» (*Derrida J. Margin of Philosophy*, 1983). Баталья между Серлем и сторонниками Деррида этой статьей не закончилась. См. его рецензию на Каллера (от 27 октября 1983 г. и ответ на возражения Мэки (от 2 февраля 1984 г.) в «New York Review»

¹² Знакомство с работами Хомского полезно начать с: *Chomsky: Selected* Readings* J.P.Allen, P. van Buren (eds.), 1971. Что касается его философских идей, см., в частности: *Chomsky N. Language and Mind* (расширенное издание 1972) и *Chomsky N. Reflections on Language*, 1976. См. также: *Lyon J. Chomsky*, 1970; *On Noam Chomsky* I G.Harman (ed.), 1974; *Leiber J. Noam Chomsky*, 1975; *Sampson G. The Form of Language*, 1975; *D'Agostino I Chomsky's System of Ideas*, 1984. Во введении Хомского к книге «Логическая структура лингвистической теории» (*Chomsky N. The Logical Structure of Linguistic Theory*), написанной в 1955 г. и впервые опубликованной 1975 г., описывается его интеллектуальное развитие. Он умеет очень ясно выражать свои мысли; показательны его интервью, опубликованные в *Magee B. Men of Ideas*, 1978 и *Parrel H. Discussing Language*, 1974. О связи между теорией Хомского и философией языка Карнапа и философией обывательского языка см.: *Katz J.J. The Philosophy of Language*, 1966 и *Katz J.* The Underlying Reality of Language and its Philosophical Import*, 1971. (Английское издание 1972 г. имело название «Linguistic Philosophy»). Попытка показать, что Хомский и Витгенштейн взаимно дополняют друг друга предпринята в: *Erde E.L. Philosophy and Psycho-Linguistic*, 1973. См. также статьи в: *Language and Philosophy* I S.Hook (ed.), 1969. Подробная библиография, особенно по многочисленным современным исследованиям в философии, посвященным Хомскому, см.: *Stegmüller W. Hauptströmungen der Gegenwarts-philosophie*, 1975. См. также: *Linguistik und Sprachphilosophie* M.Gerhardt (ed.), 1974. О Хомском в контексте французского структурализма см.: *Parain-Vial J. Analyses structurales et ideologies structuralistes* 1969 и дискуссию между Хомским и Фуко в: *Reflexive Water* I Elder F. (ed. 1974. В качестве полезного введения в трансформационную грамматику

150 Джон Пассмор. Современные философы

стиле Хомского следует обратиться к кн.: *Bach E. Syntactic Theory*, 1974 и *Grinder J. T., Elgin S.H. Guide to Transformational Grammar*, 1973. См. также: *The Structure of Language* I J.A.Fodor, J.J.Katz (eds.), 1964; *Readings in Transformational Grammar* I R.Jacobs, P.S.Rosenbaum (eds.), 1970. Детальное изложение теории в целом дано в кн.: *Katz J. /., Postal P. An Integrated Theory of Linguistic Descriptions*, 1964. О критике со стороны лингвистов см.: *Hocken C.F. The State of the Art*, 1968; широкий спектр критических аргументов представлен в: *Discussing Language* I H.Parret (ed.); *Matthews P. Generative Grammar and Linguistic Competence*, 1979. Более «литературная» критика с неовитгенштейнианской позиции представлена в: *Robinson I. The New Grammarian's Funeral*, 1975. См. также: *Syntactic Theory* I F.Householder (ed.), 1972 и *Smith N., Wilson D. Modern Linguistics: the Results of Chomsky's Revolution*, 1979. То, каким образом более поздние лингвисты одновременно «отталкивались» от Хомского и порывали с ним, обсуждается в кн.: *The Nature of Syntactic Representation* I P.Jacobsen, G.Pullum (eds.), 1982. Критику с позиции теории речевых актов см. в статье Джона Серля в: *On Noam Chomsky* I G.Harman (ed.), 1974. Детальное описание изменений, произошедших в лингвистической теории Хомского, и реакции на них со стороны его коллег и критиков см.: *Newmeyer F.J. Linguistic Theory in America*, 1980. См. также вопросы, поднимаемые в: *Langendoen D. T., Postal P.M. The Vastness of Natural Languages*, 1984.

¹³ См.: *Chomsky N. Problems of Knowledge and Freedom*, 1972 и *Chomsky N. For Reasons of State*, 1973, где в качестве эпиграфа взята длинная цитата из Бакунина. Его более короткие работы по широкому кругу проблем легче всего найти в кн.: *Radical Priorities*. C.Otero (ed.), 1981. О взаимосвязи между политическими взглядами Хомского и его лингвистическими теориями см.: *Sampson G. Liberty and Language*, 1979. Польский марксистский философ Адам Шафф с заметно большей симпатией относится к Хомскому, чем к Альтюссеру. См.: *Schaff A. Structuralism and Marxism*, 1978.

¹⁴ Не менее важным является влияние замечательного мыслителя конца XVIII века Вильгельма фон Гумбольдта. В качестве общего введения в его воззрения см.: *Humanist without Portfolio* М. Cowan (ed.), 1963 или введение к переводу Дж. У. Бароу (1969 г.) работы Гумбольдта «Границы деятельности государства», написанной в 1791 г., но полностью опубликованной лишь в 1852 г. О теории языка Гумбольдта см., в частности: *Cassirer E. The Philosophy of Symbolic Forms. V. 1*, 1923 (английский перевод 1953). Среди американских лингвистов большим влиянием пользовался также «инакомыслящий» Эдвард Сапир. См.: *Sapir E. Language*, 1921 и *Selected Essays by E. Sapir* I O.G. Mandelbaum (ed.), 1949. Прекрасное краткое описание того, чем Хомский обязан Харрису, дано в: *Grinder J. T., Elgin S.H. Guide to Transformational Grammar*, 1973. См. также: *Harris Z. Papers on Syntax* / H. Hiz (ed.), 1981. Более поздние воззрения Харриса см. в ст.: *Harris*

Примечания 151

Z. A Theory of Language // *APQ*, 1976. Пол Зифф выводит философские следствия из теории Харриса в: *Ziff P. Semantic Analysis*, 1960. Хомский развивал свои теории в то время, когда все были помешаны на простых компьютерных теориях языка, которые иногда путали с его теориями. Однако его отнюдь не удовлетворяли грамматики «конечных состояний», разрабатываемые на основе исследований Клода Шеннона по теории информации. См., к примеру, работу: *Hockett C.F. A Manual of Phonology*, 1955, на которую Хомский дал рецензию в «International Journal of American Linguistics» (1957). Согласно таким теориям, говорящий подобен некоему автомату, который действует из некоего начального состояния и выбирает слово за словом, при этом возможности выбора в любой данный момент времени ограничены предшествующим словом. «Грамматика» такого языка представляет собой ограничение на подобные операции. Выбрав слово «данный», мы не можем вторым словом выбрать «некий»; выбрав после слова «данный» слово «мальчик», мы не можем затем выбрать «идут» в качестве третьего слова и т.д. Возражение Хомского состоит в том, что часто мы не можем сделать выбора без обращения к словам, которые были выбраны до последнего предшествующего слова. Так, в предложении «Человек, рассказавший нам об этом, не придет» выбор «не придет» зависит от слова «человек», а не от слова «этом». У Хокетта грамматики конечных состояний связаны с «вероятностными» теориями употребления языка. См. также: *Suppes P. Probabilistic Grammars for Natural Languages* // *Synthese*, 1970. О других разработках этого многостороннего мыслителя см.: *Patrick Suppes I* R.J. Bogdan (ed.), 1979. О «теории коммуникации» в целом см.: *Cherry C. On Human Communication*, 1966.

¹⁵ О взаимосвязи между логической формой и глубинной структурой см. статьи Дж. Хармана, Дж. Каца и У. Куайна в кн.: *The Semantics of Natural Language I* D. Davidson, G. Harman (eds.), 1972. См. также комментарии Дж. Лакоффа (J. Lakoff) в: *Discussing Language I* H. Parret (ed.), 1974. Более поздние взгляды Хомского представлены также в работе: *Chomsky N. Deep Structure, Surface Structure and Interpretation*, 1970, перепечатанной в кн.: *Chomsky N. Studies on Semantics in Generative Grammar*, 1972. Дж. Кац отстаивает семантическую репрезентацию в противовес традиционной логической форме в «Monist» (1977). Хомский возвращается к обсуждению этой темы в: *Chomsky N. Rules and Representations*, 1980. См. также: *Chomsky N. Philosophical Analysis and Deep Structure* // *Monist*, 1973.

¹⁶ Эту работу можно прочесть в кн.: *The Structure of Language I* J.A. Fodor, J.J. Katz (eds.), 1964. См. также: *Chomsky N. Some Empirical Assumptions in Modern Philosophy of Language* // *Philosophy, Science and Method I* S. Morgenbesser, P. Suppes, M. White (eds.), 1969, где его критика направлена не только против Скиннера, но и против Куайна и Витгенштейна.

152 Джон Пассмор. Современные философы

¹⁷ Эти различия между «грамматически неправильным» и «неприемлемым», «умением» и «исполнением» так же, как оценочные процедуры Хомского, широко критиковались. Иногда их отвергали на том основании, что они слишком жестко ограничивают лингвистическую теорию, исключая, скажем, проведенный К.Ф. Хокеттом анализ «фрейдовских обмолвок» (см.: *Hockett C.F. The View from Language*, 1977). «Исполнение» у Хомского, писал Дж. Лакофф, — это «мусорная корзина, куда сваливается все то, что нельзя подогнать под теорию, которой ему случилось в этот момент придерживаться». Как заявляет сам Хомский, он не возражает против попыток

разработать теорию «исполнения», но ей логически предшествует теория «умения», и она не может быть столь же общей или удовлетворительной в интеллектуальном плане, как эта теория умения. Можно сказать, что его честолюбивая цель — быть Галилеем в лингвистике; падающее перышко — это «исполнение», мы никогда не откроем законы падения, описывая его движения. Более общий вопрос состоит в том, действительно ли лингвистика Хомского образует правильно построенную теорию, или она проявляет «окультурные свойства» догалилеевской физики, или же в лучшем случае является «неотаксономией», маскирующейся под теорию. Но, разумеется, совершенно неясно, что составляет правильно построенную теорию или как следует оценивать теории. См.: *Explaining Linguistic Phenomena I* D.Cohen (ed.), 1974; *Testing Linguistic Hypotheses I* D.Cohen, J.Wirth (eds.), 1975. Наиболее систематическое изложение своей методологии Хомский дает во вводной части своей книги: *Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax*, 1965. См. также разделы 4 и 5 в: *Putnam H. Philosophical Papers. V. 2*, 1975.

¹⁸ Как и следовало ожидать, критики не оставили без внимания обращение Хомского к идее врожденности — философские теории умирают, с тем чтобы через приличный промежуток времени заново в чем-то воплотиться. См. дискуссию между Н.Гудменом и Х.Патнэмом в «Synthese», перепечатанную в: *Boston Studies in the Philosophy of Science I* R.S.Cohen, W.M.Wartofsky (eds.). V. 3, 1967, а также последовавший ответ Хомского, впервые напечатанный в: *Language and Philosophy I* S.Hook (ed.), 1969 (где приведены мнения и других критиков) и перепечатанный в: *Chomsky N. Language and Mind*. См. также: *Edgley R. Innate Ideas // Knowledge and Necessity I* G.Vesey (ed.), 1970; *Cooper D. Philosophy and the Nature of Language*, 1973; *Cooper D. Knowledge of Language*, 1975; *Innate Ideas I* S.P.Stich (ed.), 1975; *Chomsky N. Rules and Representations*, 1980; *Linguistic Theory and Psychological Reality I* M.Halle et al. (eds.), 1980.

В подтверждение Хомский ссылается на психолога К.С.Лэшли. К более поздним исследованиям в области когнитивной психологии относится: *Gregory R. Eye and Brain*, 1966; Грегори признает влияние Хомского. Хомский также послужил стимулом для многочисленных исследований по

Примечания 153

психолингвистике. См., к примеру: *Fodor J., Bever T., Garreit M. The Psychology of Language*, 1974 или *Derwing B. Transformational Grammar as a Theory of Language Acquisition*, 1973. Взаимодействие между психологией и лингвистикой в стиле Хомского отражено в: *Fodor J.A. The Language of Thought*, 1975. Среди психологов наиболее заметным критиком Хомского является Пиаже. О дискуссии между Пиаже и Хомским см.: *Piatelli-Palmarini M. Theories de Langage*, 1979 (английский перевод под названием «Language and Learning», 1980). Альтернативные взгляды на усвоение языка см.: *Language Acquisition I* P.Fletcher, M.Garman (eds.), 1979; *Wexler K., Culicover P. W. Formal Principles of Language Acquisition*, 1980; *Language Acquisition I* E.Wanner, L.R.Gleitman (eds.), 1983.

¹⁹ Об универсальной грамматике, в качестве введения, см.: *Bach E. Syntactic Theory*, 1974 и *Universals in Linguistic Theory I* E.Bach, R.Harms (eds.), 1968.

Глава 3

¹ Этот вопрос вызвал много споров. Большинство главных теоретиков постхомскианской лингвистики, включая таких ведущих представителей, как Дж. Лакофф, Дж.Д.Макколи, П.М.Постал, К.Дж.Филмор, тесно увязывали синтаксис и семантику. В качестве введения в их исследования см. статьи, включенные в: *Semantics / D.D.Steinberg, L.A.Jakobovits (eds.)*, 1971, где также представлены некоторые критические аргументы в адрес Хомского. См. также: *Formal Semantics of Natural Language I* E.L.Keenan (ed.), 1975; *Semantic Syntax I* P.Seuren (ed.), 1974. Хомский утверждает, что многие рассматриваемые там вопросы носят чисто терминологический характер. См.: *Chomsky N. Reflections on Language*, 1976. Его оппоненты в ответ указывают, что Хомский, утверждая это, одновременно подразумевает, что они (оппоненты) заблуждаются. О сопоставлении Хомского и Харриса и о путанице, возникшей из-за различия в их понимании «трансформации» см.: *Dougherty R.C. Harris and Chomsky at the Syntax-Semantics Boundary//*

Contemporary research in Philosophical Logic and Linguistic Semantics I D.Hockney, W.Harper, B.Freed (eds.), 1975.

² Дж.Д.Фодор усматривает связь между порождающими грамматиками и конкурентными им теориями в кн.: *Fodor J.D. Semantics*, 1977; Дж.Дж.Кац усматривает их связь с философской логикой в кн.: *Katz J.J. Semantic Theory*, 1972 и с теорией Остина в кн.: *Katz J.J. Propositional Structure and Illocutionary Force*, 1977. Общий обзор, которому не всегда следует доверять в более философских аспектах, см. в кн.: *Lyons J. Semantics. V. 1-2*, 1977. Более аргументированна и содержит прекрасный библиографический материал работа Р.М.Кемпсона: *Kempson R. M. Semantics*, 1977. См. также: *Moravcsik J.M.E. Understanding Language*, 1975. Рассмотрение вопросов

154 Джон Пассмор. Современные философы

перевода дано в.: *Nida C.A. Componential Analysis of Meaning*, 1975. См. также: *Meaning and Translation I* F.Guenther, M.Guenther-Reutter (eds.), 1978. Подход Каца и Фодора критикуется в: *Bar-Hillel Y. Aspects of Language*, 1970. См. также: *Baüerle R. et al. Semantics from Different Points of View*, 1979. Насколько широким является современное понимание семантики, отмечается в кн.: *Processes, Beliefs and Questions I* S.Peters, E.Saarinen (eds.), 1981. См. также: *Meaning and Understanding I* H.Parret, J.Bouveresse (eds.), 1981. О частичном совпадении и различии с традиционными логическими проблемами свидетельствуют такие книги, как: *Gushing S. Quantifier Meanings*, 1982. См. также: *The Monist* (1977); *Philosophy and Grammar I* S.Kanger, S.Öhman (eds.), 1980. Со времени появления работы Дж.Дж.Каца и П.Постала «Интегрированная теория лингвистических дескрипций» (*Katz J. J., P. Postal. An Integrated Theory of Linguistic Descriptions*, 1964), где предпринята попытка в классическом духе разработать положение Хомского том, что семантическую интерпретацию следует связывать с глубинными структурами, не утихает ожесточенный спор о том, можно ли это сделать, — все это детально излагается в кн.: *Newmeyer F.J. Linguistic Theory in America*, 1980. Попытки увязать семантику, с одной стороны, с логикой, а с другой стороны, с эпистемологией представлены в двух сборниках: *Development in Semantics I* R.Stern, A.Orenstein (eds.), 1981 и *Leblanc H. et al. Essays in Epistemology and Semantics*, 1981. Рассмотрение в широком контексте главных вопросов, которые обсуждаются на последующих страницах, см.: *Baker G.P., Hacker P.M. Language, Sense and Nonsense*, 1984.

³ Ответ Каца см. в: *Katz J.J. Logic and Language // Language, Mind and Knowledge I* K.Gunderson (ed.), 1975. См. также: *Harmon G. Meaning and Semantics // Semantics and Philosophy I* M.Munitz, P.Unger (eds.), 1974. В своих последних работах Кац отвергает менталистский подход в пользу «плато-нистского». См.: *Katz J.J. Language and Other Abstract Objects*, 1981. В своей статье «Буквальное значение и логическая теория» (*Katz J.J. Literary Meaning and Logical Theory // JP*, 1981) он критикует не только Серля и Грайса, но и Дэвидсона и Даммита (см. ниже). О Фодоре см. также прим. 10 к главе 5.

⁴ См. «Сто лет философии», глава 17, прим. 20. В том же духе Хилари Патнэм обвинял не только Карнапа, но и Каца в том, что они воспроизводят традиционные ошибки в современном обличий. См.: *Putnam H. Is Semantics Possible? // Language, Belief and Metaphysics I* H.E.Kiefer, M.K.Munitz (eds.), 1970 (первая публикация). В более поздней статье «Значение «значения»» (*Putnam H. Meaning of «Meaning» // Language, Mind and Knowledge I* K.Gunderson (ed.), 1975) он намного более благосклонно относится, по крайней мере, к использованию «маркеров-различителей», при том, что Кац позже от них отказался. (Обе упомянутые статьи Патнэма можно найти в сб.: *Putnam H. Philosophical Papers. V. 2*, 1975). Наиболее

Примечания 155

систематическая попытка реализовать подход к грамматическому анализу с позиции «обыденного языка» представлена в: *Rundle B. Grammar in Philosophy*, 1979. Отметим очень недоброжелательную рецензию Питера Гича в: *Times Literary Supplement*, March 7, 1980. В книге «Введение в философию языка» (*Harrison B. Introduction to the Philosophy of Language*, 1979) Бернард Харрисон отстаивает поздневитгенштейновский подход к языку, проводя критический анализ широкого круга современных альтернативных ему подходов. Та точка зрения, что

постфрегевские философы неправильно истолковывают Фреге и их работы совершенно не согласуются с его работами, представлена в кн.: *Baker G., Hacker P.* Frege, 1980. См. также: *Hintikka J.* Semantics: a Revolt against Frege // *Contemporary Philosophy I* G.F10istad (ed.), 1981.

⁵ Его более философские статьи были собраны Р.Х.Томасоном и опубликованы под названием «Формальная философия» (*Montague R.* Formal Philosophy / R.H.Thomason (ed.), 1974) с очень полезным введением и библиографией. Б.Парти прослеживает связь между Монтегю и Хомским в ряде статей, в наиболее полном виде — в статье: *Pariée B.* Montague Grammar and Transformational Grammar // *Par tee B.* Linguistic Inquiry, 1975. См. также статьи, собранные ею вместе в сб.: *Partee B.* Montague Grammar, 1976, и особенно введение Хэмблина к этой ее книге: *Hamblin C. L.* Questions in Montague English. Обсуждение взглядов Монтегю дано в кн.: *Approaches to Natural Language I* K.J.Hintikka (ed.), 1973; *Moravcsik J.M.E.* Understanding Language, 1975. См. также изложение идей Монтегю в: *Stegmuller W.* Hauptströmungen der Gegenwarts-philosophie. V. 2, 1975, а негативная их оценка дана в статье: *Martin R. M.* Why I am not a Montague Grammarian // *Martin R.M.* Pragmatics, Truth and Language, 1979. См. также: *Hintikka J.* On the Proper Treatment of Quantifiers in Montague Semantics // *Logical Theory and Semantic Analysis I* S.Stenlund (ed.), 1974. Более детально выполненные построения в духе Монтегю см.: *Cresswell M.J.* Logics and Languages, 1973. См. также: *Linguistics, Philosophy and Montague Grammar I* S.Davis, M.Mithun (eds.), 1979; *Link G.* Montague-Grammatik, 1979.

Статьи, включенные в сборник «Формальная семантика естественного языка» под ред. И.Л.Кинана (*Formal Semantics of Natural Language I* E.L.Keenan (ed.), 1975), охватывают широкий круг проблем в этой области, но содержат критику теории Монтегю. См. также: *Philosophy and Grammar I* S.Kanger, S.Uhman (eds.), 1980; *Formal Semantics and Pragmatics for Natural Languages I* F.Guenther, S.J.Schmidt (eds.), 1979; *Przelecki M.* A Model-Theoretic Approach to the Problem of Interpretation of Empirical Languages // *Twenty Five Years of Logical Methodology in Poland / M.Przelecki, R.Wojcicki* (eds.), 1977. Введение в стиле учебника см.: *Dowty D. et. al.* Introduction to Montague Semantics, 1981. Прочтение Монтегю именно в той манере, в какой он хотел, чтобы его читали: 213 страниц о статье в

156 Джон Пассмор. Современные философы

24 страницы, — дана в работе Даути: *Dowty D.* Guide to Montague's PTQ, 1978. Но даже в этом случае мало кто будет жаловаться на излишнее многословие Даути. См. также: *Cocchiarella N.* Richard Montague// *Contemporary Philosophy I* G.F10istad (ed.), 1981. Пример того, как в лингвистике были объединены подходы Хомского и Монтегю, см.: *Cooper R.* Quantification and Syntactic Theory, 1983. Работы Монтегю сейчас широко обсуждаются в Бельгии, Голландии, а также в Западной Германии. Как это часто случается в более специальных разделах философии, большей частью это обсуждение происходит в форме распространяемых текстов докладов, а не в виде книг или статей. Альтернативный, чисто интенциональный подход см.: *Bealer G.* Quality and Concept, 1982.

⁶ Эта статья Алонзо Черча вначале вышла в журнале *Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences* (1951). Она переиздана в сб.: *Fodor J.A., Katz J.J.* The Structure of Language, 1964. См. также рецензию Черча на «Введение в семантику» Карнапа в журнале *PR* за 1943г. Короткие статьи и рецензии Черча оказали такое влияние на современную философию,

О котором вряд ли можно было предположить, учитывая их число и размер. Его логика наиболее полно сформулирована в: *Church A.* An Introduction to Mathematical Logic, 1956. Дональд Дэвидсон в работе «Истина и значение» (*Davidson D.* Truth and Meaning // *Synthese*, 1967) высказал предположение, что формальную семантику можно распространить на естественные языки, как это сделал Тереке Парсонс в его неопубликованной, но широко циркулировавшей работе: *Parsons T.* A Semantics for English, 1968. Попытка разработать логику таких «нечетких понятий», как «высокий», представлена в: *Lakoff G.* Hedges // *Contemporary Research in Philosophical Logic and Linguistic Semantics I* D.Hockney et al. (eds.), 1975, и в опубликованных там же комментариях Б.С.ван Фраассена. Подробное и четкое введение в эту проблематику дано в: *Fraassen B. C. Van* Formal Semantics and Logic, 1971. См. также работы Л.Заде, в частности его статью в сб.: *Language*

and Ontology I W.Leinfellner et al. (eds.), 1982. Отчасти эта статья является критикой Монтегю. В ней содержится библиография трудов Заде. Более общую трактовку метафоры, неопределенности и т.п. см. в: *Scheffler I. Beyond the Letter*, 1979, а также прим. 22 к главе 1. Ряд западногерманских статей по этой теме можно найти в сб.: *Approaching Vagueness I* T.T.Ballmer, M.Pinkal (eds.), 1983. См. также: *Aspects of Vagueness I* H.J.Skala et. al. (eds.), 1984.

⁷ См. прим. 9 и 10 к главе 17 «Ста лет философии». По временной логике особенно важными были работы А.Н.Прайора. См.: *Prior A.N. Time and Modality*, 1957, а также сборники его статей, опубликованные после его преждевременной смерти: *Prior A.N. Past, Present and Future*, 1967; *Prior A.N. Papers on Time and Tense*, 1968; *Prior A.N. Objects of Thought*, 1976; *Prior A.N. Doctrine of Propositions and Terms*, 1976; *Prior A.N. Papers in*

Примечания 157

Logic and Ethics, 1976; *Prior A.N. Worlds, Times and Selves*, 1977. Общую оценку работ Прайора см. в некрологе, написанном Э.Кенни (*Proceedings of the British Academy*, 1970). В общем аспекте см.: *Rescher N., A. Urquhart. Temporal Logic*, 1971. Имеются разногласия по вопросу об отношении между временными логиками и использованием форм времени в естественных языках. См., в частности: *Gabbay D.M. Investigations in Modal and Tense Logics*, 1976 и критическую рецензию Дж.У.Герсона на эту работу в: *International Studies in Philosophy*, 1978. Д.Даути в работе «Значение слова и грамматика Монтегю» (*Dowty D. Word Meaning and Montague Grammar*, 1979) проводит общее сравнение грамматики Монтегю и грамматики в стиле Хомского относительно грамматических времен и глаголов. Куайн в «Слове и объекте» (*Quine W. V. O. Word and Object*, 1960) отстаивает тот характерный для него взгляд, что благодаря использованию таких описаний, как «Джон в момент времени /», в рамках классической логики можно учесть временные различия и зависящие от них рассуждения. Прайор, на которого неизменное влияние оказывали польские логики, стремился расширить аппарат классической логики. Спор также коснулся адвербиальных выражений; см.например: *Clark R. Concerning the Logic of Predicate Modifiers // Nous*, 1970 и *Parsons T. Some Problems concerning the Logic of Grammatical Modifiers // Synthese*, 1970 (переиздано в: *Semantics of Natural Language I* D.Davidson, G.Harman (eds.), 1972.) В более полном варианте, в контексте черчевской теории множеств, эти вопросы рассмотрены в кн.: *Rennie M. K. Some Uses of Type Theory in the Analysis of Language*, 1974.

⁸ С возражениями Куайна можно, например, ознакомиться в его статье: *Quine W. V.O. Three Grades of Modal Involvement* (1953), перепечатанной в кн.: *Quine W. V.O. The Ways of Paradox*. 1966. Хорошая выборка из огромного массива последовавшей за этим литературы дана в сборнике под ред. Леонарда Линского: *Reference and Modality I* L.Linsky (ed.), 1971, содержащем обширную, но тоже выборочную библиографию. Из статей в этом сборнике наибольшую дискуссию вызвала работа Д.Каплана «Кван-тификация в» (*Kaplan D. Quantifying In*), которая вначале была опубликована в сб.: *Words and Objections I* D.Davidson, J.Hintikka (eds.), 1969. Основные тексты собраны в сб.: *Zabeeh et al. Readings in Semantics*, 1974. Другой полезный сборник: *The Logic of Grammar I* D.Davidson, G.Harman (eds.), 1975. Особенно ясное изложение современных дискуссий по модальной логике см. у Р.Баркан Маркус в сб.: *Contemporary Philosophy I* G.F10istad (ed.). V. 1.

⁹ Сол Крипке стал чем-то вроде легенды в 1970-е годы. См.: *New York Times*. August 14, 1977. В возрасте 18-ти лет он опубликовал свою первую статью «Теорема полноты для модальной логики» (*Kripke S. A Completeness Theorem of Modal Logic // JSL*, 1959). Его статьи по модальной логике, чрезвычайно краткие, разбросаны по разным изданиям; его семанти-

158 Джон Пассмор. Современные философы

ческие анализы были опубликованы в журналах: *Zeitschrift für mathematische Logik*, 1963; *Ada Philosophica Fennica*, 1963, и *The Theory of Models I* J.Addison, L.Henkin, A.Tarski (eds.), 1965. Вторая из этих статей переиздана в сб.: *Reference and Modality I* L.Linsky (ed.), 1971. Обсуждение того, в какой мере семантика «возможных миров» действительно является лейб-ницевской по духу, см.: *Mates B. Leibniz on Possible Worlds // Logic, Methodology and Philosophy of Science I* B. van Rootselaar, J.F.Staal (eds.), 1968. Карнап уже использовал понятие возможного мира в своей

работе «Значение и необходимость» (1947), в чем сказалось влияние «Трактата» Витгенштейна, содержащего ссылки на «возможные положения дел», а еще ранее это понятие использовал К.И.Льюис. В существенных чертах семантика Крипке была предвосхищена в кн.: *Kanger S. Probability in Logic*, 1957. Но именно вариант Крипке был замечен всеми. (Кангер опубликовал свою работу в Стокгольме.) О модальной логике в целом см. прим. 9 к главе 17 «Ста лет философии». Среди тех, кто защищал модальную логику от критики Куайна, наиболее убедительной была Рут Баркан (Маркус). Основные работы, появившиеся в ходе этой дискуссии, опубликованы в кн.: *Reference and Modality I* L.Linsky (ed.), 1971 и *Zabeeh et al Readings in Semantics*. (Раздел 7), 1974. См. также: *Scott D. Advice on Modal Logic // Philosophical Problems in Logic I* K.Lambert (ed.), 1970; *Lemmon E.J., Scott*

D. Introduction to Modal Logic, 1977; *The Possible and the Actual I* M.J.Loux (ed.), 1979; подход Скотта разрабатывается в кн.: *S toy J. Denotational Semantics*, 1977. См. также: *Haack S. Philosophy of Logics*, 1978.

¹⁰ Статья Айдукевича была впервые опубликована (на немецком языке) в журнале «*Studia Philosophica*», No. 1, 1935, а ее английский перевод — в кн.: *Polish Logic I* S.McCall (ed.), 1967. См. также: *Bar-Hillel Y. Language and Information*, 1964; *Semiotics in Poland I* J.Pelè (éd.), английский перевод 1978; *Church A. A Formulation of the Simple Theory of Types // JSL*, 1940; *Church A. The calculi of Lambda-co version*, 1941. О Лесьневском см.: *Luschei*

E. C. The Logical Systems of Lésniewski, 1962. В этом контексте особо следует посоветовать работу М.Кресвелла «Логика и языки» (*Cresswell M. Logics and Languages*, 1973). См. также: *Szrednicki J., Rickey V. Lesniewski's Systems*, 1983.

¹¹ «Прагматика» обычно определяется намного шире; в ее рамки часто включают работы Остина и его последователей. См., например: *Speech Act Theory and Pragmatics I* J.R.Searle (ed.), 1982; *Levinson S.C. Pragmatics*, 1982. О немецкой прагматике см.: *Sprachpragmatik und Philosophie I* K.-O.Apel (ed.), 1976, и прим. 10 к главе I. О польской прагматике см.: *Ajdukiewicz K. Pragmatic Logic*, 1965 (английский перевод 1974). Свое предположение о том, что прагматика должна заниматься главным образом индексальными выражениями, Монтегю вывел из работы Бар-Хиллела: *Bar-Hillel Y. Indexical Expressions // Mind*, 1954, переизданной в кн.: *Bar-Hillel Y.*

Примечания 159

Aspects of Language, 1970. См. также: *Pragmatics of* Natural Languages I* Y.Bar-Hillel (ed.), 1971 ; *Stalnaker R. C. Pragmatics // Semantics of Natural Language I* D.Davidson, G.Harman (eds.), 1972; разделы по «прагматике» в: *Language in Focus I* A.Kasher (ed.), 1976 и *Formal Semantics of Natural Language I* E.L.Keenan (ed.), 1975; *Martin R.M. Pragmatics, Truth and Language*, 1979. Описание взаимосвязи между синтаксисом, семантикой и прагматикой в рамках общей лингвистики см.: *Pelè J. The Place of the Philosophy of Language // Contemporary Philosophy I* G.F10istad (ed.), 1981. См. также: *The Journal of Pragmatics* (с 1977) и *Seilars W. Pure Pragmatics and Possible Worlds / J.Sicha* (ed.), 1980, хотя эти работы вышли ранее указанной даты публикации.

¹² «Общая семантика» Льюиса опубликована в сб.: *Semantics of Natural Language I* D.Davidson, G.Harman (eds.), 1972. Его статью «Языки, язык и грамматика» см. в: *On Noam Chomsky I* G.Harman (ed.), 1974. Следует отметить, что использование теории игр Льюисом очень отличается от теоретико-игровой семантики Хинтикки. Для Хинтикки исходным пунктом служит игра-соперничество: «попытка верификации данного предложения *S* наталкивается на сопротивление активного недоброжелательного оппонента, в котором можно видеть природу». О теоретико-игровой семантике см.: *Hintikka J. Logic, Language Games, and Information*, 1973; *Saarinен E. Game-Theoretical Semantics*, 1979; *Formal Semantics and Pragmatics for Natural Languages I* F.Guenther, S.J.Schmidt (eds.), 1979. Хинтикка связывает свою семантику с модифицированным вариантом «языковых игр» Витгенштейна. Еще одним применением теории игр является «диалоговая логика» Лоренцена (*Lorenzen P. and K. Dialogische Logik*, 1978). Отправной точкой для нее служит логика аргументации, представленная, например, в философском диалоге. Об исследованиях

Хинкики в целом см.: *Saarinен E. et al.* Essays in Honour of J. Hintikka, 1979. Льюис признает, что своей теорией конвенций о правдивости он обязан работе: *Stenius E.* Mood and Language Game // *Synthese*, 1967. Статьи Льюиса опубликованы в виде сборника: *Lewis D.* Philosophical Papers, 1983. Пример того, как может быть использована его теория конвенций, см.: *New Literary History* за 1981 и 1983 гг., где содержатся статьи Патнэма и Гудмена. Критику его теории коммуникации см. в: *Jones A. J.* Communication and Meaning, 1983.

¹³ Гудмен — непоколебимый номиналист, для которого не существует ничего, кроме индивидов. Он примкнул к Куайну, написав статью «На пути к конструктивному номинализму»: *Goodman N.* Steps towards a Constructive Nominalism // *JSL*, 1947. Но если Куайн отошел от номинализма, выдвинув свое учение об «онтологических обязательствах», то Гудмен остался верным номинализму до конца. См. третье издание «Структуры явления» (*Goodman N.* The Structure of Apperance, 1977) с вводной статьей Дж. Хеллмана и «Проблемы и проекты» (*Goodman N.* Problems and Projects, 1972).

160 Джон Пассмор. Современные философы

В качестве иллюстрации разногласий, вызванных примером Гудмена о «зеленом и зелубом», см. статьи в *JP* за 1966-1967 гг., включая комментарии самого Гудмена и статью Д. Дэвидсона «Ментальные события» (*Davidson D.* Mental Events // *JP*, 1970), перепечатанную затем в кн.: *Davidson D.* Essays on Action and Events, 1980. Сегодня типичную трудность для историка представляет тот факт, что авторы *JP* ссылаются на аргумент Дэвидсона, хотя по времени публикации их работы сопоставимы с его статьей. О номинализме Гудмена см.: *Dummett M.* Truth and other Enigmas, 1980, куда входят его «Критическое обозрение» (*Dummett M.* Critical Notice // *Mind*, 1955) и статьи в *PR* за 1956 и 1957 гг. О номинализме в целом см.: *The Monist*, 1978. О широте интересов Гудмена можно судить по его работе: *Goodman N.* Of Mind and Other Matters, 1984.

¹⁴ Подобно Армстронгу, Мэки был очень независимым учеником австралийского философа Джона Андерсона, но в отличие от Армстронга большую часть своей жизни он провел за пределами Австралии, по большей части в Оксфорде. Его взгляды относительно вероятности наиболее полно изложены в книге: *Mackie J.* Truth, Probability and Paradox, 1973, которая наполовину посвящена Андерсону. В ней содержится критика теорий возможных миров. В работе «Цемент вселенной» (*Mackie J.* The Cement of the Universe, 1974) он разрабатывает условную теорию причинности. См. также: *Causation and Conditionals I* E. Sosa (ed.), 1975, а также крайне короткие статьи о причинности и гипотетических высказываниях в кн.: *Anderson J.* Studies in Empirical Philosophy, 1962. Об Андерсоне см. также прим. 10 к главе II «Ста лет философии». О последующих теориях причинности см.: *Bunge M.* The Revival of Causality // *Contemporary Philosophy I* G. F. 10istad (ed.). V. 2, 1982 и *Niiniluoto I.* Statistical Explanation // *Op. cit.* Сходные темы рассматриваются в кн.: *Skyrms B.* Causal Necessity, 1980.

¹⁵ С этим спором можно ознакомиться по изданию: *Harper W. L. et al.* Ifs, 1981. В этом же издании обсуждается и тесно связанный с этим вопрос об условной вероятности, и в этом обсуждении участвует Льюис. См. также: *Nute D.* Topics in Conditional Logic, 1980; *Harper W. L. et al.* Ifs, Conditio-nals, Belief, Decision, Chance and Time, 1980. И в случае разных теорий вероятности (субъективной, основанной на понятии шанса и склонности) Льюис вновь стремится найти «высший синтез». См. также прим. 12 к главе 5. Среди обсуждаемых проблем главным является вопрос о том, можно ли дать единое объяснение контрфактическим и обычным условным высказываниям, используя для этого условия истинности или, как предложил Брайен Эллис, «условия приемлемости». См. спор между Б. Эллисом, Ф. Джэксоном и Э. Арриа в *AJP* за 1984 г.

¹⁶ Льюис выдвигает свою теорию двойников в статье: *Lewis D.* Counterpart Theory and Quantified Modal Logic // *JP*, 1968. Ее много критиковали; см., например: *Plantinga A.* The Nature of Necessity, 1974; см. критическую рецензию К. Файна в *Mind* за 1975 г., а также рецензии: D. Nute (*Nous*, 1975);

Примечания 161

Haack (*RM*, 1976); P.M. and J.J.Katz (*PR*, 1977). См. также ниже о Крипке. В более широком аспекте см. также: *Pollock J.L.* Subjunctive Reasoning, 1976. О более ранних работах по контрфактическим высказываниям см. прим. 21 к главе 18 «Ста лет философии», а также вводную статью У.С. Сэмена к изданию 1976 г. книги Г.Рейхенбаха «Законы, модальности и контрфактические высказывания» (*Reichenbach H.* Laws, Modalities and Counterfactuals), которая первоначально была опубликована под названием «Номологические высказывания и допустимые операции» и явилась первым исследованием по проблеме контрфактических высказываний. Важную альтернативу ей составляет работа Чизома: *Chisholm R.* Identity through Possible Worlds // *Nobis*, 1967. См. также хрестоматию: *Bradley R., Swartz N.* Possible Worlds, 1979. Другие проблемы в отношении семантики возможных миров обычно связаны с индексальными выражениями и пропозициональными установками. См.: *Stalnaker R.* Indexical Belief // *Synthese*, 1981 ; *Bigelow J.* Believing in Semantics // *Bigelow J.* Linguistics and Philosophy, 1978. Имеется множество других вариантов семантики возможных миров, разработанных Н.Решером, М.Кресвеллом и др. Для начала см.: *The Possible and the Actual* /M.Loux (ed.), 1979. Как и следовало ожидать, возможные миры также используются в деонтических логиках благодаря определенным сходствам между деонтическими и модальными логиками. См., к примеру: *Deontic Logic I* R.Hilpinen (ed.), 1970; *New Studies in Deontic in Deontic Logic*, 1981.

¹⁷ Взгляды Крипке широко обсуждались, но отнюдь не в атмосфере единодушного одобрения. Начать знакомство с этой темой лучше всего по сб.: *Naming, Necessity and Natural Kinds I* S.P.Schwartz (ed.), 1977, где содержится более ранняя статья Крипке «Тождество и необходимость» (1971). См. также многочисленные статьи в *Philosophical Studies* и в *JP*, начиная с 1973 г., а также в *Midwest Studies in Philosophy* (1976, 1977). Дискуссии в этой области, проходившие до Крипке, хорошо иллюстрирует сборник: *Necessary Truth I* J.Woods, L.W.Sumner (eds.), 1969. Всестороннее исследование необходимости, особенно применительно к теологии, см.: *Plantinga A.* The Nature of Necessity, 1974. О связях между эссенциализмом и модальной логикой см.: *Nous*, 1967 и статью Р.Б.Маркус по модальной логике в сб.: *Contemporary Philosophy I* G.F.Istad (ed.), 1981. См. также комментарии по поводу Крипке в: *Wiggins D.* Sameness and Substance, 1980. Хотя работа Р.Сорабжи «Необходимость, причина и вина» (*Sorabji R.* Necessity, Cause and Blame, 1980) в основном представляет собой комментарий по Аристотелю, в ней много говорится и в отношении Крипке. См. также прим. 9 к главе 3 о модальной логике Крипке. Согласно Т.Парсон-су, такая логика необязательно является эссенциалистской; см.: *Parsons T.* Essentialism and Quantified Modal Logic // *PR*, 1969. Главная статья Крипке, статья Парсонса и другие важные статьи опубликованы в сб.: *Reference*

162 Джон Пассмор. Современные философы

and Modality I L.Linsky (ed.), 1971. Альтернативные подходы см.: *Meaning, Reference and Necessity I* S.Blackburn (ed.), 1975.

¹⁸ См.: *Kripke S.* Is There a Problem about Substitutional Quantification // *Truth and Meaning I* G.Evans, J.McDowell (eds.), 1976. Отчасти эта статья Крипке представляет собой критику следующей работы Дж.Уоллеса: *Wallace J.* On the Frame of Reference // *The Semantics of Natural Language I* D.Davidson, G.Harman (eds.), 1972. Джон Уоллес — еще один философ, чье влияние, часто проявляющееся в личных беседах, значительно шире, чем позволяют предположить его довольно разрозненные публикации.

¹⁹ Об именах собственных см. также: *Searle J.* Proper Names // *Mind*, 1958 и дальнейшее развитие этой темы в кн.: *Searle J.* Speech Acts, 1969. Серль не согласился бы с тем, как Крипке изложил его взгляды. «Использовать имя собственное как что-то обозначающее, — говорит он, — значит *предполагать* истинность определенных дескриптивных высказываний, имеющих единственную референцию, но это, как правило, не значит *утверждать* эти высказывания или даже указывать, что же именно предполагается» (курсив мой. — *Дж.П.*). См. также три статьи К.С.Доннеллана: *Donnellan K.S.* Reference and Definite Descriptions // *PR*, 1966; *Donnellan K.S.* Proper Names and Identifying Descriptions // *Synthese*, 1970; *Donnellan K.S.* Speaking of Nothing // *Contemporary Research in Philosophical Logic I* D.Hockney et al. (eds.), 1975, а также *Kripke S.* Speaker's Reference and Semantic Reference // *Midwest Studies*, 1977. Доннеллан принадлежит к той отнюдь не

малочисленной группе современных философов — еще одним ее членом является Д.Каплан, — на чьи работы, часто с пометкой «неопубликованные», много ссылаются, но историк, пишущий не энциклопедически широкую, а краткую историю, вынужден обойти их молчанием. См. также: *Peacocke C.* Proper Names, Reference and Rigid Designation // *Meaning, Reference and Necessity I* S.Blackburn (ed.), 1975; *Ziff P.* About Proper Names // *Mind*, 1977; *Linckey L.* Names and Descriptions, 1977. В своей работе «Фреге» Даммит (*Dummitt M.* Frege, 1973) дает длинные и резко критические комментарии по поводу теории Крипке об именах собственных; см также: *Dummitt M.* Truth and Other Enigmas, 1978. Крипке отвечает ему в предисловии к «Значению и необходимости». Многие из этих вопросов были подняты Полом Зиффом в его «Семантическом анализе» (*Ziff P.* Semantic Analysis, 1960) и развиты далее в «Понимании понимания» (*Ziff P.* Understanding Understanding, 1972). Хорошее представление о более ранних дискуссиях по поводу имен собственных можно составить по статьям об «именах и дескрипциям» в: *The Logic of Grammar I* D.Davidson, G.Harman (eds.), 1975, куда включены избранные работы Рассела, Куайна и более поздние статьи Т.Беджа (1973) и Д.Каплана (1970), а также по разделу о «референции» в: *Semantics I* D.Steinberg, L.Jakobovits (eds.), 1971. Естественно, и сами лингвисты интересовались этой темой. См., к примеру: *Sloat C.* Proper Names in English // *Language*, 1969, где

Примечания 163

автор, подобно Крипке, уподобляет имена собственные нарицательным существительным. См. также: *Mates B.* On the Semantics of Proper Names // *Ut Videam I* W.Abraham (ed.), 1975. См. в антологии Шварца (*Naming, Necessity and Natural Kinds I* S.P.Schwartz (ed.), 1977) следующую переизданную там статью: *Evans G.* The Causal Theory of Names // *PASS*, 1973. Статья Гича «Имена и тождество» (*Geach P. T.* Names and Identity // *Mind and Language I* S.Guttenplan (ed.), 1975) в основном посвящена Фреге, но автор отходит от Фреге в трактовке того, что считать именем. Философско-лингвистическое исследование см. в: *Vendler Z.* Linguistics in Philosophy, 1967. «Каузальную» теорию имен собственных иногда приписывают Доннеллану; в дальнейшем она была развита М.Девиттом; см.: *Devin M.* Designation, 1981.

Классические проблемы, связанные с подстановкой в контекстах мнения, принимают особую форму при подстановке имен собственных, вроде «Туллия» и «Цицерона», если последние считаются жесткими десигнато-рами. По этой теме см.: *Kripke S.* A Puzzle about Belief // *Meaning and Use I* A.Margalit (ed.), 1979.

²⁰ О естественных видах см. серию статей в: *Putnam H.* Mind, Language and Reality, 1975, начинающуюся с «Возможна ли семантика?» («Is Semantics Possible?») и включающую, со специальными ссылками на Крипке, «Значение «значения»» («Meaning of 'Meaning'»), а также см.: *W. V. O. Quine.* Natural Kinds // *Naming, Necessity and Natural Kinds I* S.P.Schwartz (ed.), 1977; *Mellor D.H.* Natural Kinds // *BJPS*, 1977 и указанные выше работы Дэвида Виггинса.

О массовых терминах см.: *Mass Terms I* F.J.Pelletier (ed.), 1979.

Об именах и необходимости см.: *Sousa de R.B.* Kripke on Naming and Necessity // *Canadian Journal of Philosophy*, 1973; *Chandler H.S.* Rigid Designation // *UP*, 1975; (и особенно) *Salmon N.* Reference and Essence, 1982. П.Т.Гич в своей работе «Имена и тождество» (*Geach P. T.* Names and Identity // *Mind and Language I* S.Guttenplan (ed.), 1974) полностью отвергает «отнесение к разным синтаксическим категориям имен собственных и нарицательных существительных».

²¹ Комментарии см. в статьях в *JP* за 1974г. и в статьях Виггинса, Маркуса и Хакинга в сб.: *Philosophy of Logic / S.Körner* (ed.), 1976, где основное внимание сосредоточено на более широких логических проблемах. Доводы в защиту Крипке см. также в статье: *Nagel T.* What it is like to be a bat? // *PR*, 1974, перепечатанной в: *Nagel T.* Mortal Questions, 1979.

Глава 4

¹ В качестве общего введения в творчество этой школы, а также в творчество Дэвидсона и Даммита см.: *Platts M.* Ways of Meaning, 1979; *Truth and Meaning I* G.Evans, J.McDowell (eds.), 1976; *Reference, Truth and Meaning I* M.Platts (ed.), 1980. К числу более поздних исследований относятся:

164 Джон Пассмор. Современные философы

Peacocke C. Holistic Explanation, 1979; *Loar B.* Mind and Meaning, 1981 — это защита неограйсовского подхода к значению; посмертно изданная работа Дж. Эванса: *Evans G.* The Varieties of Reference / J.McDowell (ed.), 1982. См. также рецензию Куайна на книгу под ред. Эванса и Макдоуэла (/P, 1977). В работе М.Дэвиса (*Davies M.* Meaning, Quantification, Necessity, 1981) предлагается относительно дифференцированный подход. Усложненный характер работ этой группы философов, однако, с одной стороны, оправдан, если учесть рассматриваемые ими темы, а с другой — не оправдан, ибо это связано со странной непроясненностью их стиля, как если бы они стремились больше скрыть свою позицию, чем обнаружить ее. Представительный перекрестный обмен мнениями относительно «Истины, значения и референции» проводится на страницах журнала «The Monist» (1979), где имеются статьи Куайна, Эванса, Стросона.

² У Дэвидсона хорошо получается ссылаться как на тех, кто оказал на него влияние, так и на тех, кто подхватывал его идеи. К первой группе относится большинство философов, упомянутых в главе 2 «Сто лет философии». «Действия и события» содержат несколько ответов критикам, в частности ответ Р.М.Чизому по вопросу о событиях.

³ Позицию, занимаемую Смартom и Льюисом, Дэвидсон называет «помологическим монизмом». Говоря об учениях, сходных с его собственным, он ссылается на работу Т.Нагеля «Физикализм» (*Nagel T.* Physicalism // *PR*, 1965) и книгу П.Ф.Стросона «Свобода и воля» (*Strawson P.F.* Freedom and the Will / D.Pears (ed.), 1963). Крипке ссылается на теории тождества Дэвидсона-Нагеля, но особенно не опровергает их.

⁴ Помимо книг, упомянутых в прим. 1 к настоящей главе, общее обсуждение семантики Дэвидсона можно найти в работах: *Hacking I.* Why does Language Matter to Philosophy? 1975; *Kempson R.M.* Semantic Theory, 1977; *Harrison B.* An Introduction to the Philosophy of Language, 1979; *Lacey A.R.* Modern Philosophy, 1982; *Peacocke C., Hintikka J.* II Contemporary Philosophy / G.F10istad (ed.). Статья Дэвидсона «Истина и значение» (Truth and Meaning') впервые появилась в 'Synthese' (1967) и была переиздана в сборнике: *Readings in the Philosophy of Language I* J.F.Rosenberg, C.Travis (eds.), 1971. Статья Дэвидсона «Сказать, что» (On Saying That') вместе с комментариями Куайна появилась впервые в сб.: *Words and Objections I* D.Davidson, J.Hintikka (eds.), 1969, а затем была напечатана вместе со статьей «Семантика для естественных языков» и другими статьями на эту тему, в частности со статьей Дж.Хармана «Логическая форма», в книге: *The Logic of Grammar I* D.Davidson, G.Harman (eds.), 1975. Статью «В защиту конвенции Т» см. в: *Truth, Syntax and Modality I* H.Leblanc (ed.), 1973; «Радикальную интерпретацию» см. в журнале 'Dialectica' (1973). Ответ Дэвидсона Фостеру см. в сб.: *Truth and Meaning I* G.Evans, J. McDowell (eds.), 1976. См. также: *Putnam H.* The Meaning of Meaning, 1975, переизданную в

Примечания 165

сб.: *Putnam H.* Philosophical Papers. V. 2, 1975; *Chihara C.H.* Truth, Meaning and Paradox // *Nous*, 1976. Но, как и в случае Крипке, обсуждение взглядов Дэвидсона было слишком широким, чтобы можно было все перечислить. Он отвечает Льюису и Куайну в 'Synthese' (1974).

⁵ Бэрри Тэйлор в ходе разработки «теории истины для индексальных языков» (*Taylor B.* A Truth-theory for Indexical Languages // *Reference, Truth and Reality I* M.Platts (ed.)) приписывает Дэвидсону ту точку зрения, что в основе английского «существует некий формальный язык («базовый английский»), в котором каждое «поверхностное» английское предложение находит, по крайней

мере, одну парафразу («базовую парафразу»)), при этом «поверхностные предложения» связаны с подобными парафразами «последовательностью хомкианских трансформаций, сохраняющих значение предложений». Это действительно очень напоминает Хомского. Кто-то, возможно, усомнится в подобной интерпретации. См. Дэвидсон о Хом-ском в работе «Семантика для естественных языков».

⁶ Впервые опубликована в «Dialectica» (1977), переиздана в: *Reference, Truth and Reality I* M.Platts (ed.). Ср. с понятиями «референция» и «значение» в ст.: *Hintikka J. Semantics for Propositional Attitudes // Philosophical Logic I* J.W.Davis et al. (eds.), 1969; *Leeds S. Theories of Reference and Truth // Erkenntnis*, 1978; *Demonstrative and Indexical Reference I* E.Saarinen (ed.), 1981.

⁷ О Тарском см. прим. 16 к главе 17 «Ста лет философии». Сокращенный вариант статьи «Понятие истины» имеется в сб.: *The Logic of Grammar I* D.Davidson, G.Harman (eds.), 1975. Лейси, Платте и Хакинг каждый пытаются изложить Тарского, правда, с различной степенью сложности. Получили широкое обсуждение переформулировка теории Тарского, данная Хартри Филдом (*JP*, 1972), и его заявление о том, что Тарский скорее свел истину к другим семантическим понятиям, нежели определил ее без помощи каких-либо семантических понятий. Работа Фильда была переиздана в книге: *Reference, Truth and Reality I* M.Platts (ed.), 1980, наряду с критикой Макдоуэлла. См. также изложение теории Тарского в кн.: *Quine W. V. Philosophy of Logic*, 1970.

⁸ Помимо «Радикальной интерпретации» см. также статью Дэвидсона «Мысль и речь» (*Davidson D. Thought and Talk // Mind and Language I* S.Guttenplan (ed.), 1975) наряду с критической работой Д.Фёллесдаля. Норвежский философ Фёллесдаль много пишет о современной философии логики и языка и стремится примирить феноменологию и аналитическую философию. См. его работу: *Føllesdal D. An Introduction to Phenomenology for Analytic Philosophers // Contemporary Philosophy in Scandinavia I* R.E.Olsen, A.M.Paul (eds.), 1972. Статья Куайна в упомянутой выше книге под ред. Гуттенплана является хорошим введением в его теорию обучения языку. По мнению Дэвидсона, неопределенность перевода имеет не столь важное значение, как полагает Куайн.

166 Джон Пассмор. Современные философы

⁹ Вопрос о пропозициональных установках продолжает широко обсуждаться. О постдэвидсоновском подходе см.: *Bug dick H. A Logical Form for the Propositional Attitudes // Synthese*, 1982, с комментариями Куайна.

¹⁰ Большинство статей Даммита, опубликованных до 1976 г., включены в его книгу «Истина и другие загадки» (1978). Две статьи по теории значения опубликованы в: *Mind and Language I* S. Guttenplan (ed.), 1975, куда также включены важные статьи Энском, Дэвидсона, Гича и Фёллесдаля, а также изданы в сб.: *Truth and Meaning I* G.Evans, J.McDowell (eds.), 1976. В этом сборнике обсуждаются некоторые аспекты теории Даммита, однако более подробное обсуждение можно найти в: *Reference, Truth and Reality I* M.Platts (ed.), 1980. Статью Даммита «Наука и здравый смысл» ('Science and Commonsense') см. в сб.: *Perception and Identity I* G.F.Macdonald (ed.), 1979 вместе с ответом Айера.

Среди философов, занимающих близкую к Даммиту позицию, хотя и настроенных по отношению к нему критически, следует упомянуть Крис-пина Райта. См. его дискуссию с Роджером Скрутоном относительно «условий и критериев истинности»: *Wright C. Truth Conditions and Criteria // PASS*, 1976, а также критические замечания Стросона в его председательском выступлении (*PAS*, 1977). В этом отношении важны также работа Райта «Витгенштейн об основаниях математики» (*Wright C. Wittgenstein on the Foundations of Mathematics*, 1980) и его защита финитизма (*Synthese*, 1982). Об употреблении и значении см.: *Meaning and Use I* A.Margalit (ed.), 1979. Антиреализм Даммита и связь между ним и «критериями» Витгенштейна рассматриваются в ст.: *McDowell J. Criteria, Defeasibility and Knowledge // PBA*, 1982; там же имеются ссылки на: *McDowell J. Anti-realism and the Epistemology of Understanding // Meaning and Understanding I* H.Parret, J.Bouveresse (eds.), 1981 и *Wright C. Anti-realist Semantics // Idealism: Past and Present I* G.Vesey (ed.), 1982.

¹¹ О семантике Хинтикки см. прим. 12 к главе 3.

¹² В качестве главного источника укажем обсуждение не только Даммита, но и всего спора между реалистами и антиреалистами в трех номерах журнала «Synthese» за 1982 г., посвященных этой теме. Крайне резкую критику Даммита см.: *Devitt M. Dummett's Anti-realism* // *JP*, 1983. Девитт не имел возможности ознакомиться со статьей Даммита 1982 г.

По вопросу о двусмысленности см. также: *Quine W. V.O. What Price Bivalence?* // *Quine W. V.O. Theories and Things*, 1981.

Глава 5

¹ О Гудмене см. выше прим. 13 к главе 3. Многие из его главных тем наиболее ясно изложены в: *Goodman N. Problems and Projects*, 1972. Айер критикует Гудмена, как и — хотя более кратко — Даммита, в: *Ayer A.J.*

Примечания 167

Philosophy in the Twentieth Century, 1982. «Структуру явления» следует читать в ее третьем издании (*Goodman N. The Structure of Appearance*, 1977), где имеется важное введение Дж.Хеллмана. Даммит обсуждает ее в трех статьях (первоначально опубликованных в 1955-1957 гг.), напечатанных в его книге «Истина и другие загадки» (*Dummett M. Truth and Other Enigmas*). Куайн критикует Гудмена в: *Quine W. V.O. Theories and Things*, 1981. На подход Гудмена к искусству повлиял Е.Х.Гомбрич, чья работа «Искусство и иллюзия» (*Gombrich E.H. Art and Illusion*, 1960) так много способствовала тому, чтобы теория искусства стала достойной уважения в глазах философов. Моя собственная статья «Искусство и истина» (*Passmore J. Art and Truth* // *Tanner Lectures on Human Values*. 3, 1982) в некоторых аспектах близка к идеям Гудмена, а в некоторых других вовсе нет, хотя она была написана независимо от него. См. также обсуждение этих тем Гемпелем и Шеффлером в журнале «Synthese» за 1980 г. и ответ Гудмена. Интересно, что Гемпель связывает Гудмена с Нейратом. См. также более одобрительные комментарии Хилари Патнэма в журнале *JP* за 1979 г.

² См. также: *Popper K. Realism and the Aim of Science*, 1983. Критику в его адрес см.: *Feyerabend P. Popper's Objective Knowledge* // *Feyerabend P. Philosophical Papers*. V. 2, 1981. Естественно, его идеи были встречены представителями социологии знания без всякого энтузиазма. См.: *Bloor D. Popper's Mystification of Scientific Knowledge* // *Science Studies*, 1974. См. также более поздние комментарии в прим. 27 к главе 17 «Ста лет философии».

³ Эта статья, подобно нескольким другим в «Философских работах» (*Putnam H. Philosophical Papers*), до этого не публиковалась; в ином случае я указываю дату публикации.

О подходах к математике, когда математическое рассуждение не уподобляется доказательствам в манере Евклида, а также рассмотрение философии математики Витгенштейна см.: «Сто лет философии»; *Polya G. Mathematics and Plausible Reasoning*, 1954; *Lakatos I. Proofs and Refutations*, 1976, и *Lakatos I. Mathematics, Science and Epistemology*, 1978 — первоначальные его публикации были в *BJPS* (1963—1964); *Lehman H. Introduction to the Philosophy of Mathematics*, 1979; *Kitcher P. The Nature of Mathematical Knowledge*, 1983. Патнэм ссылается на Полайи, а не на Лакатоса.

Книга Лакатоса имеет подзаголовок «Логика математического открытия». Когда Н.Р.Хэнсон писал свою работу «Модели открытия» (*Hanson N.R. Patterns of Discovery*, 1958), многие все еще считали само собой разумеющимся различие, проведенное Рейхенбахом между «контекстом обоснования» и «контекстом открытия» и связанное с ним учение о том, что только первый представляет какой-либо интерес для философии науки. Что касается нынешней ситуации, см., например: *Simon H.A. Models of Discovery*, 1977; *Scientific Discovery, Logic and Rationality I* T.Nickles (ed.), 1980 и *Scientific Discovery*, 1980; *On Scientific Discovery I* M.D.Grmek et al. (eds.), 1981.

168 Джон Пассмор. Современные философы

⁴ См. также прим. 29 к главе 20 «Ста лет философии». Более поздние труды в этой же самой области перечисляются в статье Р.Б.Анджела и М.Л.Далла Чиара и в статье П.А.Метелли в: *Contemporary Philosophy I* G.F10istad (ed.). V. 2, 1982.0 пространстве-времени см.: *Bunge M. Philosophy of Physics*, 1973 и многие другие его труды, подробно представленные в: *Scientific Philosophy Today I* J.Agassi, R.S.Cohen (eds.), 1981, где приведена обширная библиография работ Бунге; *Swinburne R. Space and Time*, 1968, переработанное издание 1980; *Lucas J.R. A Treatise on Time and Space*, 1973; *Sklar L. Space, Time and Spacetime*, 1974; *Hinckfuss I. The Existence of Space and Time*, 1975; *Nerlich G. The Shape of Space*, 1976; *Earman J. et al. Foundations of Space-Time Theories*, 1977; *Margenau H. Physics and Philosophy*, 1978; *Space, Time and Causality I* R.Swinburne (ed.), 1982; специальный номер журнала «Synthese» за 1982 г. под названием «Философские проблемы современной физики»; *Space, Time and Mechanics I* D.Mayr, G.Sossman (eds.), 1982.

Многие из этих работ также содержат исследования, касающиеся квантовой механики. Однако см. также выше прим.7 к главе 1 и кроме того: *Contemporary Research in the Foundations and Philosophy of Quantum Theory I* C.A.Hooker (ed.), 1973; *Jammer M. The Philosophy of Quantum Mechanics*, 1974; *Quantum Mechanics I* L. J.Lopes, M.Patey (eds.), 1977; *Bohm D. Wholeness and the Implicate Order*, 1980; *Studies in the Foundations of Quantum Mechanics I* P.Suppes (ed.), 1980; *Feyerabend P.K. Realism, Rationalism and Scientific Method*, 1981; *Popper K.R. Postscript*, 1982, особенно *Popper K.R. Quantum Theory and the Schism in Physics*.

См. также две переведенные работы: *Reichenbach H. Selected Writings*, 1900—1953.1978 и *Mehlbarg H. Time, Causality, and the Quantum Mechanics*, 1980.

Подобно многим философам науки, Патнэм главным образом сосредоточивает свое внимание на такой очень нетипичной науке, как теоретическая физика. Но начинает привлекать к себе внимание и биология. См.: статью Д.Л.Халла в: *Contemporary Philosophy I* G.F10istad (ed.), 1982, а также *Hull D. L. Philosophy of Biological Science*, 1974; *Ruse M. Philosophy of Biology*, 1973; *Studies in the Philosophy of Biology I* F.J.Ayala, Th.Dobzhansky (eds.), 1974; *The Philosophy of Evolution I* U.J.Jensen, R.Harre (eds.), 1981.

Более широкий обзор философии науки см.: *Current Research in Philosophy of Science I* P.Asquith, H.Kyburg (eds.), 1979; *Passmore J.A. Why Philosophy of Science? // Science under Scrutiny I* R.W.Home (ed.), 1983; *Harré R. An Introduction to the Logic of the Sciences*. 2nd edition, 1983, куда включено рассмотрение социологического подхода.

⁵ Ср. прим. 33 к главе 17 «Ста лет философии». Общий подход к целому ряду подобных вопросов см.: *Sneed J.D. The Logical Structure of Mathematical Physics*, 1971, а также *Simon H.A. Models of Discovery*, 1977.

Примечания 169

⁶ Кун писал как физик, ставший историком, однако его влияние на философию науки было значительным. В вопросе о несоизмеримости его теория совпадает с теорией Фейерабенда, но в вопросе о желательности «нормальной науки» она является ею полной противоположностью; Фейерабенд выступает за максимальную пролиферацию теорий. О конфронтации между ними и, в более общем контексте, между Куном и поппери-анцами или экспопперианцами см.: *Criticism and the Growth of Knowledge I* I.Lakatos, A.Musgrave (eds.), 1970. В книге «Традиция и инновация» (*Kühn T. Tradition and Innovation*, 1978) Кун обсуждает свой метод и его происхождение. Дж.Д.Снид попытался формализовать куновскую теорию изменений парадигм. См. дискуссию между Куном, Снидом и Штегмюлле-ром в: *Historical and Philosophical Dimensions of Logic, Methodology and Philosophy of Science I* R.E.Butts, J.Hintikka (eds.), 1975. См. также: *Conceptual Change I* G.Pearce, P.Maynard (eds.), 1973; *The Structure of Scientific Theories I* F.Suppe (ed.), 1974; *Kisiel T. Paradigms // Contemporary Philosophy I* G. F10istad (ed.). V. 2, 1982; *Progress and Rationality in Science I* G.Radnitzky, G.Andersson (eds.), 1978; *The Structure and Development of Science I* G.Radnitzky, G.Andersson (eds.), 1979; *Papineau D. Theory and Meaning*, 1980; *Paradigms and*

Revolutions I G.Gutting (ed.), 1980; *Scientific Revolutions I* I.Hacking (ed.), 1981; *Dilworth C.* Scientific Progress, 1981; *Pandit G.L.* The Structure and Growth of Scientific Knowledge, 1982. Относительно исторического подхода см.: *Passmore J.A.* History and the Philosophy of Science // *Scientific Explanation and Understanding I* N.Rescher (ed.), 1983. Более широкий круг статей по этой теме см. в: *Studies in History and Philosophy of Science*, 1970. Иной подход к этим темам представлен в: *Glymour C.* Theory and Evidence, 1980. Вольно обращаясь с историей науки, Глимур утверждает в противовес Куну и его последователям, что для науки характерна стратегия «бутстрапа» («зашнуровки»), предполагающая постоянное взаимодействие между теориями и данными наблюдения. См. дискуссию в *JP* за 1980 г. и *Testing Scientific Theories I* J.Earman (ed.), 1983. Рассмотрение социальных наук с позиции социолога знания см.: *Barnes B.* T.S.Kuhn and Social Science, 1982. См. также Лакатоса и Фейерабенда (ниже).

⁷ В отношении Майкла Полани см., в частности: *Polanyi M.* Personal Knowledge, 1958. Полани особо подчеркивает то, в какой степени научный «здоровый смысл», а не формальные соображения, определяет, к чему следует относиться всерьез — то ли как к интересному в теоретическом плане наблюдению, то ли как к фальсификации (в отличие от не имеющей значения аномалии), то ли как к достойной дальнейшего исследования гипотезе. Лакатос широко обсуждает идеи Полани. Более положительную оценку см. в: *Gelwick R.* The Ways of Discovery, 1977. Близкие идеи см. в: *Holton G.* The Scientific Imagination, 1978. Книга Дж. Агасси «Наука и общество» (*Agassi J.* Science and Society, 1981) посвящена Полани, и в ней проявляется его влияние.

170 Джон Пассмор. Современные философы

⁸ Отношения между когнитивной психологией и философией исследуются в: *Readings in Philosophy of Psychology I* N.Block (ed.), 1980 (два тома); *Images, Perception and Knowledge I* J.M.Nicholas (ed.), 1977. Образы в каком-то смысле возвращают себе прежнее положение; спор о том, мыслим ли мы образами или суждениями, все еще очень актуален и обсуждается Деннетом. См. также: *Thomas S.N.* The Formal Mechanics of Mind, 1978 и *Maison W.I.* Sentience, 1976, где автор защищает теорию тождества от критики Деннета. Критику с позиции более старой «философской психологии» см. в: *Hamlyn D. W.* Perception, Learning and the Self, 1983. О функционализме в целом см.: *Fodor J.A.* Psychological Explanation, 1968; *Perception and Cognition I* C.W.Savage (éd.) // *Minnesota Studies*, IX, 1978; специальный номер «*Philosophical Topics*» (1981) под названием «Функционализм и философия сознания». Статья Лайкана (*Lycan W. G.* Mental States and Putnam's Functionalist Hypothesis // *AJP*, 1974) имеет более широкое приложение, чем позволяет предположить ее название. Проблемы, которые пытается решить Деннет, ставятся в: *Shoemaker S.* Functionalism and Qualia // *Philosophical Studies*, 1975, а также в статье Нагеля: *Nagel T.* What is it like to be a bat? // *PR*, 1974, сейчас переизданной в: *Nagel T.* Mortal Questions, 1979. О связи между когнитивной психологией и эпистемологией см.: *Cognitive Development and Epistemology I* T.Mischel (ed.), 1971, где содержится критика Норманом Малколмом когнитивной психологии. Дж.Мар-голис (*Margolis J.* Persons and Minds, 1978) отстаивает вариант материализма, на котором лежит отпечаток функционализма, но в котором подчеркивается культурное значение ментальных функций. Общее введение в современные дискуссии см.: *McGinn C.* The Character of Mind, 1982.

⁹ Об искусственном интеллекте и машинах см. прим. 33 к главе 20 «Ста лет философии»; помимо этого можно обратиться к: *Sloman A.* The Computer Revolution in Philosophy, 1978; *Boden M.A.* Artificial Intelligence and Natural Man, 1978; *Philosophical Perspectives in Artificial Intelligence I* M.D.Ringle (ed.), 1978; *Mind Design I* J.Hungeland (ed.), 1981.

¹⁰ Вместе с тем Деннет с большой симпатией относится к общему подходу Фодора, представленному в его работе «Язык мысли» (*Fodor J.A.* The Language of Thought, 1975), хотя он дал на нее критический отзыв. См.: *Dennett D.* Brainstorms, 1978. Дальнейшее обсуждение данных вопросов см.: *Fodor J.A.* Representations, 1981. Ричард Рорти в своей книге «Философия и зеркало природы» (*Rorty R.* Philosophy and the Mirror of Nature, 1980) критикует ту точку зрения, что Фодор не может избежать регресса в бесконечность. См. также более позднюю работу Фодора «Модулярность сознания» (*Fodor J.A.* The Modularity of Mind, 1983), которой он дает красноречивый подзаголовок «Очерк о способности Психика».

¹¹ Спор о реализме, особенно в отношении научных объектов, не утихает. См. выше прим. 12 к главе 4, а также: *Bhaskar R. A Realist Theory of*

Примечания 171

Science, 1978; *Fraassen van B. C. The Scientific Image*, 1980 (антиреалистский анализ); *Churchland P.M. Scientific Realism and the Plasticity of Mind*, 1979 (защита реализма); *Smith P. Realism and the Progress of Science*, 1981; *Feyerabend P.K. Realism, Rationalism and Scientific Method*, 1981; *PQ* за 1982 г. и прим. 33 к главе 17 «Ста лет философии».

См. также дискуссию между Патнэмом, Филдом и Харманом в *JP* за 1982 г. и критику Черчлэндом ван Фраассена (*Pacific Philosophical Quarterly*, 1982), а кроме того, *Alston W.P. Yes, Virginia, there is a Real World // Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*, 1979. Тот факт, что логически последовательное реалистическое истолкование квантовой механики сопряжено с большими трудностями, вызывает беспокойство даже у самых убежденных реалистов. Так, Дж.Дж.Смарт в статье «Трудности для реализма в философии науки» (*Smart J.J. C. Difficulties for Realism in the Philosophy of Science // Logic, Methodology and Philosophy of Science*. VI, 1979) предлагает сочетать «исходный метафизический реализм» с инструменталистским представлением о физике микромира». Квантовая механика с необыкновенным упорством противится ее включению в любую когерентную картину мира. Из работ Джона Белла были, в частности, сделаны самые далеко идущие космологические выводы антиреалистского толка. См. его статью: *Bell J. The Problem of Hidden Variables in Quantum Mechanics // Bell J. Review of Modern Physics*, 1966. Относительно неформальное изложение этих вопросов см.: *Mermin A.D. Quantum Mysteries for Anyone // JP*, 1981. Патнэм формулирует свои формальные аргументы против «метафизического реализма» в: *Putnam H. Models and Reality // JSL*, 1980. Его антиреалистические статьи собраны в: *Putnam H. Philosophical Papers*. V. 3, 1983. Критику и альтернативные идеи см.: *Hacking I. Representing and Intervening*, 1983 (где необычно важное значение придается экспериментированию по сравнению с теоретизированием) и *Cartwright N. How the Laws of Physics Lie*, 1983 (где представлена реалистическая позиция в отношении электронов, но не законов).

¹² Субъективистские теории нашли себе новых сторонников по той причине, что частотные теории, как мы видели («Сто лет философии», глава 17), столкнулись с проблемами при определении вероятности «в конеч-ном счете» и не позволяли делать прямых утверждений о вероятности индивидуальных событий. Субъективный подход разрабатывался статистиком Л.Дж.Сэвиджем в его книге «Основания статистики» (*Savage L.J. The Foundations of Statistics*, 1954) и обсуждается коллегами Сэвиджа в: *Savage L.J. et al. The Foundations of Statistical Inference*, 1962. Также важны идеи Б. де Финетти, которые он в суммированном виде представил в работе «Теория вероятности» (*Finetti de B. The Theory of Probability*, 1975), хотя они датированы мемуаром 1937 г. См. также: *Studies in Subjective Probability I* Н.Е.Кибурга, Н.Е.Смолера (eds.), 1964; *Rosenkrantz R.D.*

172 Джон Пассмор. Современные философы

Inference, Method and Decision, 1977. Среди других книг, имеющих отношение к этой теме, следовало бы упомянуть: *Mellor D.H. The Matter of Chance*, 1971; *Jeffrey R.C. The Logic of Decision*, 1965 (и большинство последующих его работ); *Adams E. W. The Logic of Conditionals*, 1975; *Ellis B. Rational Belief Systems*, 1979; *Ellis E. Rational Decision and Causality*, 1982. Среди логиков, содействовавших формализации условных вероятностей, особым влиянием пользовались Б. Ван Фраассен и Р.Томпсон.

Субъективные теории подвергались резкой критике, например Г.Х. фон Вригтом в: *Logic, Methodology and Philosophy of Science I* Е.Нэгеля et al. (eds.), 1962, и Карлом Поппером в ходе его более общей атаки на субъективизм. Его (Поппера) собственная теория склонности излагается в *BJPS* за 1959 г. Сходный подход был предложен Ч.С.Пирсом. См. также обширные библиографии, приведенные в статьях Р.Хилпинена и Р.Джеффри в: *Contemporary Philosophy I* Г.Флоистад (ed.), 1981; критику теории Поппера Т.Сеттлом и П.Суппесом см. в: *The Philosophy of Karl Popper I*

P.A.Schilpp (ed.), 1974, где содержится и ответ Поппера. См. также длинное обсуждение квантовой механики в: *Popper K. Postscript*, 1982.

Объективные вероятности в стиле Поппера отстаиваются в: *Gillies D. A. An Objective Theory of Probability*, 1973 и *Fetzer J.H. Scientific Knowledge*, 1981. Как мы указывали, одна из причин, почему частотные теории оказались не в чести, состоит в том, что их считают неспособными дать удовлетворительное выражение вероятностям индивидуальных случаев; исправить это попытался Фетзер. Признаком необыкновенно сложной ситуации в этой сфере служит тот факт, что Фетзер считает нужным выделить логических байесианцев, субъективных байесианцев, эмпирических байесианцев, критических байесианцев и квазيبайесианцев, указав несколько выдающихся имен в каждой из этих групп. Статистический подход отстаивается в: *Giere R.N. Understanding Scientific Reasoning*, 1979. См. также: *Foundations of Probability Theory, Statistical Inference and Statistical Theories of Science I* W.Harper, C.Hooker (eds.), 1976; *Hacking I. The Emergence of Probability*, 1975; *Niiniluoto I. Statistical Explanation // Contemporary Philosophy I* G. F10istad (ed.), 1981.

Формализованную теорию консенсуса см. в: *Lehrer K., Wagner C. Rational Consensus*, 1981. О Лехпере в целом см.: *Keith Lehrer I* R.J.Bogdan (ed.), 1980. См. также: *Harsanyi J.C. Papers in Game Theory*, 1982. Иссак Леви в своих книгах «Азартная игра с истиной» (*Levi L Gambling with Truth*, 1967) и «Предприятие знания» (*Levi L The Enterprise of Knowledge*, 1980) усматривает связь между ситуациями, когда мы принимаем какие-то высказывания как истинные и когда идем на риск в азартной игре; ценность изменения существующего корпуса знания определяется по связанному с этим риску. Индукция трактуется в холистской манере, характерной для последних десятилетий, как вопрос изменения существующей со-

Примечания 173

вокупности мнений и убеждений, а не принятия отдельного обобщения. См. обсуждение идей Леви в: *Language, Logic and Method I* R.S.Cohen (ed.), 1982. См. также: *Local Induction I* R.J.Bogdan (ed.), 1976 (с подробной библиографией). Там же содержится краткое изложение Джонатаном Коэном позиции, которую он более полно излагает в: *Cohen J. Implications of Induction*, 1970 и *Cohen J. The Probable and the Provable*, 1977. В этом случае индуктивные рассуждения соотносятся с правовыми рассуждениями, а также делается акцент на существующем корпусе знания. См. также прим. 48 об индукции к главе 17 «Ста лет философии» и *Henry Kyburg and Isaac Levi I* R.J.Bogdan (ed.), 1982 наряду с *Kyburg H.E. Epistemology and Inference*, 1983.

¹³ Решительную критику Поппера, Лакатоса, Куна и Фейерабенда как «четырех современных иррационалистов» см. в: *Stove D.C. Popper and After*, 1982. Не случайно, что Став обвиняет исторический подход во всех, как он считает, неудачах. Более сдержанную критику см.: *Newton W.H. The Rationality of Science*, 1981. Более простой критический обзор дан в: *Chalmers A.F. What is this thing called Science?* 1982. О реализме см. второе издание этой книги (1982). Об общих вопросах см.: *Rationality in Science I* R.Hilpinen (ed.), 1980; *Shapere D. Reason and the Search for Knowledge*, 1983; *Rationality in Science and Politics I* G.Anderson (ed.), 1983. О Лакатосе см.: *Essays in Memory of Imre Lakatos I* R.S.Cohen et al. (eds.), 1976. Его идеи развернул и развил, наряду с защитой реализма, Д.Папино в: *Papineau D. Theory and Meaning*, 1979. О раннем Фейерабенде см. также главу 20 «Ста лет философии». Более широкое обсуждение его работ дается в: *Versuchungen*. Ed. H.P.Dürr, 1981. О других постпопперианских работах по научному прогрессу см.: *Laudan L. Progress and its Problems*, 1977 (Фейерабенд дал резкие комментарии об этой работе) и статьи Дж.Радницкого, например его статью в: *Progress and Rationality in Science I* G.Radnitzsky, G.Anderson (eds.), 1978. Эта книга важна и в более общем отношении, наряду с *The Structure and Development of Science I* G.Radnitzsky, G.Anderson (eds.), 1979. См. также *The Monist* за 1977 г. об «Историзме и эпистемологии» и выше, прим. 5 к главе 5.

¹⁴ См. рецензию Фейерабенда на книгу Дэвида Бома «Причинность и случайность в современной физике» (*Bohm D. Causality and Chance in Modern Physics*, 1957, русский перевод: М., 1959) в: *Feyerabend P. Philosophical Papers. V. 1*. См. также: *Bohm D. Wholeness and the Implicate Order*, 1980.

¹⁵ Как и в случае Патнэма, для статей, включенных в данный сборник, я указываю ту дату, когда они были впервые опубликованы. Сборник содержит обширную библиографию трудов Хессе. См., в частности, ее работу: *Hesse M. Models and Analogies* (1963). Статья «Сильный тезис в социологии науки» (*Hesse M. The Strong Thesis of Sociology in Science*) по-боту: *Hesse M. Models and Analogies* (1963). Статья «Сильный тезис в социологии науки» (*Hesse M. The Strong Thesis of Sociology in Science*) по-

174 Джон Пассмор. Современные философы

зволяет понять взаимоотношения Хессе с ее поклонниками среди социологов. Что касается Тулмина, см. его: *Toulmin S. A. Foresight and Understanding*, 1961 и *Toulmin S.A. Human Understanding*, 1972. На Тулмина значительное влияние оказал Витгенштейн. См. также: *Toulmin S.A. The Return to Cosmology: Postmodern Science and the Theology of Nature*, 1982. По некоторым общим вопросам, поднятым в трудах Хессе, см. также: *Rationality and Relativism I* M.Hollis, S.Lukes (eds.), 1982; *Relativism I* J.W.Meiland, M.Krausz (eds.), 1982. Работа Дж.М.Малкея «Наука и социология знания» (*Mulkay M.J. Science and the Sociology of Knowledge*, 1979, русский перевод — М., Прогресс, 1983) послужит примером того, какое применение идеи Хессе - наряду с идеями Дюгема, Хэнсона и Куна — находят у новой категории социологов знания. См. также выше, прим. 4 к главе 1.

¹⁶ Особенным влиянием пользовалось рассмотрение этого вопроса Н.Р.Хэнсоном в: *Hanson N.R. Patterns of Discovery*, 1958. См.: *Scheffler L Science and Subjectivity*, 1967 и *Nagel E., Bromberger S., Grünbaum A. Observation and Theory in Science*, 1971. Нагель, в частности, ссылается на Хессе. Поппер, Фейерабенд и Кун все подчеркивали теоретическую на-груженность наблюдений. См. также: *Quine W.V.O. Epistemology Naturalised // Quine W. V.O. Ontological Relativity*, 1969 и *Quine W. V.O. et al. Experience and Theory*, 1970. Критику см. в: *Kordig C.R. The Fustification of Scientific Change*, 1971. О важности этого спора в современной философии науки говорится в «Критическом введении» Ф.Суппе к вышедшему под его редакцией сборнику «Структура научных теорий», составленному по материалам симпозиума (*The Structure of Scientific Theories I* F.Suppe (ed.), 1974) и содержащему статьи многих ведущих авторов, написанные в период, когда «новая волна» философов науки стала приобретать пропорции «мощного прилива». Во втором издании этой книги (1977) помимо послесловия Суппе добавил общее изложение истории современной философии науки. Неопределенность Патнэма и оговорки Куна составляют любопытную особенность этого сборника, хотя ими никоим образом не исчерпывается его ценность.

¹⁷ Примеры того, против чего борется Рорти, см. в сборнике под названием «Сова Минервы» (*The Owl of Minerva I* C.J.Bontempo, S.J.Odell (eds.), 1975), в котором многие хорошо известные философы излагают свои взгляды на природу философии. Там, в частности, выражены надежды Смарта на профессиональную философию, представлены идея Поппера о теории знания как «самом сердце философии», высказывание Бланшара о том, что «наука логически зависит от философии», «конструктивизм» Лоренцена и, по контрасту с ними, идеи Хука о «философии и государственной политике». См. также: *Passmore J.A. The Place of Argument in Metaphysics // Metaphysics I* W.E.Kennick, M.Lazerowitz (eds.), 1966, где проводится различие между философом и мудрецом. Идеи Рорти обсуж-

Примечания 175

даются в *JP* за 1980 г. Намного более разработанный вариант современного прагматизма см. в: *Rescher N. Methodological Pragmatism*, 1977. П.Унгер скептически относится к традиционному учению о том, что философия ставит перед нами проблемы, на которые в принципе должны существовать ответы, с какими бы трудностями ни столкнулись философы при их поиске.

¹⁸ Исследование этой «замены» см. в: *Hacking I. Why Does Language Matter to Philosophy?* 1975. Однако Хакинг, похоже, видит в этом прогресс, хотя и предупреждает о возможном появлении лингвистического феноменализма как нового варианта философии Беркли. Это предупреждение полностью оправдалось.

¹⁹ О герменевтике см. выше, прим. 9 к главе 1. Статья Дэвидсона, на которую, в частности, ссылается Рорти, это: *Davidson D. On the Very Idea of a Conceptual Scheme // Proceedings of the American Philosophical Association, 191Б*. Но также часто он имеет в виду неопубликованные материалы. См. также: *Stroud B. Conventionalism and the Indeterminacy of Translation // Words and Objections I. D. Davidson, J. Hintikka (eds.), 1969*.

Рассмотренные нами общие вопросы подробно обсуждаются в: *Bernstein R.J. Beyond Objectivism and Relativism, 1983*, где содержатся, в частности, ссылки на современную философскую мысль в Германии.

176 Джон Пассмор. Современные философы

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Адорно Т., см. также Adorno T. 130
Айдукевич К. 53, 158
Айер А. Дж., см. также Ayer A.J. 19, 87, 95, 127, 137, 166
Аккерман У., см. также Ackermann W. 16
Альберт Х., см. также Albert H. 133
Альтюссер Л., см. также Althusser L. 11—12, 35, 36, 37, 119, 128, 143, 144, 145—146, 150
Андерсон Д., см. также Anderson J. 22, 24, 160
Андерсон Э. Р., см. также Anderson A.R. 16—17
Анджел Р. Б. 168
Апель К.-О., см. также Apel K.-O. 20, 119, 135
Аппиа Э. 160
Аристотель 25, 44, 47, 52, 67, 140, 161
Армстронг Д., см. также Armstrong D. 22—24, 26, 136, 138, 160
- Бароу Д. У. 150
Барт Р. 35, 143, 144, 146
Бар-Хиллел И., см. также Bar-Hillel Y. 55, 129—130
Башляр Г. 145, 146
Бедж Т. 162
Белнап Н. Д., см. также Belnap N.D. 17
Беннетт Дж., см. также Bennett J. 141
Беркли Дж. 95, 96, 175
Бланшар Б. 174
Блумфильд Л. 42—43
Бодрийяр Ж. 147
Бок С. 10
Больцано Б. 98
Бом Д., см. также Bohm D. 117, 173
Бrentano Ф. 19, 20, 75, 108
Брэдли Ф. Г. 84, 149
Бубнер Р., см. также Bubner R. 133
Буверес Ж. 20, 133
Бульман Р. 135
Бунге М., см. также Bunge M. 137, 168
Бурбаки 35
- Вебер М. 122
Виггинс Д., см. также Wiggins D. 24—27, 69, 139—140, 163
Витгенштейн Л. 18, 20, 31, 49, 59, 67, 85, 104, 113, 119, 123, 124, 125, 133, 135, 136, 139, 148, 149, 151, 158, 159, 166, 167, 174
Вригт Г. Х. фон, см. также Wright G.H. von 16, 172
Вундт В. 42
Гадамер Х. Г., см. также Gadamer H.G. 20, 119, 123, 126, 134—135
Гарвер Н. 148
Гегель Г. В. Ф. 12, 21, 36, 98, 110, 112, 123, 126, 136, 148
Гемпель К. 167
Гердер И. Г. 136
Герсон Дж. У. 157
Геттьер Е. Л. 21—22, 62, 137
Гич П. Т., см. также Geach P.T. 132, 139, 155, 163, 166
Гомбрич Е. Х. 18, 167
Грайс П., см. также Grice P. 27, 29—30, 31, 40, 58, 60, 141, 154
Грамши А. 128—129
Грегори Р., см. также Gregory R. 18
Грюнбаум А., см. также Grünbaum A. 18, 100
Гудмен Н., см. также Goodman N. 60—62, 94—97, 110, 152, 159—160, 166—167
Гумбольдт В. фон 150
Гуссерль Э. 20, 21, 34, 35, 37, 130, 148
N.B. В случае сборников, вышедших под чьей-либо редакцией, указывается только имя первого редактора.

Примечания 179

Далла Чиара М.Л., см. также Dalla Chiara M.L. 168
Даммит М., см. также Dummett M. 71, 83—93, 94, 97, 103, 110, 123, 154, 163, 166, 167
Девитт М., см. также Devitt M. 138, 163, 166
Декарт Р. 21, 22, 34, 37
Деннет Д., см. также Dennett D. 107—109, 170
Деррида Ж., см. также Derrida J. 35, 37—41, 111, 144, 146, 147, 148—149
Джеймс У. ПО, 112, 126 Джеффри Р., см. также Jeffrey R.C. 172
Дильте В. 126, 134
Доннеллан К.С., см. также Donnellan K.S. 162, 163
Дрей У. 9
Дьюи Дж. 84, 125, 126
Дэвидсон Д., см. также Davidson D. 71—83, 84, 86, 107, 123, 124, 138, 154, 156, 163—165, 175
Дюгем П. 119, 120, 121, 122, 174
Дюркгейм Э. 122
Дюфрен М. 145

Ельмслев Л. 142

Жене Ж. 148

Заде Л. 156

Зифф П., см. также Ziff P. 103, 141

Каменка Е., см. также Kamenka E. 8

Кант И. 94, 100, 110, 124, 125, 140

Каплан Д., см. также Kaplan D. 157, 162

Карнап Р. 14, 49, 50, 52, 55, 60, 66, 91, 94, 101, 140, 149, 154, 156, 158

Кац Дж.Дж., см. также Katz J.J. 47—49, 60, 77, 151, 153—154

Кении Э. 157

Коллингвуд Р.Дж. 102

Кринке С., см. также Kripke S. 53, 55, 57, 60, 63, 65—70, 78, 83, 84, 86, 87, 123, 139, 157—158, 161—162, 163, 164, 165

Кристева Ю. 144

Куайн У.В.О., см. также Quine W.V.O. 14, 16, 18, 19, 20, 21, 52, 53, 55, 58, 65, 66, 73, 77, 81, 86, 90, 95, 100, 107, 119, 120, 123, 124, 138, 140, 1: 157, 158, 159, 162, 164, 165, 166, 1 Кун Т.С. 13, 84, 101—103, 111, 115, 1] 119, 169, 173, 174

Лакан Ж., см. также Lacan J. 35, 36—143, 144, 146

Лакатос И., см. также Lakatos I. 99, 115—119, 167, 173

Лакофф Дж., см. также Lakoff J. 152, 153

Леви И., см. также Levi I. 172—173

Левинас Э. 145

Леви-Стросс К., см. также Lévi-Strauss C. 35, 36, 37, 40, 45, 143, 145, 146—147

Лейбниц Г.В. 25, 45, 53, 140, 158

Лейси Э.Р., см. также Lacey A.R. 125, 165

Ленин В.И. 12

Лесьневский С. 53, 158

Локк Дж. 95, 140

Лукач Д., см. также Lukács D. 128

Льюис Д.К., см. также Lewis D.K. 5:57—60, 63—65, 78, 84, 96, 123, 1:160, 164, 165

Льюис К.И. 16, 17, 94, 95, 131, 132, 1

Лэшли К.С. 152

Макколи Дж.Д. 153

Малколм Н. 170

Малларме С. 33, 40

Мангейм К. 130

Маркс К. 11—12, 36, 42, 122, 135, 144—145, 147

Маркузе Г. 130

Маркус Р.Б. 158, 161, 163

Марсель Г. 41 Мартине А. 143

Масгрейв А. 115

Мейнонг А. фон 20, 132, 136

Мерло-Понти М. 35, 143

Метели П.А. 168

Мефам Дж., см. также Merham J. 1 143

Милль Дж.С. 10, 67, 117

178 Джон Пассмор. Современные философы

Монтегю Р., см. также Montague R. 49—57, 60, 68, 76, 78, 84, 96, 155—156, 157, 158

Моррис Ч.У. 55

Мьюэдж.Р. 136

Мэкки Дж.Л., см. также Mackie J.L. 63, 73—74, 140, 160

- Нагель Т., см. также Nagel T. 139, 164, 170
Нейрат О. 167
Ниддич П.Х. 113—114 Нил У. 62, 65
Ницше Ф. 34, 35, 37, 125
Нозик Р., см. также Nozick R. 136—137
Остин ДжЛ. 13, 19, 20, 27, 28, 39, 41, 49, 92, 129, 140, 146, 153, 158
Парсонс Т., см. также Parsons T. 161
Парта Б., см. также Partee B. 50, 54, 57, 155
Патнэм Х., см. также Putnam H. 18, 83, 99—107, 109—113, 119, 120, 122, 139, 152, 154, 159, 167, 168, 171, 173, 174
Пиаже Ж., см. также Piaget J. 34, 143, 153
Пирс Ч.С. 135, 20, 33, 55, 110, 114, 126, 135, 142, 172
Платон 10, 21, 39, 40, 98, 109, 124, 125
Платте М., см. также Platts M. 165
Плейс Ю.Т. 22
Полайи Д., см. также Pylyya 99, 167
Полани М., см. также Polanyi M. 102, 169
Поппер К.Р., см. также Popper K.R. 18, 19, 20, 98, 101—102, 114—120, 123, 133, 140, 172, 173, 174
Постал П.М., см. также Postal P.M. 153, 154
Прайор А.Н., см. также Prior A.N. 55, 156—157
Пуанкаре Ж.А. 116
- Радницкий Д., см. также Radnitzky G. 133
Райл Г., 14, 19, 23, 44, 48, 49, 104, 107, 109
Райт К., см. также Wright C. 166
Рамсей Ф.П., см. также Ramsey F.P. 23, 24, 63, 64, 75, 114, 139
Рассел Б. 10, 12, 14, 21, 24, 53, 55, 67, 84, 125, 162
Раутли Р., см. также Routley R. 16
Рейхенбах Г., см. также Reichenbach H. 18, 100, 114, 132, 161, 167
Решер Н., см. также Rescher N. 161
Рикер П., см. также Ricoeur P. 128, 135, 145
Ролз Дж. 10
Рорти Р., см. также Rorty R. 122—126, 136, 170, 174
Руссо Ж.-Ж. 37, 148
Сантаяна Дж. 125
Сартр Ж.-П. 19, 33, 35, 37, 145
Селларс У., см. также Sellars W. 123, 138
Серль Дж.Р., см. также Searle J.R. 27—29, 30, 39, 40, 67, 140, 141, 149, 150, 154, 162
Скиннер Б.Ф. 43, 151
Скрутон Р., см. также Scruton R. 166
Смарт Дж.Дж., см. также Smart J.J.C. 22—23, 138, 164, 171, 174
Снид Дж.Д., см. также Sneed J.D. 169
Соллерс П. 144
Соссюр Ф. де 31—33, 36, 38, 42, 44, 45, 58, 76, 142
Стаут Дж.Ф. 24
Стерн Л. 33
Столнейкер Р., см. также Stalnaker R. 60, 63—64, 139
Стросон П.Ф., см. также Strawson P.F. 15, 16, 25, 28, 30, 131, 141, 165, 166
Свинберн Р., см. также Swinburne R. 139
Суппе Ф., см. также Suppe F. 174
Сэвидж Л.Дж., см. также Savage L.J. 114
- Тарский А. 49, 50, 51, 52, 77—80, 82, 93, 97, 165
Трубецкой Н.С. 142
Тугендхат Э. 20, 134
- Примечания 179**
Тулмин С.Э., см. также Toulmin S.A. 119, 174
Тэйлор Ч., см. также Taylor C. 136
- Уилсон Э.О., см. также Wilson E.O. 140
Уилсон К. 137
Уинч П., см. также Winch P. 135
Уитни У.Д. 142
Унгер П., см. также Unger P. 175
Уоллес Дж., см. также Wallace J. 82, 162
- Фаин К. 160
Файндли Дж.Н., см. также Findley J.N. 136
Фейербах Л. 12
Фейерабенд П.К., см. также Feyerabend P.K. 13, 18, 23, 111, 115, 117—119, 140, 169, 173, 174
Фёллесдаль Д., см. также Follesdal D. 165, 166
Филдх. 165, 171 Филмор К.Дж. 153
Финетти Б. де, см. также Finetti B. De 114, 171

- Фихте И.Г. 12
Фодор Дж.Д., см. также Fodor J.D. 47-49, 77, 109, 153, 154, 170—171
Фостер Дж.А. 72, 78, 83, 164
Фраассен Б. ван, см. также Fraassen B.C. van 171, 172
Фреге Г. 12, 14, 19, 20, 21, 49, 51, 54, 67, 71, 83, 84, 85, 98, 155, 163
Фрейд З. И. 36, 41, 143, 146, 147
Фрисби Д. 133 Фуко М. 13, 35, 37, 111, 119, 143, 144—145, 146, 149
- Хабермас Ю. 13, 20, 119, 129—130, 135
Хайдеггер М. 18, 19, 20, 21, 34, 37, 38, 123, 125, 134—135, 136
Хакинг Я., см. также Hacking I. 163, 165, 175
Хардинг С. 125
Харман Дж., см. также Harman G. 82, 151, 164, 171
Харрис З., см. также Harris Z. 41, 150—151, 153
Харрис Р. 142
Харрисон Б., см. также Harrison B. 15:Харт Г.Л. 9
Хеар Р.М., см. также Hear P.M. 9, 11, 128
Хейл Дж. 139
Хеллман Дж. 159, 167
Хессе М., см. также Hesse M. 119—**121** 173—174
Хилпинен Р., СМС. также Hilpinen R. 1
Хинтикка Я., см. также Hintikka J. 16, 90, 159, 166
Хинтикка М. 125
Хоккетт К.Ф., см. также Hockett C.F. 151, 152
Хомский Н., см. также Chomsky N. 41—46, 47, 49, 50, 52, 53, 58, 60, 76, 80, 81, 84, 85, 133, 140, 149—150, 151, 152—153, 154, 155, 156, 157, 159
Хоркхаймер М. 130
Хук С., см. также Hook S. 174
Хэнсон Н.Р., см. также Hanson N.R. 102, 120, 167, 174
- Черч А., см. также Church A. 49, 51—52, 156, 157
Черчлэнд П.М. 171
Чизолм Р., см. также Chisholm R. 161, 164
- Шеннон К. 151
ШеффлерИ. 167
Шиллер Ф.К.С. 15
Шлейермахер Ф. 134
Штегмюллер В., см. также Stegmüller W. 17—18, 20, 127, 133, 169
Шумейкер С., см. также Shoemaker S. **Г.**
- Эванс Дж., см. также Evans J.L. 164
Эллис Б., см. также Ellis B. 160
Энгельс Ф. 12, 34
Энском Г.Е.М. 72, 166
- Юм Д. 21, 63, 140
- Якобсон Р., см. также Jacobson R. 33, 40, 41, 142, 143 Ясперс К. 19
180 Джон Пассмор. Современные философы
- Abraham W. 163
Ackermann W., см. также Аккерман У. 132
Adams E.W. 172
Addison J. 158
Adorno T., см. также Адорно Т. 133
Agassi J. 168, 169
Agazzi E. 131, 133
Albert H., см. также Альберт Х. 133, 135
Allen J.P. 149
Alston W.P. 171
Althusser L., см. также Альтюссер Л. 145, 146
Anderson A.R., см. также Андерсон Э.Р. 132
Anderson J., см. также Андерсон Дж. 160
AnderssonG. 169, 173
Apel K.-O., см. также Апель К.О. 134, 135, 158
Arato A. 130
Armstrong D., см. также Армстронг Д. 138, 141
AsquithP. 168
Aune B. 137
Avineri S. 129
AyalaF.J. 168
Ayer A.J., см. также Айер А.Дж. 127, 167

Bach E. 150, 153
Bach K. 140
Bacherlard G., см. также Башляр Г. 145
Baker G. 154, 155
Ballmer T.T. 156
Bar-Hillel Y., см. также Бар-Хиллел И. 154, 158, 159
Barnes B. 130, 169
Barwise J. 131
Bastide R. 142
Baüerle R. 154
Bealer G. 156
Beehler R. 136 Bell J. 171
Belnap N.D., см. также Белнап Н.Д. 132
Benn S.I. 136
Bennett J., см. также Беннет Дж. 141
Benveniste E. 142
Bernstein R.J. 175
Bever T. 153
Bhaskar R. 170
Bieri P. 141
Bigelow J. 161
Black M. 141
Blackburn S. 162
Blakeley 129
Bleicher J. 135
Block N. 170
Bloom H. 148
Bloor D. 130, 167
Boden M. A. 170
Bogdan D.J. 151, 173
Bohm D., см. также Бом Д. 168, 173
Bontempo C. J 174
Burger C. 136
Bradley M.C. 138
Bradley R. 161
Bradon R. 132
Brodbeck M. 136
Brody B.R. 139
Broekman J. M 144
Bromberger S. 174
Bubner R., см. также Бубнер Р. 133, 134
Bunge M., см. также Бунге М. 168
Burdick H. 166
Burr J.R. 128
Butts R.E. 169

Carr B. 137
Cash S. 128
Callinicos A. 129, 145
Campbell K. 137, 138
Canguilhem G. 145
Cartwright N. 171
Cassirer E. 150
Chalmers A.F. 173
Chandler H.S. 163
Charbonnier G. 147
Chatterjee M. 134
Cherry C. 151
Chihara C.H. 165
Chisholm R.M., см. также Чизолм Р. 137, 139, 161
Chomsky N., см. также Хомский Н. 147, 149, 150, 152, 153
Church A., см. также Черч А. 156, 158
Примечания 181
Churchland P.M. 171
Clark M. 145
Clark R. 157
Clément C. 146
Cocchiarella N. 156
Cohen D. 152
Cohen J. 173
Cohen R.S. 132, 152, 173
Cole P. 141
Connerton P. 130, 135
Cooper D. 152

Cooper R. 156
Cornman J.W. 137
Cowan M. 150
Coward R. 144, 146
Cresswell M.J. 155, 158
Crossley J.N. 130
Culicover P.W. 153
Culicover P.W. 153
Culler J. 142, 148
Curtis J.E. 130

Gushing S. 154

D'Agostino F. 149
Dalla Chiara M.L. см. также Дала Чиара М.Л. 133
Danto A. 137
Davidson D., см. также Дэвидсон Д. 138, 141, 151, 156, 157, 159, 160, 162, 164, 165, 175
Davies M. 164
Davis J.W. 165
Davis S. 138, 155
De George R. and F. 143, 147
Dennett D., см. также Деннет Д. 170
Derrida J., см. также Деррида Ж. 144, 147, 149
Derwing B. 153
Descombes V., см. также Деском В. 133
Devitt M., см. также Девитт М. 163, 166
Diaz M.R. 132
Dilworth C. 169
Donnellan K.S., см. также Доннеллан К.С. 162
Dougherty R.C. 153
Downes R. 139
Dowty D. 155, 156, 157
Dretske F.I. 137
Dreyfus H. 145
Ducrot O. 144
Dummett M., см. также Даммит М. 1:160, 162, 167
Dunn J.M. 132
Dürr H.P. 173
Earman J. 168, 169
Edgley R. 152
Eells E. 172
Ehrmann J. 143, 146, 147
Eider F. 149
Elgin S.H. 150
Ellis B., см. также Эллис Б. 172
Ellis J. 144, 146
Elster J. 136,
Engelbrechtsen G. 133
Erde E.L. 149
Ermath M. 134
Evans G. 162, 163, 164, 166
Evans J.L., см. также Эванс Дж. 137
Felman S. 146
Fetzer J.H. 172
Feyerabend P.K., см. также Фейерабе П.К. 167, 168, 173
Finas L. 148
Findlay J.N., см. также Файндли Дж.О. 136
Finetti B. de, см. также Финетти Б. де 171
Fletcher P. 153
Floistad G.F. 130, 132, 135, 144, 155, 156, 157, 160, 164
Fodor J.A., см. также Фодор Дж. 150, 151, 153, 156, 170
Follesdal D., см. также Фёллесдаль Д. 165
Foot P. 128
Fraassen B.C. van 132, 156, 171
French P. 131, 137
Fromm E. 129
Fuchs W.W. 148
Gabbay D.M. 131, 157
Gadamer H.G., см. также Гадамер ХГ 134
Gandillac M. de 143
Garrett M. 153
182 Джон Пассмор. Современные философы
Geach P.T., см. также Гич П.Т. 128, 139, 163
Gellner E. 136

GelwickR. 169 George F. 146
Gerhardt M. 149
GeussR. 130 Giere R.N. 172
Gillies D. A. 172
Glucksmann A. 147
Glucksmann M. 145
GlymourC. 169
GoddardL. 132
GodelR. 142
Goldmann L. 143
Goldstein L. 139
Goodmann N., см. также Гудмен Н. 159, 160, 166, 167
Gordon C. 141, 145
Gregory R., см. также Грегори Р. 152
Grene M. 148
Grice P., см. также Грайс П. 138, 141
Griffin N.139
Griffiths A.P. 137
Grinder J.T. 150
Grmek M.D. 167
Grünbaum A., см. также Грюнбаум А. 174
GuethnerF. 154, 155, 159
GundersonK. 154
Guttenplan S. 163, 165, 166
Gutting G. 169

Haack S. 131, 158, 161
Hacker P. 154, 155
Hacking L, см. также Хакинг Я. 164, 169, 171, 172, 175
Halle M. 152
HamblinC.L. 155
Hamish R.M. 140
Hamlyn D.W. 170
Hanson N.R., см. также Хэнсон Н.Р. 167, 174
Hare R.M., см. также Хеар М.Р. 128
Harman G., см. также Харман Дж. 137, 141, 150, 154, 159
Harper W.L. 160, 172
Harre R. 168
Harris Z., см. также Харрис З.150
Harrison B., см. также Харрисон Б. 155, 164
Harrison R. 136
Harsanyi J.C. 172
Hawkes T. 143
Hayes E.N. and T. 147
Heller A. 129
Hesse M., см. также Хессе М. 130, 173
Hilpinen R., см. также Хилпинен Р. 161, 173
Hinckfuss I.168
Hintikka J., см. также Хинтика Я. 131, 155, 159, 164, 165
Hirsch E. 139¹
HockettC.F. 150, 151, 152
Hockney D. 131, 153, 156, 162
HollisM.174
Holton G. 169
Home R.W. 168
Honderich T. 127
Hook S., см. также Хук С. 149, 152
Hooker C.A. 132, 168
HookwayC. 136
Householder F. 150
Howard R.J. 135
Hudson W.D. 128
Hull D.L. 168
HungelandJ. 170
HuppertG. 144

Ihde D. 135

Jackson F. 137
Jacobs R.A. 141, 150
JacobsenP. 150
Jacbbson R., см. также Якобсон Р. 142
Jameson F. 142, 148
Jammer M. 168

Jay M. 130
Jeffrey R.C., см. также Джеффри Р. 172
Jensen U.J. 168
Johnson M. 141
Jones A.J. 159

Kamenka E., см. также Каменка Е. 129
Kanger S. 154, 155, 158
Kaplan D., см. также Каплан Д. 157

Примечания 183

Kasher A. 159
Katz F.M. 161
Katz J.J., см. также Кац Дж.Дж. 140, 149, 150, 153, 154, 156, 161
Keat R. 136
Keenan E.L. 153, 155, 159
Kelly M. 146
Kemp P. 144
Kempson R.M. 140, 153, 164
Kennick W.E. 174
Kiefer H.E. 154
Kimmerle H. 134
Kisiel T. 169
Kitcher P. 167
Klemke E.D. 128
Kolakowski L., см. также
Колаковский Л. 129
Kordig C.R. 174
Körner S. 131, 163 Kortian G. 130
Kripke S., см. также Крипке С. 157, 162, 163
Kurzweil E. 144
Kyburg H.E. 171, 173

Ласан Ж., см. также Лакан Ж. 146
Lacey A.R., см. также Лейси Э.Р. 128, 164
Lakatos L., см. также Лакатос Л. 167, 169
Lakoff G., см. также Лакофф Дж. 141, 151, 156
Lambert K. 131, 158
Langendoen D.T. 150
Laudan L. 173 Leach E. 147
Leblanc H. 154, 164
Lecourt D. 145 Leeds S. 167
Lehman H. 145, 167
Lehrer K. 137, 172
Leiber J. 149
Leinfellner W. 156
Lemmon E.J. 158
Lenk H. 133
Levi L., см. также Леви И. 172
Levinson S.C. 158
Lévi-Strauss C., см. также Леви-Стросс К. 146, 147
Levy B.-H. 147
Lewis D.K., см. также Льюис Д.К. 138, 159, 160
Linge D.E. 135
Link G. 155
Linsky L. 157, 158, 162
Loar B. 141, 164
Lopes L.J. 168
Lorenzen P. and K. 159
Loux M.J. 138, 158, 161
Lucas J.R. 168
Lukacs D., см. также Лукач Д. 129
Luschei E.C. 158
Lycan W.G. 170
Lyons J. 143, 149, 153

McCall S. 158
McCarthy T. 130
Macdonald G.F. 137, 166
McDowell J. 164, 166
McGinn C. 170
MacIntyre A. 128, 136
Mackay A. 141
Mackie J.L., см. также Мэки Дж. Л. 128, 137, 139, 160
Macksey R. 144, 147

McMurtryJ. 129
Magee B. 149
MakkreelR. 134
Mandelbaum D.G. 150
Manninen J. 135
Margalit A. 163, 166
Margenau H. 168
Margolis J. 170
Martin R.M. 155, 159
Mates B. 158, 163
Matson W.1.170
Matthews P. 150
Mayr D. 168
Mediin B. 138
Meiland J. W. 174
Mellor D.H. 139, 163, 172
Mepham J., см. также Мефам Дж. 129, 145
Mermin A.D. 171
Meyer R.K. 132
Miller J.M. 144
184 Джон Пассмор. Современные философы
MischelT.170
MittelstaedtP.132
MönnichU. 131
Montague R., см. также Монтегю Р. 155
Montefiori A. 133
MoravcsikJ.M.E. 153, 155
Morgenbesser S. 151
MorickH.140
MulkayM.J.174
MunitzM.K.139, 154

Nagel E. 172, 174
Nagel T., см. также Нагель Т. 138, 139, 163, 164, 170
NerlichG. 168
Newmeyer F.J. 150, 154
Newton W.H. 171
Nicholas J.M. 170
NicklesT. 167
NidaC.A. 154
NiiniluotoL 160, 172
NoonanH. 139
Norris C. 148
Nozick R., см. также Нозик Р. 137
Nute D. 160

O'Connor D.J. 137
Ogden C.K. 142
OlsenR.E. 134, 165
Ortony A. 141 Otero G. 141, 150

Palmer R.E. 134, 135
Pandit G.L. 169
PapineauD. 169, 173
PappasG.S. 137
Parain-VialJ. 143, 149
Parfit D. 139
Parkinson G.H. 129
ParretH.142, 143, 149, 150, 151, 154, 166
Parsons T., см. также Парсонс Т. 132, 156, 157, 161
Partee B., см. также Парти Б. 155
Passmore J.A. 129, 167, 168, 169, 174
Patton T.E. 141
Paz O. 147
PeacockeC. 162, 164
Pearce G. 169
Pears D. 164
PeleJ. 158, 159
Pelletier F.J. 163
PenelhumT. 139
PeraM. 134
Perry J. 139
Peters S. 154
Pettit P. 143, 147

Piaget J., см. также Пиаже Ж. 143
Piatelli-Palmarini M. 153
Piccone P. 146
Pitcher G. 138
Plantinga A. 134, 160, 161
Platts M., см. также Платте М. 140, 141, 163, 165, 166
Polanyi M., см. также Полани М. 169
Pollock J.L. 161
Polya G., см. также Полайи Д. 167
Popper K.R., см. также Поппер К.Р. 167, 168, 172
Postal P.M., см. также Постал П.М. 150, 154
Poster M. 144, 145, 146
Presley C.F. 138
Priest G. 132
Prior A.N., см. также Прайор А.Н. 156, 157
Przelecki M. 155
Putnam H., см. также Патнэм Х. 132, 139, 152, 154, 163, 164, 167, 171

Quine W.V.O., см. также Куайн У.В.О. 138, 157, 163, 165, 166, 167, 174
Quinton A. 136

Rabinow P. 145
Rachels J. 145
Radnitzky G. 133, 169, 173
Ramsey F.P., см. также Рамсей Ф.П. 139
Rancière J. 145
Reagan C.E. 135
Reichenbach H., см. также Рейхенбах Г. 132, 161, 168
Rennie M.K. 157
Rescher N., см. также Решер Н. 131, 132, 137, 157, 169, 175
Richards I.A. 142
Rickey V. 158
Примечания 185
Rickmann H.P. 134
Ricoeur P., см. также Рикер П. 128, 135, 145, 146
Ringle M.D. 170
Robey D. 142, 143
Robinson I. 150
Rootselaar B. van 158
Rorty A. 139
Rorty R., см. также Рорти Р. 138, 148, 169
Rosenberg J.F. 140, 164
Rosenkrantz R.D. 171
Ross J.R. 140 Roth M. 137
Routley R., см. также Раутли Р. 132, 139
Rundle B. 155
Ruse M. 168
Ryan A. 136
Ryan M. 148
Saarinen E. 159, 165
Sadock J. 140
Salmon N. 163
Salus P.H. 142
Sampson G. 149, 150
Sapir E. 150
Savage C.W. 170
Savage L.J., см. также Сэвидж Л. Дж. 171
Sayer D. 145
Schaff A. 129, 150
Scheffler I. 156, 174
Schiffer S.R. 141
Schupp P. A. 172
Schlesinger G.N. 137
Schwartz S.P. 161, 163
Scott D. 158
Scruton R., см. также Скрутон Р. 140
Searle J.R., см. также Серль Дж.Р. 140, 141, 158, 162
Sebag I. 145
Sebeok T.A. 142, 144.
Sellars W., см. также Селларс У. 140, 159
Seung T.K. 143
Seuren P. 153
Shapere D. 173
Shapiro G. 135

Sheridan A. 145
Shoemaker S., см. также Шумейкер С. 139, 170
Shope R.K. 138
Shorter J.M. 140
Sicha J. 159
Simon H.A. 167, 168
Singer P. 128 Skala H.J. 156
Sklar L. 168
Skolimowski H. 129
Skyrms B. 160
Sloat C. 162
Sloman A. 170
Smart J.J.C., см. также Сمارт Дж.Дж. 171
Smith N. 150
Smith S.B. 146
Sneed J.D., см. также Снид Дж. Д. 168
Sommers F. 132
Sorabji R. 161 Sosa E. 160
Sousa R.B. de 163
Spivak G. 148
Stalnaker R., см. также Столнейкер Р. 159, 161
Stampe D.W. 141
Stanton M. 146
Stegmüller W., см. также Штегмюллер В. 127, 133, 133, 155
Steinberg D. 141, 153, 162
Stenius E. 159
Stenlund S. 155
Stern R. 154
Stich S.P. 152
Stove D.C. 173
Stoy J. 158
Strawson P.P., см. также Стросон П.Ф. 141, 164
Stroud B. 175
Sturrock J. 144, 148
Suppe F., см. также Суппе Ф. 169, 174
Suppes P. 151, 168
Swartz N. 161
Swinburne R., см. также Свинберн Р. 139, 168
Szrednicki J. 158

186 Джон Пассмор. Современные философы

Taylor B. 165
Taylor C., см. также Тэйлор Ч. 135, 136
Thiselton A.C. 135
Thomas D. 136
Thomas S.N. 170
Thomason R.H. 155
Thompson E.P. 145
Thompson J.B. 130
Toulmin S.E., см. также Тулмин С.Э. 174
Turkic S. 146

Ullman-Margalit E. 136
Unger P., см. также Унгер П. 137
Urquart A. 157
Urry J. 136

Vachek J. 142
Vadée M. 145
Vendler Z. 163
Vesey G. 152, 166
Vincent J.M. 145

Wagner C. 172
Wahl F. 144
Wallace J., см. также Уоллес Дж. 128, 162
Wanner E. 153 Wexler K. 153
Wiggins D., см. также Виггинс Д. 139, 161
Williams B. 139
Williams M. 137
Wilson D. 131, 150
Wilson E.O., см. также Уилсон Э.О. 140
Wilson N.L. 141
Winch P., см. также Уинч П. 136

Wollheim R. 146
Woods J. 161
Wright C., см. также Райт К. 166
Wright G.H. von, см. также Вригт Г.Х. фон 131, 135, 137
Zabeeh F. 157, 158
Ziff P., см. также Зифф П. 141, 151, 162

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Примечания 187

Аналитические высказывания 66—67, 103—104, 123
Англо-американская философия 9, 12, 14, 18, 19—21, 34, 39, 63, 84, 123, 133, 135—136
Антиреализм 83, 91—93, 94, 98, 102, 103, 105, 110, 120, 123, 166

Бинарные противоположности 33, 38, 39, 111—112
Биология 17, 18, 36, 84, 107
Биологии философия 140, 168
Бихевиоризм 23, 41, 42—43, 106

Вероятность 61, 114—115, 160, 171—172
Возможные миры 53, 55, 56, 57, 58, 60—66, 67—68, 96, 161
Временная логика 55, 156—157
Врожденность 44—45, 46, 152
Вторичные качества 23, 138

Гегельянство 34
Герменевтика 20, 21, 119, 122, 126, 134—135, 146, 175
Глубинные структуры 41—42, 48—49, 76, 151, 154, 165

Двойники 65, 69
Деконструкция 38, 148
Деонтическая логика 16, 161
Десигнаторы жесткие 67—68, 70
Досократики 18, 94, 140

Естественные виды 68, 103—105, 120, 139, 163

Законы научные 24, 61, 74—75, 138, 171
Зелубой 62, 160
Знаки 31—33, 38—39, 41, 42, 142, 144
Знание 16, 21—22, 44, 124
 неявное 44, 45, 85—86, 88, 89
 социология 13, 102, 120, 130, 167, 169, 174
Значение 28—29, 39, 40, 43, 47, 68, 76—77, 78, 79—80, 81—82, 83, 84—91, 92—93, 106, 166

Игр теория 59, 60
Имена собственные 66, 67—68, 69, 83, 87, 162—163
Импликация 14, 15, 16, 17, 30, 74
Интенциональная логика 54, 55—56
Интенции (намерения) 28—29, 39, 40, 41, 72
Интенциональность 23, 28, 72, 108, 156
Интуционизм 71, 87—89, 99
Искусственного интеллекта машины 108—109, 170
Исследовательские программы 116—117, 118
Истина 47, 52, 56, 60, 66—67, 69, 71, 77, 78, 83, 89—90, 96—97, 120, 124, 126, 165
Истинности условия 49, 51, 56, 63, 77, 88—89, 93, 121, 136, 140

Качества вторичные 23, 138 Квантовая механика 18, 98, 99, 100—101, 132, 171
Когерентность 33, 75, 97, 110, 113
Конвенции 58—60, 78, 98, 159
Континентальная философия 12, 19—21, 33, 37, 119, 133—134
Контрфактические высказывания 61—63, 64, 65, 78, 88—89, 160, 161
Лингвистика 13—14, 19, 29, 31—33, 36, 41—46, 50, 107, 150
Логика

 временная 55, 156—157
 деонтическая 16, 161
 интенциональная 54, 55—56
 математическая 14—17, 37, 49, 130—131
 модальная 16, 53, 157—158, 161

188 Джон Пассмор. Современные философы
 неформальная 15
 паранепротиворечивая 17, 132
 прагматическая 55—56, 158—159
 релевантная 16, 17, 132

- философская 9, 14, 128, 130—131
- Логика философия 14, 131
- Логическая форма 14, 52, 55, 73, 76, 79, 151, 164
- Логические парадоксы 15—17
- Логический позитивизм 18, 90
- Марксизм 11—12, 13, 36, 128—129, 136, 143, 145—146, 147
- Массовые термины 68, 79, 163
- Математическая логика 14—17, 37, 49, 130—131
- Математика 19, 87, 88, 89, 91, 92, 116, 167
- Математики философия 87, 92, 99—100, 116, 167
- Материализм 22—23, 69—70, 74—75, 106—107, 138, 170
- Машины
 - искусственного интеллекта 108—109, 170
- Тьюринга 106—107, 108, 130—131
- Мнение 16, 21—22, 23, 30, 58, 59, 63—64, 71, 74—75, 80, 81, 91, 107—109
- Множеств теория 49, 53, 56, 111, 157
- Модальная логика 16, 53, 157—158, 161
- Морали философия 9—10, 128
- Наблюдение и теория 89, 98, 101, 116—117, 169, 174
- Научные законы 24, 61, 74—75, 138, 171
- Науки философия 13, 17—18, 99—102, 107, 113—114, 115—122, 129—130, 145, 167—170, 171, 173—174
- Необходимость 26, 66—67, 68—70, 99, 105, 120, 161, 163
- Неформальная логика 15
- Номинализм 24, 91, 94, 97, 99—100, 159
- Обыденный язык 13, 14, 27, 41, 50—52, 54—55, 71, 87, 92, 101, 155, 156
- Оксфордская философия 25, 27, 29, 31, 35, 71—72, 87, 140, 141
- Открытие 42, 112, 114, 167
- Парадигмы 101—103, 117, 169
- Парадоксы логические 15—17
- Паранепротиворечивая логика 17, 132
- Перевод 54—55, 78, 80, 86, 93, 102, 124, 154, 166
- Постструктурализм 37—40
- Прагматизм 13, 101, 112, 122, 126, 175
- Прагматическая логика 55—56, 158—159
- Прикладная философия 10—11
- Причинность 72—74, 75, 100, 160
- Пропозициональные установки 75, 82, 165
- Пространство—время 18, 22, 23
- Психология 45, 76, 80, 107, 109, 114, 115
 - когнитивная 18, 45, 107, 137, 152, 170
- Реализм 26, 64, 91—93, 94, 98—99, 100, 105, 110—111, 112—113, 117, 120, 122, 123—124, 166, 171, 173
- Релевантная логика 16, 17, 132
- Религии философия 121—122, 128, 161
- Релятивизм 94, 97—98, 102—103, 111, 114, 118—119, 120, 121, 122
- Референция 60, 67—68, 77, 86, 103, 104—105, 107—108, 112—113
- Речевые акты 13, 28—29, 34, 39, 79, 129, 140, 150
- Семантика 20, 24, 38—39, 48—60, 63, 72—73, 76—90, 91, 128, 153—154, 164—166
- Семантические маркеры 47—48, 60, 154
- Семиология 31, 35, 144
- Синтаксис 42, 45, 47, 48, 52, 53—55, 56
- Склонности 61, 114, 160
- Следование 14, 76, 90
- Социальных наук философия 9, 18, 130, 135—136, 169
- Социология знания 13, 102, 120, 130, 167, 169, 174
- Структурализм 13, 33—37, 40—41, 42—43, 46, 111, 142—145
- Субъективизм 98, 114, 171—172
- Сущности 26
- Теоретические термины 101, 141
- Примечания 189
- Теория
 - игр 59, 60
 - и наблюдение 89, 98, 101, 116—117, 169, 174
 - множеств теория 49, 53, 56, 111, 157
- Термины
 - массовые 68, 79, 163
 - теоретические 101, 141
- Трансцендентальные аргументы 28, 141

Тождество 24—26, 38, 39, 54, 57, 66, 69—70, 73, 74, 75, 80, 106, 139, 164, 170
Тьюринга машины 106—107, 108, 130—131

Умение 44-45, 46, 47, 49, 85, 152
Универсалии 24, 138
Условия истинности 49, 51, 56, 63, 77, 88—89, 93, 121, 136, 140

Фальсифицируемость 90, 116
Феминизм 10, 125
Феноменализм 91, 93, 175
Феноменология 20, 130, 145, 165
Физикализм 96, 108, 112, 120, 131
Философия

англо-американская 9, 12, 14, 18, 19—21, 34, 39, 63, 84, 123, 133, 135—136
биологии 140, 168
в Австралии 17, 22, 62—63, 132, 160
в Австрии 17, 19, 20
в Германии 18, 19, 20, 133
в Италии 19, 133
в Канаде 21
в Польше 19, 134
в Финляндии 19
во Франции И, 19, 20, 33—42, 133
как наука 84, 94—95, 123—126, 174—175
континентальная 12, 19—21, 33, 37, 119, 133—134
логики 14, 131
математики 87, 92, 99—100, 116, 167
морали философия 9—10, 128
науки 13, 17—18, 99—102, 107, 113—114, 115—122, 129—130, 145, 167—170, 171, 173—174
Оксфордская 25, 27, 29, 31, 35, 71—72, 87, 140, 141
прикладная 10—11
религии 121—122, 128, 161
социальных наук 9, 18, 130, 135—136, 169
языка 14, 20, 27—29, 50—51, 83—87

Философская логика 9, 14, 128, 130—131
Форма логическая 14, 52, 55, 73, 76, 79, 151, 164
Функционализм 106—109, 170

Холизм 79, 86—87, 110

Чувственные данные 22, 50, 94—95, 117

Экзистенциализм 33—34, 35, 145
Экстенциональность 53, 77, 78, 82
Эмпиризм 19, 27, 32, 38, 43, 44, 46, 84, 85, 110, 121, 140, 142
Эпистемология 9, 12, 13, 18, 19, 34, 56, 80, 84, 98, 99, 111, 118, 119, 124, 125, 126, 129, 137—138, 154, 170
Язык обыденный 13, 14, 27, 41, 50—52, 54—55, 71, 87, 92, 101, 155, 156
Языка философия 14, 20, 27—29, 50—51, 83—87
Языковые игры 78, 85, 119, 159

Научное издание

ДЖОН ПАССМОР СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФЫ

Перевод с английского Л. Б. Макеевой

Корректор М. Рубштейн Художественное оформление Идея-Пресс

Художник В. П. Коршунов

В оформлении использованы рисунки Дениски Назарова Оригинал-макет Идея-Пресс

Идея-Пресс

ИД № 00208 от 10 октября 1999 123056 Москва Тишинская пл. д. 6

Наши книги

спрашивайте в московских магазинах

Справки и оптовые закупки по тел. 247.17.57 (маг. «Гнозис»), 939.47.13 (Воробьевы горы, МГУ, 1-й гум., отд. маг.)

Подписано в печать 12.11.2001 Формат 70х100/16. Гарнитура Тайме Нью-Роман Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 12 Тираж 3000 экз. Заказ № 360

Издательство «Идея-Пресс» имеет честь предложить Вашему вниманию издательский проект к 80-летию ВЕНСКОГО КРУЖКА

1. Виктор КРАФТ. Венский кружок. 256 с.

Книга представляет особую ценность в качестве единственного и «из пер-вых рук» (В. Крафт — член Венского кружка) описание истории создания уникального в XX в. объединения интеллектуалов и подробный анализ основных положений логического позитивизма до 1937 г.

2. ВЕНСКИЙ КРУЖОК И «ERKENNTNIS». 560 с.

Сборник имеет целью представить Венский кружок и его печатный орган -журнал «Erkenntnis» — публикациями наиболее значимых и интерес-ных статей за период с 1930 по 1937 гг. Практически все материалы будут впервые переведены на русский язык. Это статьи М. Шлика; Р. Карнапа; О. Нейрата; Г. Фейгля; О. Гана; Ф. Вайсмана; Э. Цильцеля на вечные и актуальные темы: единство науки, истина, значение, взаимоотношения психологии и логики, реализм, смысл понятий этики и др.

3. ДРУЗЬЯ И КОЛЛЕГИ (1930—1952). 720 с. в 2 тт.

Сборник(и) статей, представляющие попытку реконструкции панорамы становления и развития программы логического позитивизма в работах членов Берлинской группы Венского кружка (К. Гемпель, Г. Рейхенбах, К. Греллинг, В. Дубислав); членов Львовско-Варшавской школы (Лукасевич, К. Айдукевич, Лесьневский, Завирский, А. Тарский и др.), коллег в Англии (С. Льюис, Ф. Рамсей, А. Айер и др.), США (У. Куайн, Э. Нагель, Р.Чизом, У. Селларс) Практически все материалы будут впервые переведены на русский язык.

4. ТРАГЕДИЯ И ТРИУМФ ВЕНСКОГО КРУЖКА: судьбы логического позитивизма во второй половине XX в. (1952—1970). 800 с. в 2 тт.

Сборник(и) статей представляют попытку хронологической реконструкции лет логического завершения разработки теории логического позитивизма и одновременной его (само)ликвидации, а также реконструкции влияния идей логического позитивизма на философию XX в., их развитие как на Западе, так и в России. Большинство работ будут впервые представлены на русском языке. Среди авторов: К. Гемпель, Г. Рейхенбах, У. Куайн, А. Пап, Э. Нагель, Р. Карнап, А. Айер, Брейтуэйт, Ф. Франк, Крэйг и др. В сборник предполагается включение статей российских философов, разрабатывающих проблематику логического позитивизма.

Предполагается написание вступительных статей и поиск иллюстратив-ного материала для оформления всех книг.

В издательстве «Идея-Пресс» и «Дом интеллектуальной книги» вышли в свет книги:

НИКИФОРОВ А.Л. «КНИГА ПО ЛОГИКЕ». — 240 стр. НИКИФОРОВ А.Л. «ФИЛОСОФИЯ НАУКИ». — 256

стр. ГЕМПЕЛЬ К. Г. «ЛОГИКА ОБЪЯСНЕНИЯ». — 240 стр. ПАТНЭМХ. «ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ». —

240 стр. «СОВРЕМЕННЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ». — 256 стр. БОРРАДОРИДЖ. «АМЕРИКАНСКИЙ

ФИЛОСОФ». — 208 стр. АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: Становление и развитие. — 540 стр.

РАССЕЛ Б. «ИСКУССТВО МЫСЛИТЬ». — 240 стр. ФИЛОСОФИЯ В XX в.: Швейцария.

КЮНГ. «ОНТОЛОГИЯ И ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА». — 240 стр. ОСТИН ДЖ. «ИЗБРАННОЕ». —

336 стр. РАССЕЛ Б. «ИССЛЕДОВАНИЕ ЗНАЧЕНИЯ И ИСТИНЫ». — 400 стр.

УОЛЦЕР М. «КОМПАНИЯ КРИТИКОВ: Социальная критика

и политические пристрастия в XX в.» — 372 стр.

ФЛЕКЛ. «ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НАУЧНОГО ФАКТА». — 240 стр.

Р АИЛ Г. «ПОНЯТИЕ СОЗНАНИЯ». — 400 стр.

УОЛЦЕР М. «О ТЕРПИМОСТИ». — 208 стр.

КОЗЕРЛ. «ФУНКЦИИ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА». — 224 стр.

КУЛИ Ч. «ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ПРИРОДА И СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК». — 320 стр.

ПРИСТ С. «ТЕОРИИ СОЗНАНИЯ». — 264 стр. -

ДАНТО А. «НИЦШЕ КАК ФИЛОСОФ». — 272 стр.

НАГЕЛЬ Т. «ЧТО ВСЕ ЭТО ЗНАЧИТ? Очень краткое введение в философию». — 84 стр.
НИКИФОРОВ А. Л. «ПРИРОДА ФИЛОСОФИИ». — 168 стр. и др.

Сканирование: Елена Косилова. Форматирование и прошивка: [Янко Слава](#) (Библиотека [Fort/Da](#)) ||
slavaaa@yandex.ru || yanko_slava@yahoo.com || <http://yanko.lib.ru> || Icq# 75088656 || Библиотека:
<http://yanko.lib.ru/gum.html> ||
update 13.03.06
